
АГЕНТ национальной безопасности
007
007 ДЖЕЙМС БОНД
ЯН ФЛЕМИНГ
КАЗИНО «РУАЯЛЬ»

Казино «Руаяль»
Ян Флеминг

Аннотация
Ян Флеминг. Казино «Руаяль»
1. Секретный агент
2. Досье для М
3. № 007
4. Соседи
5. Девушка из центра
6. Двое в соломенных шляпах
7. Красное и черное
8. Красный абажур и шампанское
9. Игра под названием «баккара»
10. Большой стол
11. Момент истины
12. Лицо смерти
13. «Шепот любви и ненависти»
14. Жизнь в розовом свете
15. Черный заяц и серая гончая
16. Снова вместе
17. «Мой мальчик»
18. Ангел смерти
19. Последний кошмар
20. Природа зла

21. Веспер
22. Черный фургон
23. Прилив
24. Fruit Defendu
25. Черная повязка
26. «Теперь все будет хорошо»
27. Прощание

Аннотация

Джеймс Бонд направляется во Францию, чтобы обезвредить французского политика Ле Шиффра — главу крупного профсоюза и одновременно агента СМЕРШа. Растратив огромную сумму из профсоюзной кассы, Ле Шиффр на последние деньги надеется выиграть в казино, чтобы спасти себе жизнь и репутацию. В игру вступит агент 007 с очередным заданием: разорить Ле Шиффра и устранить его с политической арены...

Вся Англия восхищается мультимиллионером, который спонсирует проект создания баллистической ракеты «Мунрэкер». Правда, причудливый и шокирующий своими манерами богач мошенничает в карточной игре. Мог ли Джеймс Бонд предположить, что просьба проучить зарвавшегося шулера втянет его в этот проект, завершение которого было омрачено загадочным убийством...

Ян Флеминг
Казино «Руаяль»

1. Секретный агент

К трем часам ночи запах табачного дыма и пота становится невыносимым. Нервное напряжение игроков — тугой клубок алчности, страха и сосредоточенности — достигает предела; в свои права вступают чувства, эмоции выходят из-под контроля. Внезапно Джеймс Бонд понял, что устал. Он всегда прислушивался к тому, что подсказывало естество, и доверял ему. Инстинкт помогал избежать пресыщения и предупреждал моменты, когда острота восприятия притупляется и растет риск наделать ошибок.

Он отошел от рулетки и ненадолго остановился у медного ограждения, окружавшего большой стол для карт. Намбер продолжал играть и, по-видимому, выигрывал. Перед ним громоздилась гора стотысячных жетонов. Рядом с могучей левой рукой — неприметная стопочка желтых фишек по полмиллиона франков каждая.

Бонд на мгновение задержал взгляд на впечатляющем профиле Намбера, затем пожал плечами, как бы отгоняя недоумение, и двинулся к кассам. Кассы отделяли от зала высокие, до подбородка,

перегородки. В этих загонах сидели на крутящихся табуретках и распихивали по полочкам жетоны и банкноты кассиры, типичные банковские служащие.

Перегородка в человеческий рост плюс положенные клерку дубинка и револьвер... Перемахнуть через ограждение, схватить пачку банкнот, перепрыгнуть обратно и убежать по коридорам, где столько дверей, невозможно. К тому же кассиры работают, как правило, по двое.

Бонд продолжал размышлять о возможности ограбления, получая из рук кассира стопку банкнот по сто тысяч, затем пачки купюр по десять тысяч франков. Одновременно он представлял, как, вероятнее всего, пройдет завтра обычное собрание дирекции казино:

«Месье Намбер сделал два миллиона. Играл, как обычно. Мисс Фэачайлд за час собрала миллион, затем спасовала. Она целый час держала три банка месье Намбера, но бросила карты. Играла спокойно. Месье виконт де Вийорэн сыграл миллион двести на рулетке. Играл по максимуму на первой и последней дюжинах. Ему везло. Англичанин мистер Бонд вновь в выигрыше: ровно три миллиона за два дня. Играл мартингал на красном за пятым столом. Дюкло, он вел партию,

может сообщить детали. Мистер Бонд настойчив, умеет рисковать. Игра у него идет, да и нервы, похоже, крепкие. За вечер железка выиграла столько-то, баккара — столько-то, рулетка дала столько-то, на шарах, где очередной спад публики, соотношение один к одному»..

«Merci, monsieur Xavier»

«Merci, monsieur le President».

«Или что-то в этом духе», — подумал Бонд, продолжая свой путь к выходу через вращающиеся двери. У одной из них он раскланялся на прощание с затянутым во фрак мужчиной, работа которого состояла в том, чтобы по первому сигналу тревоги мгновенно блокировать все двери, для чего достаточно нажать ногой кнопку в полу.

На сем участники собрания передадут в президиум свои отчеты и поедут обедать — кто домой, кто в ресторан.

«Нет, грабить кассу казино Намбер не станет, — подумал Бонд, — для этого потребовался бы десяток тренированных парней, которым никак не обойтись без того, чтоб не уложить одного-двух служащих казино. Вряд ли во Франции или в какой другой стране просто подыскать для такого рода работы десять прохлаждающихся без дела убийц».

Пока Бонд давал тысячу франков на чай в гардеробе и спускался по ступенькам парадного входа, он окончательно решил, что Намбер ни при каких обстоятельствах не станет грабить кассу, выбросил этот вариант из головы. И занялся анализом своих физических ощущений. Острый гравий проминал подошвы его лакированных ботинок; во рту стояла неприятная горечь; чуть вспотели подмышки; глаза как будто разбухли от напряжения; лоб, нос, щеки горят. От глубоко вдохнул чистый ночной воздух и взял себя в руки. Любопытно было бы знать, обыскали ли его комнату, пока его не было.

Он перешел на другую сторону бульвара и прошел через парк отеля «Сплендид». Улыбнувшись, взял из рук консьержа ключ от своего номера — 45, второй этаж, — и телеграмму. Она была отправлена с Ямайки:

КИНГСТОН ХХХХ ХХХХХХ ХХХХ ХХ
ДЕПАРТАМЕНТ ПРИМОРСКАЯ СЕНА
РУАЯЛЬ-ЛЕЗ-О СПЛЕНДИД БОНДУ
ГАВАНСКИЕ СИГАРЫ ПРОИЗВОДСТВО С 1915 ВСЕ ЗАВОДЫ НА КУБЕ
ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ПОВТОРЯЮ
ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ ТЧК НАДЕЮСЬ

СУММА ПОДХОДЯЩАЯ ДРУЖЕСКИ ДА СИЛВА

Это означало, что десять миллионов франков вот-вот будут в его распоряжении. Телеграмма была ответом на просьбу выслать ему дополнительные средства, которую Бонд передал днем через Париж к себе в бюро в Лондон. Париж переговорил с Лондоном; Клемент, шеф департамента Бонда, — с М., который, холодно улыбаясь, попросил Финансиста уладить дело с казной.

В свое время Бонду пришлось выполнять задания на Ямайке, поэтому здесь, в Руаяль-лез-О, он работал как исключительно богатый клиент «Каффери», основной импортно-экспортной ямайской фирмы. Инструкции передавались ему с Ямайки молчаливым человеком, неким Фоусеттом, заведующим фотоотделом в скандальной карибской газете «Дейли Глинер».

Фоусетт начинал как учетчик на одном из крупнейших черепаховых промыслов на Каймановых островах. Был в первой партии островитян, ставших под ружье в самом начале войны; службу закончил помощником начальника финчасти маленькой флотской разведслужбы на Мальте. В конце войны, когда Фоусетт с тяжелым сердцем

готовился вернуться к себе на острова, на него вышел карибский отдел, и парень, оказавшийся большим любителем фотографии и некоторых других видов творческой работы, с ненавязчивой помощью одного влиятельного на Ямайке человека сумел прийтись ко двору в газете.

Он разбирал фотографии, присылаемые такими известными агенствами, как «Кейстоун», «Уайд Уорлд», «Юниверсал», «Ай-Эн-Пи» и «Рейтер-Фото», и время от времени получал по телефону инструкции от человека, которого никогда в жизни не видел.

Фоусетту поручались простые операции, не требующие ничего, кроме умения молчать, расторопности и точности исполнения. За свои небольшие услуги он ежемесячно получал по двадцать фунтов, переводившихся на его счет в канадском «Роял Бэнк» несуществующим родственником-англичанином.

Сейчас его задача состояла в том, чтобы без промедления передавать Бонду открытым текстом все то, что ему сообщал по телефону его аноним, заверивший великого фотографа, что телеграммы никоим образом не могут вызвать подозрений у ямайской почты. И Фоусетт как должное воспринял то, что в одночасье стал корреспондентом

Прибрежного информационного агентства с правом беспрепятственного выезда и отправки корреспонденции во Францию и Англию и с дополнительным ежемесячным гонораром в десять фунтов.Успокоенный и приободренный, мечтая о медали Британской империи, Фоусетт сделал первый взнос на «моррис майнор», а также приобрел себе зеленую бейсбольную кепку, к которой давно приглядывался. Она защищала глаза от солнца и помогала ему утверждаться на посту начальника фотоотдела.

Бонду телеграмма говорила о многом. Он привык, что его косвенно контролируют, и это было ему даже приятно, давало ощущение комфорта. И хотя он понимал, что находится сейчас много дальше, чем просто по другую сторону Ла-Манша, в двухстах километрах от грозного здания по соседству с Риджентс-парк, откуда за ним внимательно следят и трезво оценивают несколько холодных голов, он предпочитал думать, что здесь, в Руаяль-лез-О, есть еще кто-то из Службы, а сам он находится в том же положении, что и Фоусетт, островитянин с Каймановых островов, живущий в Кингстоне: тот знал, что если он купит свой «моррис майнор» за живые деньги, а не в рассрочку, кто-то, вероятно, узнает об этом

в Лондоне и захочет выяснить, откуда взялись эти средства.

Бонд перечитал телеграмму дважды. Из пачки на стойке он вытянул чистый бланк и большими буквами написал ответ:

СПАСИБО СВЕДЕНИЙ ДОСТАТОЧНО — БОНД

Отдав бланк консьержу, он убрал телеграмму от «Да Силва» в карман, зная, что те, кого информирует консьерж, если они есть, могли за небольшую плату получить копию в местном почтовом отделении, если уже не распечатали телеграмму тут же в гостинице.

Бонд взял свой ключ и, жестом отказавшись от услуг лифтера, стал подниматься к себе в номер по лестнице. Для него лифт всегда был источником опасности. И даже когда он твердо знал, что на этаже его не встретит якобы заблудившийся постоялец, он предпочитал оставаться настороже. Бесшумно поднимаясь по лестнице, Бонд все больше сожалел о сдержанности своего ответа М. Как игроку, ему было ясно, что нельзя ограничивать в игре свободу маневра. Но М. вряд ли выдал бы больше денег. Бонд пожал плечами, свернул в коридор и медленно подошел к своей двери.

Мгновенно нащупав выключатель и придерживая дверь широко распахнутой, он замер на

пороге ярко освещенной комнаты, приготовившись стрелять. В номере никого не было. Бонд заперся на ключ, включил торшер и швырнул пистолет на канапе у окна. Потом наклонился к секретеру, проверяя, на месте ли оставленный вечером на выдвижном ящике волос.

Волос оказался на месте. Как будто нетронут был и тончайший слой талька на внутренней стороне ручки платяного шкафа. Бонд перешел в ванную, отвинтил крышку сливного бачка и проверил уровень воды по своей отметке на медном поплавке.

Проводя тщательную проверку отработанных годами систем оповещения о визитах непрошенных гостей, Бонд не чувствовал себя ни смешным, ни всесильным. Он был секретный агент и если до сих пор ходил по земле, то благодаря тому предельному вниманию, с каким относился к мелочам своей профессии. Подобные элементарные меры предосторожности для него выглядели не более бессмысленными, чем те, которые соблюдают аквалангисты, испытатели самолетов и все остальные, кто зарабатывает на жизнь постоянным риском.

Убедившись, что комнату в его отсутствие не обыскивали. Бонд разделся, принял холодный

душ, закурил семнадцатую сигарету за день и, прихватив толстую пачку банкнот — резерв и сегодняшний выигрыш, — расположился за секретером, чтобы вписать несколько новых цифр в маленький блокнот. За два дня игры он прибавил три миллиона франков. Десять миллионов ему выдали в Лондоне, еще десять он запросил. Вместе с последней суммой, в эти минуты отосланной в местный филиал «Креди Лионэ», его оперативный фонд составлял двадцать три миллиона франков.

Еще секунду-другую Бонд неподвижно сидел, глядя на темнеющее за окном море, затем сунул купюры под валик элегантной одноместной кровати, прополоскал рот, выключил свет и с наслаждением скользнул под сильно накрахмаленные, как любят французы, простыни. Десять минут он лежал на левом боку, прокручивая в памяти события дня, потом перевернулся на правый и мысленно направил свое сознание в тоннель сна.

Уже засыпая, он сунул руку под валик и нащупал рукоятку «полис-позитив» 38-го калибра с укороченным стволом. Когда он спал, его лицо с погасшим теплым и веселым взглядом застывало безжизненной, жестокой и насмешливой

маской.

2. Досье для М

Двумя неделями раньше из центра S на имя М., бывшего тогда и по-прежнему остающегося начальником секретной службы британского министерства обороны, была направлена служебная записка следующего содержания:

"Для: М.

От: центра S

По вопросу: план нейтрализации Н.

Намбер (он же «месье Нюмеро», «герр Нуммер», «герр Циффер» и т. п.), один из основных агентов оппозиции во Франции; прикрытие — казначей контролируемого коммунистами профсоюза эльзасских рабочих, объединяющего рабочих тяжелой промышленности и транспорта Эльзаса, по нашим данным, «пятой колонны» в случае конфликта с красными.

Документы: приложение Д — данные на Намбера; приложение Б — справка о СМЕРШ.

В последнее время у нас появились данные, что Намбер находится в сложном финансовом положении. По многим аспектам Намбер — агент, чрезвычайно ценный для СССР, однако

при его пристрастиях и специфических вкусах он уязвим. Так, одна из его любовниц, евразийка, контролируемая центром F (№ 1860), получила информацию о его счетах в банке. Судя по всему, он на грани разорения. Это подтверждают, как выяснил № 1860, тайные распродажи драгоценностей и виллы на Антибах, ограничение ранее привычных для Намбера больших расходов. Более углубленные исследования, проведенные в контакте с коллегами из Второго бюро (оно подключено к делу), вывели нас на следующую информацию.

В январе 1946 года Намбер взял под контроль сеть публичных домов в Нормандии и Бретани, так называемую «Желтую ленту». Он пошел на риск, вложив в операцию порядка пятидесяти миллионов из денег, которые III отдел разведки русских предназначал для финансирования вышеназванного профсоюза.

В иных условиях «Желтая лента» могла бы стать исключительно удачным помещением капитала. И, возможно, Намбер не имел другой цели, кроме наращивания профсоюзной кассы, и не собирался греть руки на процентах от пущенных в оборот денег своих хозяев: вложить деньги в проституцию его могло подтолкнуть желание

иметь в своем распоряжении неограниченное число женщин.

Приблизительно через три месяца, 13 апреля, во Франции был принят закон № 46685, запрещающий дома терпимости и проксенетизм..."

Дойдя до этого предложения, М. зарычал и вдавил кнопку селектора.

— Это вы?

— Да, сэр.

— Какого черта! Что означает этот ваш проксенетизм?

— Сутенерство, сэр.

— Мы с вами не в школе Берлица. Если желаете блеснуть знанием иностранных слов, будьте добры прилагать еще и словарь. Или уж пишите слова по-английски!

— Извините, сэр.

М. отпустил кнопку и продолжал чтение.

"... Этот закон, известный больше, как «закон Марты Ришар», объявлял о закрытии заведений сомнительной репутации и запрещении продажи порнографических изданий, а также проката соответствующих фильмов.

Деньги Намбера в одно мгновение превратились в ничто. В кассе профсоюза образовалась громадная дыра. Пытаясь спасти положение,

Намбер переделал свои публичные дома в отели «Де пасс», где в рамках закона могли назначаться тайные свидания, и оставил пару подпольных кинотеатров, но покрыть убытки не сумел, равно как и продать дело хотя бы по минимальной цене. К тому времени на него вышла полиция нравов, и в считанные дни были закрыты по меньшей мере два десятка его заведений.

Разумеется, он интересовал полицию только как владелец крупной сети публичных домов, но после того, как мы поделились со Вторым бюро нашими сомнениями о финансах Намбера, было поднято его досье.

Французские коллеги подтвердили нашу информацию: была проведена настоящая чистка заведений «Желтой ленты». В результате от первоначального капитала у Намбера не осталось ни сантима. Самая заурядная инспекция в любой момент может выявить в профсоюзной кассе, которой управляет Намбер, нехватку пятидесяти миллионов.

Его хозяева из III отдела, похоже, еще ничего не подозревают, однако, к несчастью для Намбера, весьма вероятно, что он уже попал в поле зрения СМЕРШ. На прошлой неделе центр Р передал информацию надежного источника, что крупный

чин этой чрезвычайно оперативной организации по уничтожению предателей родины отбыл из Варшавы через Восточный Берлин в Страсбург. Второе бюро и Страсбург сведений не подтвердили, однако их разработка продолжается. Нет новых данных и из штаб-квартиры Намбера в Страсбурге, где активно работает двойной агент (помимо № 1860).

Если бы Намбер знал, что за ним охотится СМЕРШ или что у его хозяев появились подозрения, ему срочно пришлось бы выбирать между самоубийством и бегством; однако, судя по его ближайшим планам, можно предположить, что при всей тяжести своего положения он еще не осознает опасности. Именно эти грандиозные планы и вынуждают нас провести рискованную и достаточно необычную операцию, суть которой изложена в конце записки.

В ближайшее время Намбер будет пытаться отыграть потерянные деньги в казино — это самый простой путь, опробованный множеством расхитителей. Игра на бирже требует немалого времени, точно так же медленно окупается незаконная торговля наркотиками и лекарственными препаратами. Никакой тотализатор не примет ставок, по которым Намбер должен иг-

рать, чтобы вернуть пятьдесят миллионов, но, если он и выиграет, у него больше шансов получить пулю, чем деньги.

Мы располагаем информацией, что Намбер изъял из профсоюзной кассы еще двадцать пять миллионов и арендовал сроком на две недели, считая с завтрашнего дня, небольшую виллу севернее Дьеппа. Очевидно, что в один из этих дней он начнет в казино Руаяль-лез-О самую крупную в истории Европы игру. Курортная компания «Руаяль», надеясь переманить завсегдатаев Дорвилля и Туке, уже негласно уступила свой стол баккара и оба больших стола железки синдикату «Мохаммед Эли», банковской группе, принадлежащей египетским эмигрантам, имеющим, послухам, в своем распоряжении часть вкладов бывшего египетского короля. Уже многие годы группа пытается принять участие в разделе доходов монопольных владельцев крупнейших карточных домов Франции — Зографоса и его греческих сообщников.

Через посредников в Руаяль-лез-О на этот период приглашены крупнейшие игроки Америки и Европы, и вполне вероятно, что забытый курорт вернет себе часть той славы, какой пользовался в викторианскую эпоху.

По нашим данным, игра начнется 15 июня.

Предлагаемая контроперация.

В наших интересах и в интересах других стран НАТО попытаться дискредитировать и нейтрализовать крупного советского агента, помешать финансированию коммунистического профсоюза, дискредитировать эту мощную "пятую колонну, способную в военное время контролировать большой сектор западной границы Франции, в глазах ее хозяев и развалить ее. Всего этого можно добиться при условии, что Намбер проиграет. (Убирать его бессмысленно. Хозяева Намбера постараются скрыть его финансовые махинации и представят его невинной жертвой.)

Таким образом, мы предлагаем предоставить лучшему из наших игроков необходимые средства, с тем, чтобы он вывел Н. из игры. Рискованность такой операции очевидна, возможные потери тяжело скажутся на нашем бюджете, однако нами уже проводились операции, на которые выделялись значительные суммы при меньших шансах на успех и нередко ради менее значительных целей.

В случае отрицательного решения остается только передать нашу информацию и предложения Второму бюро или нашим коллегам из ЦРУ.

Обе эти организации, безусловно, заинтересуются нашим планом.

Подпись: начальник центра S.

Приложение А.

Фамилия: Намбер.

Другие фамилии: варианты слова «цифра» или «число» на разных языках. Например: «герр Циффер».

Место рождения: неизвестно.

Основные сведения: из перемещенных лиц, принят в лагерь для перемещенных лиц в американской зоне в Германии в июне 1945 года. Отмечены амнезия и паралич голосовых связок (возможно, в обоих случаях симуляция). Голос в результате лечения возвращен, о прошлом, по словам самого Н., он вспомнил лишь то, что был как-то связан с Эльзасом-Лотарингией и Страсбургом, куда он и был направлен в сентябре 1945 года с паспортом апатрида № 304—596. Взял фамилия Намбер (мотивируя тем, что он всего лишь цифра в паспорте). Без имени. Возраст: около 45 лет.

Приметы: Рост 1 м. 75 см., вес 110 кг., цвет лица — матово-бледный. Коротко стрижен, волосы рыжие. Глаза темно-карие, белки глаз открытые. Рот маленький, женский. Вставные зубы исключи-

тельного качества. Уши маленькие, с широкими, что характерно для людей с еврейской кровью, мочками. Руки узкие, ухоженные, волосатые. Ступка маленькая. Возможны средиземноморские корни с прусской или польской примесью.

Одевается изыскано, носит, как правило, двубортный пиджак темной расцветки. Много курит. Предпочитает «капорал», пользуется антиникотиновым мундштуком. Постоянно впрыскивает в нос ортедрин. Голос тихий, ровный. Билингв: французский и английский. Хорошо говорит по-немецки. Легкий марсельский акцент. Улыбается редко. Никогда не смеется.

Привычки: расточителен, но не хвастлив. Повышенные сексуальные потребности. Хорошо водит скоростные машины. Отлично владеет оружием, в том числе ножом, различными видами индивидуального боя. Постоянно имеет при себе три лезвия бритвы: в подкладке шляпы, в каблуке левого ботинка, в портсигаре. Знаком с бухгалтерским делом, хорошо считает. Прекрасный игрок в карты. Постоянно в сопровождении двух вооруженных телохранителей (француз и немец, описания имеются).

Комментарии: опасный советский агент, связанный через Париж с Ленинградом.

Подпись: Архивист.

Приложение Б.

СМЕРШ

Источники: собственные архивы, материалы Второго бюро и ЦРУ.

СМЕРШ — аббревиатура от «Смерть шпионам». Действует под контролем МВД (бывшее НКВД) и, вероятно, лично Берии.

Штаб-квартира; Ленинград (филиал в Москве).

В задачу СМЕРШ входит пресечение любых форм предательства и инакомыслия в советских секретных службах в стране и за границей. Самая мощная и «уважаемая» организация в СССР; считается, что СМЕРШ не провалил ни одной карательной акции. Полагают, что СМЕРШ причастен к убийству Троцкого в Мексике (22 августа 1940 года). Вероятно, репутация СМЕРШ основана на успехах в операциях, до того проваленных другими организациями.

После нападения Гитлера на Россию численность СМЕРШ в целях борьбы с предательством и дезертирством во время отступления советских войск была увеличена. В этот период СМЕРШ действовал как карательное подразделение НКВД. Нынешние функции закреплены за ним позже. После войны работники СМЕРШ прошли

тщательнейшую чистку. Полагают, что в настоящее время СМЕРШ насчитывает всего несколько сотен высококлассных агентов, работающих по следующим направлениям:

Отдел I — контрразведка в СССР и в советских организациях за границей.

Отдел II — оперативный, включая ликвидацию.

Отдел III — административно-финансовый.

Отдел IV — научный, юридический. Кадры.

Отдел V — судебный. Через этот отдел проходят все не подлежащие пересмотру дела арестованных. За послевоенное время нами был взят только один агент СМЕРШ: Гойчев, он же Гэррад-Джонс. 7 августа 1948 года в Гайд-парке он стрелял в Петчора. технического работника посольства Югославии. Во время допроса покончил с собой, проглотив пуговицу с цианистым калием. Каких-либо сведений, кроме того, что Гойчев работал на СМЕРШ, чем он был весьма горд, получить не удалось.

Полагаем, что жертвами СМЕРШ были следующие британские двойные агенты: Донован, Хартрог-Вэйн, Элизабет Дюмон, Вентнор, Мэйс, Саварин (дополнительная информация в Архиве, центр Q).

Заключение: необходимо любыми усилиями получить дополнительные сведения об этой мощной организации и ликвидировать ее агентов".

3. № 007

Начальник центра S (подразделения секретной службы, занимающегося Советским Союзом) настолько дорожил своим планом нейтрализации Намбера — впрочем, идея действительно принадлежала ему, — что лично поднялся с запиской на последний этаж мрачного здания, из окон которого открывается вид на Риджентс-парк. Здесь, миновав обитую дверь и дойдя до конца коридора, он вошел в последний кабинет.

Не замедляя шага, он направился к столу начальника штаба при М., молодого парня, бывшего сапера, обязанного своим назначением в члены секретариата комитета начальников штабов ранению, полученному в 1944 году во время диверсионной операции. Несмотря на оба эти испытания, сапер сохранил чувство юмора.

— Привет, Билл. Хочу подбросить шефу бомбу. Я пришел вовремя?

— Что скажите. Пенни? — повернулся Билл к личной секретарше М., с которой он делил кабинет.

Мисс Манипенни была бы обворожительной

женщиной, если б не ее взгляд: холодный, прямой и насмешливый.

— Как нельзя вовремя. С утра М. одержал небольшую победу над Форин Оффис, но вот уже полчаса, как к нему еще никто не заходил.

Она подбадривающе улыбнулась — исключительно для начальника центра S, который был симпатичен ей и сам по себе, и как руководитель важного подразделения.

— Отлично, вручаю вам, Билл, этот плод с древа фантазий. — Он протянул черную папку с красной звездочкой — значок «совершенно секретно» — на обложке.

— И ради Бога, проявите всю смекалку, когда будете принуждать шефа к чтению. Передайте, что я жду здесь. Возможно, потребуется дополнительная информация. Во всяком случае, попробую не дать вам его отвлечь, пока он будет читать.

— Договорились, сэр. — Штабист нажал кнопку селектора и низко наклонился к микрофону.

— Да? — послышался спокойный голос М.

— У начальника центра S для вас важный документ, сэр.

— Приносите, — ответил М. после секундной паузы.

Бывший сапер выключил селектор и при-

храмывая пошел к двойной двери, ведущей в кабинет М.

— Спасибо, Билл, — кивнул ему начальник центра. — Я буду в соседней комнате.

Когда Билл выходил от М., над дверями вспыхнула маленькая голубая лампочка — просьба не беспокоить.

Позже на радостях начальник центра S сказал своему первому заместителю:

— С последнем пунктом мы чуть не погорели. Он заявил, что это диверсия и шантаж, и говорил это почти серьезно. Но в конце концов согласился, что идея, хотя и кажется ему безумной, стоит того, чтобы ее разработать, если казна отпустит деньги, а он думает, что она отпустит. Он собирается им сказать, что это лучше, чем вкладывать деньги в полковников-дезертиров, которые уже через два месяца обработки становятся двойными агентами. М. очень хотел бы заполучить Намбера, и у него уже есть на примете подходящий человек. Он хочет попробовать его в этом деле.

— Кто это?

— Один из двойных нулей — думаю, 007. Крепкий парень, хотя М. опасается, что с охраной Намбера придется повозиться. Похоже, 007 очень силен в картах: перед войной, ведя вместе со

Вторым бюро двух румын, он два месяца продержался в Монте-Карло и привез не только румын, но еще и десять миллионов выигрыша.

В ту пору десять миллионов франков было целым состоянием.

Беседа Джеймса Бонда с М. была недолгой.

— Что вы на сей счет скажите? — спросил М., когда Бонд вновь появился у него в кабинете, прочтя записку центра S и позволив себе еще минут десять полюбоваться деревьями из окна комнаты ожидания.

У М. были ясные и пронзительные глаза.

— Весьма любезно с вашей стороны, сэр. Я хотел бы заняться этим делом. Но обещать, что выиграю, не могу. В баккара, как и в тридцать-сорок, шансы особенно велики при маленькой ставке, если сложится игра. Здесь игра будет большая, «окна» по полмиллиона. Я этого опасаюсь.

Холодный взгляд М. остановил Бонда. Все это М. знал, риск в баккара ему был известен не хуже Бонда. Такова была его профессия — знать риск каждой операции, знать людей, своих и противника. Сейчас Бонд хотел, чтобы М. забыл о его сомнениях.

— Ему тоже может не идти карта, — проговорил наконец М. — У вас будет большая сумма. Около

двадцати пяти миллионов, как и у него. Десять получите сразу, еще десять мы перешлем, когда освоитесь. Остальные пять миллионов сможете выиграть сами. — Он улыбнулся. — Поезжайте заранее, разомнетесь. Гостиница, билеты, снаряжение — это к О. Все, что касается денег — к Казначею. Со Вторым бюро я договорюсь. Это их территория, и было бы отлично, если б они не встали в позу. Попробую уговорить их послать Матиса. Вы, кажется сработались в Монте-Карло? Вашингтон будет в курсе, дело касается НАТО. У ЦРУ есть один или два человека в Фонтенбло, в союзнической разведке. Все, как будто?

— Я бы очень хотел, чтобы со мной работал Матис, — кивнул Бонд.

— Хорошо, хорошо, посмотрим. Постарайтесь, чтобы вам повезло. Иначе нас засмеют — миленькое дельце. И поосторожнее: не думаю, что будет легко. Намбер — серьезный противник. Все, удачи.

— Благодарю вас, сэр. — Бонд направился к дверям.

— Еще секунду.

Бонд обернулся.

— Возможно, дам вам прикрытие, Бонд. Две головы лучше, и потом вам нужен будет человек

для связи. Я подумаю, кого послать. Вас найдут в Руаяль-лез-О. Не беспокойтесь, подберу вам кого надо.

Бонд предпочел бы работать в одиночку, но спорить с М. не полагалось. Он вышел из кабинета, желая только одного: чтобы человек, которого к нему пошлют, оказался проверенным, не идиотом и не честолюбцем, что было бы еще хуже.

4. Соседи

В Руаяль-лез-О он прибыл после полудня. Никто не попытался выйти с ним на связь, не заметил он и любопытства в глазах портье, выдавшего ключ «Джеймсу Бонду, проживающему в Порт-Марии, Ямайка».

М., похоже, не слишком занимал вопрос «крыши» Бонда.

— Выберете что-нибудь приемлемое для публики, околачивающейся в казино, — буркнул он.

Бонд хорошо знал Ямайку, поэтому попросил разрешения держать связь через Кингстон и работать под богатого островитянина, чей отец сделал состояние на табаке и сахаре, а сын предпочел рисковать деньгами на биржах и в казино. Если бы кто-нибудь поинтересовался подробностями, он мог бы сослаться на Чарлза Да Силва из фирмы «Каффери». Чарлз подтвердил бы все, что нужно.

Оба следующих вечера и большую часть ночи Бонд провел в казино, играя сложные мартингалы на чет-нечет в рулетку. Если ему предлагали партию в железку с крупным банком, он тут же соглашался. Когда проигрывал, «тянулся» за

банком, но отказывался, если проигрывал два раза кряду.

Так он добрал еще три миллиона, одновременно тренируя нервы и то, что называется чувством карты. Но главное, он смог понаблюдать, как держится за столом Намбер, и отметил, что карта ему идет и играет он без ошибок.

Завтракать Бонд любил плотно. После холодного душа он устроился за столом перед окном и, любуясь солнечным утром, выпил большой бокал апельсинового сока, съел «хэм энд эггз» из трех яиц и запил все двумя большими чашками черного кофе без сахара. После чего закурил первую сигарету. Он курил смесь турецких и балканских Табаков, которую специально для него делали в магазине «Морлэнд» на Гроувнер-стрит. Медленные волны таяли на песке длинного пляжа, к горизонту, над которым уже дрожало марево, тянулись рыбацкие лодки из Дьеппа, вокруг них носились серебристые чайки.

Телефонный звонок прервал его размышления. Звонил консьерж, чтобы сообщить, что представитель «Рэдио Стэнтор» доставил из Парижа приемник, который он заказывал, и ждет внизу.

«Рэдио Стэнтор» было прикрытием Второго бюро для своего связного. Бонд посмотрел на дверь,

надеясь увидеть Матиса.

В номер, действительно, чинно, как и подобает деловому человеку, вошел Матис, неся большую прямоугольную коробку. Бонд широко улыбнулся; он с радостью обнял бы Матиса, если б тот не подал ему знак глазами, а потом, тщательно заперев дверь, не показал свободной рукой на потолок.

— Я из Парижа, сэр. Наша фирма доставила для вас приемник, который вы заказывали: пять ламп, супергетеродин, так, кажется, это называется по-английски. Ловит практически все столицы Европы.

— Судя по всему, это хороший приемник, — сказал Бонд, пытаясь догадаться, что бы все это могло значить.

Не реагируя на немой вопрос Бонда, Матис установил распакованный приемник перед камином.

— Сейчас начало двенадцатого, из Рима на средних волнах должны идти музыкальные передачи. Попробуем?

Он подмигнул и повернул ручку громкости до предела. Но, хотя красная лампочка настройки светилась, приемник безмолвствовал.

Матис покопался в задней стенке, и комната

наполнилась чудовищными хрипами. Несколько секунд он выжидал с довольным видом, потом выключил радио.

— Прошу прощения, сэр. Ошибка настройки.

Матис вновь склонился к шкале, и через мгновение из динамика полилась мелодичная песня. Он выпрямился, хлопнул Бонда по плечу и крепко пожал ему руку.

— Ладно, теперь объясни, что это за чертовщина, — попросил Бонд.

— Дружище, — ответил Матис, — вас засветили, как говорится, от и до. В эту самую минуту над нашей головой, — он показал пальцем в потолок, — некий господин Мюнц со своей якобы супругой, будто бы заболевшей гриппом, сидит оглохший и, надеюсь, сильно расстроенный. — Поймав недоверчивый взгляд Бонда, Матис улыбнулся, сел на кровать и ногтем распечатал пачку «капорала». Бонд ждал.

Довольный произведенным впечатлением, Матис заговорил серьезно

— Как все произошло, не знаю. Наверное, они начали вести вас еще до приезда сюда. Подготовились они основательно. Кстати, Мюнц — немец, она — из Центральной Европы, вероятно, чешка. Так вот, отель этот старый. Когда-то здесь были от-

личные камины. Теперь дымоходы прочистили, а в камины вставили обогреватели. А вот в этом месте, — он ткнул пальцем в стену, сантиметров на пятнадцать-двадцать выше обогревателя, — висит мощный комбинированный микрофон. Провода от него по дымоходу протянуты в комнату Мюнцев, а у них там усилитель и магнитофон с наушниками. Слушают они по очереди, поэтому мадам Мюнц гриппует и обедает в номере, а месье Мюнц не может оставить свою больную супругу одну и ради нее отказывается от солнечных ванн и прочих прелестей этого прекрасного курорта. Все это мы выяснили отчасти благодаря тому, что мы во Франции вообще очень умные, и еще потому, что развинтили ваш обогреватель за несколько часов до вашего приезда.

Бонд внимательно осмотрел винты, которыми обогреватель крепился к стене. На них были чуть заметны свежие царапины.

— Ну, продолжим нашу комедию, — сказал Матис, наклонился к приемнику и щелкнул выключателем. — Вы удовлетворены, сэр? — спросил он. — Согласитесь, замечательная четкость воспроизведения. Отличный аппарат.

Рукой он очертил в воздухе круг, после чего выразительно вскинул брови

— Такая хорошая передача, — понял его Бонд, — если можно, дослушаем до конца.

Он улыбнулся, представив, какими взглядами сейчас обменялись Мюнцы.

— Приемник безусловно хороший. Именно такой я хотел привезти с собой на Ямайку.

Матис саркастически усмехнулся и вновь включил музыку.

— Ох уж эта ваша Ямайка! — Матис плюхнулся на кровать.

— Ладно, что случилось, то случилось, — заговорил Бонд серьезно. — Мы и не рассчитывали, что эта крыша надолго. Но чтобы так оперативно... — Бонд терялся в догадках, как такое могло случиться. Возможно ли, что русским удалось получить один из их кодов? Если так, то ему остается только упаковать чемоданы и вернуться в Лондон: операция обречена на провал.

Матис, похоже, читал его мысли.

— Не похоже, что это из-за шифра, — сказал он. — Во всяком случае, мы немедленно предупредили Лондон, и они его, кажется, поменяли. Да и мы тут без дела не сидели, — улыбнувшись, заверил он своего друга-соперника. — А теперь к делу, пока наши музыканты не выдохлись. Прежде всего, — он глубоко затянулся своим

«капоралом», — ваш второй номер. Мне кажется, выбудете довольны. Она очень красивая девушка. Очень красивая, — повторил он, вздохнув. Довольный реакцией Бонда, он продолжал: — Черные волосы, голубые глаза, выдающиеся формы — со всех точек зрения. Она специалист по радиосвязи. При близком знакомстве это, конечно, не так важно, но незаменимо для сотрудницы «Рэдио Стэнтор» и помощницы в моих многотрудных заботах представителя этой фирмы на богатом курорте. Мы оба поселились здесь в отеле, так что моя помощница будет всегда под рукой на случай, если у вашего нового радиоприемника обнаружится неисправность. Все новые аппараты, даже французские, дня два могут барахлить, — добавил он, подмигнув.

Бонд не разделял его веселья.

— Дьявол, зачем это? Что тут может женщина? Они что, думают, мы на пикнике?

— Успокойтесь, дорогой Джеймс. Ваша коллега серьезна ровно настолько, насколько это необходимо, и холодна, уверяю вас, как ледышка. По-французски она говорит как француженка, дело знает до тонкостей. Прикрытие у нее самое подходящее. Что может быть естественнее, если вы, ямайский миллионер... — Матис почтительно

кашлянул, — горячая кровь и все такое прочее... познакомитесь здесь с красивой девушкой! Да без спутницы вы будете выглядеть словно голый!

— Есть еще сюрпризы? — буркнул Бонд.

— Мелочи. Намбер уже поселился на вилле. Это в пятнадцати километрах отсюда по дороге вдоль берега. С ним живут два телохранителя. Ребята, похоже, способные. Один из них навестил небольшой пансионат, где два дня назад объявились трое, если по документам, то чехов-апатридов, хотя наш человек утверждает, что говорят они по-болгарски. Болгары появляются здесь не всякий день, нам привычнее турки и югославы. Не сократы, но исполнительны. Русские используют их для несложных убийств и дают подержать свечку в более сложных делах.

— Большое спасибо. Хорошо, если бы дело пришлось иметь только с ними, — сказал Бонд и спросил: — Что еще?

— Все. Приходите перед обедом в бар отеля «Эрмитаж» на смотрины. Пригласите девушку поужинать — так вам будет удобнее взять ее с собой в казино. Я там буду с парочкой отличных ребят. Да, забыл! В отеле живет американец Лейтер. Он из отделения ЦРУ в Фонтенбло. Лондон просил вам это передать. Он классный парень и

может нам быть полезен.

Из динамика послышалась итальянская речь, и Матис выключил приемник. Они еще немного поговорили о покупке и о ее оплате, попрощались, и Матис откланялся.

Бонд сел у окна и сосредоточился. То, что сообщил Матис, не обнадеживало. Его вычислили и вели настоящие профессионалы. Возможно, они попытаются вывести его из игры еще до того, как он сядет с Намбером за стол. У русских нет предрассудков по поводу ликвидации агентов. А теперь еще эта красотка. Он вздохнул Женщины нужны для отдыха. В работе их прелести и чувства только помеха. Одни заботы.

— Идиоты, — сказал Бонд и, вспомнив о Мюнцах, повторил громче: — Идиоты! — и вышел из номера.

5. Девушка из центра

Когда Бонд вышел из «Сплендида», часы на башне мэрии отбивали полдень. В воздухе стоял густой запах хвои — рядом была сосновая роща; сад вокруг казино, свежеполитый, с аккуратными цветниками и удобно проложенными дорожками, посыпанными каменной крошкой, придавал этим декорациям ненавязчивую условность, более подходящую для балета, чем для мелодрамы.

День выдался солнечным, во всем чувствовалось какое-то искрящееся веселье — возможно, этот маленький курортный городок после стольких лет упадка действительно начинал новую эру популярности и процветания.

Руаяль-лез-О, расположенный в устье Соммы, в том месте, где ровный берег с песчаными пляжами еще не уперся в тянущиеся до самого Гавра белые утесы плато, почти повторил судьбу Трувилля. Маленькая рыбацкая деревушка, когда-то называвшаяся просто Руаяль, превратилась в изысканный курорт еще при Наполеоне III Мода на него, однако, держалась недолго Так же, как в свое время Довилль после долгой борьбы разорил

Трувилль, Туке практически уничтожил Руаяль.

В начале века, когда дела курортного городка шли очень плохо, поскольку в моду вошло совмещать светское безделье с лечением минеральными водами, неподалеку от Руаяля на холмах был открыт источник щелочной воды, полезной при заболеваниях печени. Как известно, французы все до единого страдают печенью, и Руаяль не замедлили превратить в Руаяль-лез-О, что значит Руаяль-на-водах, а сама вода «Руаяль», разлитая по бутылкам-торпедам, появилась в меню гостиниц и вагонов-ресторанов и незаметно пробралась в реестр лечебных вод.

Однако борьба с такими опытными и сплоченными противниками, как минеральные воды «Виши», «Перье» и «Витель», длилась недолго. Последовал период судебных разбирательств; множество людей потеряли много денег, и очень скоро продажа воды ограничилась пределами городка и близлежащих селений. Бюджет курорта вынужден был отныне ограничиться тем, что оставляли здесь летом отпускники-французы и редкие англичане, зимой — тем, что зарабатывала местная рыбацкая флотилия. Живописно облупившееся казино, в барачном здании которого все еще витал дух роскоши викторианской

эпохи, подбирало крохи со столов казино в Туке.

После войны вторую жизнь обрели Брайтон, Ницца. Ностальгия по временам позолоты и роскоши становилась источником дохода. В 1950 году к Руаялю вдруг проявил интерес некий парижский синдикат, распоряжающийся средствами бывших вишистов. Казино было отреставрировано, его бело-золотой фасад подновили, салоны отделали в бледно-серые тона с бордовыми коврами и занавесями. Потолки украсили громадные люстры. Были приведены в порядок сады, заработали фонтаны, вновь открылись оба больших отеля — «Сплендид» и «Эрмитаж».

Даже городок и старый порт постарались изобразить — в который уже раз — приветливую улыбку. На центральной улице появились витрины парижских ювелиров, которые, несмотря на быстротечность курортного сезона, открыли в бесплатно предоставленных им помещениях свои салоны.

Вот тогда-то и был приглашен в Руаяль-лез-О синдикат «Мохаммед Эли», взявшийся организовать крупную карточную партию. Городские власти очень надеялись, что со временем удастся вынудить Туке поделиться частью своих громадных доходов.

Бонд смотрел на залитый солнцем городок и думал о том, сколь странно и нелепо его задание, и о том, что мрачная роль, которую он должен сыграть, по сути, оскорбление для остальных актеров, занятых в этой драме.

Расправив плечи, он отогнал от себя эти мысли, вызванные минутной слабостью, и, вернувшись к отелю, спустился по эстакаде в подземный гараж. До встречи в «Эрмитаже» он решил совершить небольшую прогулку на машине вдоль побережья, взглянув на виллу Намбера, а на обратном пути доехать до автострады, ведущей в Париж.

В отношении машин Бонд придерживался самых консервативных взглядов. Еще в 1933 году он приобрел одну из последних моделей «Бентли», почти новую, с турбонаддувом «Амхерст Виллиерс». Всю войну она простояла в надежном месте, и каждый год ее осматривал бывший механик с заводов «Бентли», работавший в гараже неподалеку от дома Бонда в Челси; этот старик относился к машине с ревностным вниманием.

Бонд водил машину агрессивно, испытывая при езде почти физическое наслаждение. Его «Бентли» стального цвета был с откидным — действительно откидным! — верхом и мог держать скорость 145 километров в час с запасом мощно-

сти еще на полсотни километров.

Бонд вывел машину из гаража, проскочил эстакаду и через секунду уже несся по бульвару, откуда свернул на оживленную заднюю улочку и поехал вдоль дюн по направлению к югу.

Через час Бонд вошел в бар «Эрмитажа» и сел за столик у одного из больших окон.

Бар напоминал выставку тех в высшей степени мужских игрушек, которые символизируют во Франции благополучие: жесткошерстные таксы, лежащие у ног своих хозяев, медовый аромат английского табака, всевозможные зажигалки на столиках перед посетителями. Все вокруг было либо светлого лакированного дерева, либо кожаным, с медными заклепками. Шторы и ковры одного, голубого, цвета. Официанты в белых куртках с золотыми эполетами. Бонд заказал себе «американо» и стал рассматривать посетителей, одетых, все как один, элегантно, но без чувства меры. Как видно, все это были парижане. За столиками оживленно беседовали, похоже, о чем-то исключительно важном, — в баре царила атмосфера, обычная для всех баров в час аперитива. Мужчины то и дело заказывали себе новые четверти шампанского, женщины пили сухой «мартини».

— Mol, j'adore le dry [Я обожаю «драй» (фр.)], — воскликнула радостная юная особа за соседним столом. Ее спутник, несколько не по сезону одетый в безупречный твидовый костюм, смотрел на нее, положив руки на дорогую, увитую плющеной золотой проволокой трость, восхищенными глазами. — Maisle dry fait avecdu Gordon, bienentendu. [Но, разумеется, «драй» с «Гордоном» (фр.)]

— J'accord', Daisy. Maistusais, un zeste de citron... [Я согласен, Дэзи. Но, знаешь, немного лимонной цедры... (фр.)]

Внимание Бонда привлекла показавшаяся на тротуаре высокая фигура Матиса. Вместе с ним шла брюнетка в сером. Матис поддерживал ее под руку, чуть выше локтя, тем не менее они не производили впечатления ни супружеской пары, ни просто близко знакомых; в профиле молодой женщины чувствовалась некоторая ироничная холодность. Бонд видел, как они вошли в бар, но продолжал, соблюдая правила игры, рассматривать прохожих.

— Ну да, это же месье Бонд! — услышал он у себя за спиной радостный голос Матиса. Бонд встал, как и подобало, приятно удивленный.

— Вы один?.. Или вы кого-то ждете?.. Позвольте представить вам коллегу мадемуазель Линд.

Дорогая, познакомьтесь, это господин Бонд с Ямайки, я имел удовольствие общаться с ним сегодня утром.

Бонд поклонился радушно, но не без сдержанности, приглашая садиться.

— Я один, и вы доставите мне большое удовольствие, если посидите со мной, — сказал он, поклонившись спутнице Матиса.

Он пододвинул ей стул и, пока Матис и его знакомая устраивались, подозвал официанта. Несмотря на протесты Матиса, он заказал коньяк и «бакарди» для гостьи.

Матис и Бонд громко обменялись несколькими фразами о хорошей погоде и о возрождении Руаяль-лез-О. Девушка сидела молча. Бонд предложил ей сигарету. Она закурила, похвалила табак, но без излишних восторгов; курила она, глубоко и резко затягиваясь. Ее движения были точными, легкими, без намека на самолюбование.

Спутница Матиса произвела на Бонда впечатление. Беседуя с Матисом, он то и дело поворачивался к ней, как бы вежливо приглашая ее к разговору, и с каждым разом находил новое подтверждение первому впечатлению.

Густые, очень темные волосы обрамляли лицо.

Они чуть закрывали концами изящную линию подбородка и ровно спадали сзади. При каждом движении волосы рассыпались у нее по лицу, но она не обращала на это никакого внимания. У нее были широко поставленные ярко-голубые глаза; взгляд был прямой, но с оттенком насмешливого равнодушия. На слегка загорелом лице не было косметики, только яркая помада на красивых губах. Короткие ногти без всякого лака как бы подчеркивали сдержанность ее натуры; эта сдержанность чувствовалась во всем, вплоть до скупых движений оголенных рук. Украшения ее тоже нельзя было назвать кричащими — золотая цепочка из широких плоских звеньев на шее и кольцо с топазом на безымянном пальце. Средней длины серое шелковое платье с широким черным ремнем было скроено так, чтобы подчеркнуть восхитительную форму груди. У нее была черная, под цвет ремня, сумочка, рядом на стуле лежала золотистая соломенная шляпка с широкими полями и черной лентой, завязанной сзади в бант. Того же цвета были и туфли.

Бонд был заинтригован ее красотой и манерой держаться. Перспектива работать в паре с ней показалась ему весьма интересной. Хотя... Бонд непроизвольно постучал костяшками пальцев

по дереву стола. Заметив несколько озабоченный вид Бонда, Матис встал:

— Прошу извинить, — обратился он к своей спутнице, — мне необходимо позвонить в Дюберн, я должен договориться о встрече на вечер. Надеюсь, вы не будете скучать, если я вас на сегодня покину?

Она молча кивнула.

Бонд немедленно воспользовался тем, что Матис направился к телефонной кабине возле стойки:

— Если вы вынуждены провести этот вечер в одиночестве, может быть, согласитесь поужинать со мной? — предложил он.

Она понимающе улыбнулась.

— С удовольствием. Заодно вы можете показать мне казино. Месье Матис сказал мне, что вы там знаете все и всех. А вдруг я принесу вам удачу?

С уходом Матиса отношение девушки к Бонду стало менее прохладным. Она как будто догадывалась, что их совместная работа здесь, возможно, окажется не такой уж простой, и, когда они условились о времени и месте встречи, Бонд понял, что ему будет вовсе не сложно обговорить с ней все детали своего плана. Ему показалось, что она с интересом и даже с азартом играет свою

роль, так что работа с ним, вероятно, доставит ей удовольствие. Еще час назад он безрадостно думал о том, как трудно будет установить с новым человеком, тем более женщиной, нормальный рабочий контакт, теперь же он чувствовал, что может спокойно говорить с ней как с профессионалом. Впрочем, он был совершенно искренен с собой, размышляя о своем отношении к ней: она женщина, и ему хотелось бы переспать с ней, но только после того, как закончится операция.

Когда Матис вернулся, Бонд попросил официанта принести счет, сказав, что его ждут в отеле друзья. Прощаясь, он на секунду задержал руку своей новой знакомой и почувствовал, что в их отношениях появился теплый оттенок взаимной симпатии и понимания.

Заметив, что его спутница проводила Бонда, вышедшего на бульвар, довольно внимательным взглядом, Матис придвинул свой стул поближе к столу.

— Это мой очень хороший друг, — сказал он тихо. — Я рад, что вы познакомились. Насколько я понял, пока меня не было, ваши отношения потеплели, — прибавил он с улыбкой. — Не думаю, что Бонд может окончательно оттаять, это был бы для него совершенно новый опыт, ну, а для вас...

Она ответила уклончиво:

— По-моему, очень приятный человек. Он немного напоминает мне Хью Кармайкла..

Девушка не договорила. В эту секунду окно рядом с ними со звоном лопнуло. Сильный взрыв опрокинул их на пол. Что-то с грохотом рухнуло на тротуар. С полки позади стойки бара одна за другой падали бутылки. Кругом стоял крик, люди бросились из бара на улицу.

— Не двигайтесь! — прокричал ей Матис.

Он отшвырнул ногой стул и через окно выскочил на тротуар.

6. Двое в соломенных шляпах

Выйдя из бара, Бонд неторопливо пошел вдоль тенистого бульвара в сторону отеля, до которого было всего несколько сотен метров.

День становился все жарче, но в тени платанов было свежо. Людей на бульваре почти не было, поэтому двое мужчин, стоявших поддеревом на другой стороне бульвара, привлекли его внимание.

Бонд заметил мужчин, когда до них осталось около ста ярдов. От них до «Сплендида» было примерно столько же.

Выглядели оба довольно странно: низкорослые, одетые в одинаково темные и не по погоде плотные костюмы, они были похожи на артистов-комиков из мюзик-холла, дожидающихся в условленном месте автобуса, который должен повезти их на представление. Оба были в соломенных шляпах с широкой темной лентой — видимо, в дань праздничной атмосфере курорта. Поля шляп и тень дерева скрывали их лица. Совершенно неожиданными в облике этих мрачных людей были яркие футляры фотоаппаратов:

у одного — красный, у другого — синий.

Бонду оставалось пройти до них еще пятьдесят ярдов, он спокойно размышлял о разных видах оружия и о том, как от какого себя защищать, когда у него на глазах стало разворачиваться неожиданное и жуткое действо.

Человек с красным фотоаппаратом чуть заметно кивнул. Второй мгновенно сорвал с плеча свой синий аппарат, склонился над ним, что-то регулируя. Что именно, Бонд не заметил, ему помешало дерево. В тот же миг полыхнула ослепительная вспышка, за ней раздался взрыв и Бонда, хотя его закрывал ствол платана, легко, как пушинку, бросило опалившей ему лицо и грудь раскаленной взрывной волной на землю и понесло по брусчатке...

Он лежал на спине, не мигая, глядя на солнце, когда ветер (по крайней мере, так ему показалось) с гулом, как если бы били по басовым струнам рояля кувалдой, пронесся над ним.

Когда оглохший, едва не теряя сознание, он встал на одно колено, сверху на него посыпался град окровавленных ошметок, обрывков одежды, веток и камней. Потом начали падать листья. Бонд посмотрел вверх. В небо поднимался гриб черного дыма.

В воздухе стоял отвратительный залах пороха и горелого мяса. Платаны на полсотню метров в одну и другую сторону стояли без листьев, многие обгорели. Два вырванных с корнем дерева лежали, перегораживая бульвар. Между ними еще дымилась небольшая воронка. От двух клоунов в соломенных шляпах не осталось ничего, если не считать красных пятен на дороге, тротуаре, на стволах деревьев и окровавленных лохмотьев на ветках. Бонда стошнило.

Первым к нему подбежал Матис. К этому времени Бонд уже поднялся и стоял, опершись рукой на спасшее ему жизнь дерево. В шоке, но невредимый, он безмолвно позволил Матису обхватить себя и повести в «Сплендид», откуда с криками выскакивал насмерть перепуганный люд. Когда вдалеке послышались сирены «скорой помощи» и полиции, они поспешили протиснуться сквозь толпу и подняться в номер к Бонду.

Матис тут же включил радиоприемник и, не дожидаясь, пока Бонд снимет с себя перепачканную кровью одежду, стал задавать вопросы. Услышав, как выглядели те двое, Матис бросился к телефону.

— ...И передайте полиции, — сказал он под конец, — что я сам займусь тем англичанином с

Ямайки, которого помяло взрывом. С ним все в порядке, и пусть его не беспокоят. Я им все объясню через полчаса. Нужно сказать журналистам, что это было, вероятно, сведение счетов между двумя болгарскими коммунистами: один убрал другого с помощью бомбы. О третьем, который скорее всего находился где-то поблизости, им знать не обязательно, но найти его нужно во что бы то ни стало. Он наверняка ринулся в Париж. Блокировать все дороги. Alors, bonne chance. ["Ну, желаю удачи" (фр.)]

Матис повернулся к Бонду, и тот докончил свой рассказ.

— Merde! ["Черт!" (фр.)] Но вам здорово повезло! — воскрикнул француз. — Ясно, что бомба предназначалась для вас. У них что-то не сработало... Не беспокойтесь. Мы разберемся. Эти болгары, — сказал он, помолчав, — похоже, взялись за вас всерьез. Не пойму только, как они думали уходить? И зачем разноцветные фотоаппараты? Нужно поискать, что от них осталось.

Матис был возбужден, глаза его блестели. Для него был неожиданным драматический поворот в деле, в котором его роль первоначально сводилась лишь к тому, чтобы держать шляпу Бонда, пока тот будет обыгрывать Намбера. Он

поднялся.

— Теперь вам нужно что-нибудь выпить, пообедать и немного отдохнуть, — посоветовал он, — а я должен успеть на место, пока полиция не затоптала все следы.

Матис выключил радио и махнул рукой на прощание. Дверь захлопнулась, в комнате стало тихо. Бонд сел к окну и почувствовал радость оттого, что еще жив.

Позже, когда Бонд уже допивал порцию неразбавленного виски со льдом и с удовольствием смотрел на поднос с паштетом и лангустом под майонезом, который только что поставил перед ним официант, зазвонил телефон.

— Это Линд, — девушка говорила взволнованно и тихо. — С вами все в порядке?

— Да, вполне.

— Я рада. И пожалуйста, берегите себя.

Она повесила трубку.

Несколько секунд Бонд размышлял над этим звонком, затем взял нож и выбрал самый толстый кусок поджаренного хлеба.

«С их стороны на двоих меньше, — подумал он, — а с моей — на одного больше. Неплохое начало».

Он опустил нож в стакан с горячей водой,

стоящий рядом с горшочком из страсбургского фарфора, и отметил про себя, что следует удвоить чаевые официанту за этот прекрасный паштет.

7. Красное и черное

Бонд был настроен сесть за игру, которая могла затянуться почти на всю ночь, бодрым и хорошо отдохнувшим. К трем часам он вызвал массажиста. После того, как со стола убрали, он сел у окна и любовался морем до тех пор, пока в дверь не постучали.

Массажист-швед молча принялся за работу. Массируя, он постепенно снимал напряжение мускулов и нервов. Даже длинные красные ссадины на левом плече и боку перестали болеть. Как только швед ушел, Бонд мгновенно заснул.

Проснулся он под вечер, чувствуя себя совершенно отдохнувшим. Он принял холодный душ и пешком отправился в казино. За сутки чувство игры могло ослабнуть, и ему было необходимо вновь ощутить в себе ту сосредоточенность, состоящую наполовину из расчета, наполовину из интуиции, которая вкупе с разреженным пульсом и сангвиническим темпераментом составляли, он это знал, необходимое снаряжение всякого готового к выигрышу игрока.

Бонд всегда был игроком. Ему нравились сухой

треск карт и вечная немая драма застывших вокруг зеленого сукна хладнокровных людей. Ему нравился солидный и привычный комфорт карточных салонов и казино, мягкие подлокотники кресел, виски или шампанское рядом с каждым игроком, сдержанные, внимательные официанты. Его забавляли беспристрастность рулеточного шарика и карт и в то же время их вечная предвзятость. Ему нравилось быть одновременно актером и зрителем и, сидя в своем кресле, влиять на поступки и судьбы людей, когда наступит его черед сказать «да» или «нет».

Но больше всего он любил то, что ответственность за все происходящее здесь ложится на него одного.

Поздравлять и ругать за все ему нужно только самого себя. И удачный шанс должен быть принят либо как везение, либо как возможность использовать его до конца. Нужно только уметь увидеть этот шанс и не спутать его с якобы вычисленной вероятностью. Смертельный грех — считать невезение ошибкой тактики. Каким бы ни был твой шанс, его надо любить, а не бояться. И Бонд смотрел на любой свой шанс, как на женщину, которую нужно завоевывать осторожно, но овладевать ею решительно.

Впрочем, он знал: пока еще он ни разу не страдал ни из-за карт, ни из-за женщины, но когда-нибудь — и он заранее смирился с этим — или любовь, или удача поставят его на колени. Он знал, что когда это случится, в его взгляде застынет тот же немой вопрос, который он так часто видел в глазах тех, кто сидел против него за карточным столом, — вопрос, который означал и приносимую еще до проигрыша клятву оплатить долг, и отказ от веры в свою непобедимость.

Но в этот июньский вечер, проходя через «кухню» в игровой зал, он уверенно и с улыбкой обменял миллион франков на жетоны по пятьдесят тысяч и сел рядом с крупье за первую рулетку.

Попросив у служащего список выигравших номеров, Бонд изучил его с самого начала. Он неизменно начинал игру именно так, хотя знал, что каждый поворот колеса рулетки, каждое движение шарика прежде, чем он ляжет в пронумерованную ячейку, никак не связаны со всем, что было в предыдущих партиях. Он знал, что игра начинается заново всякий раз, когда крупье берет в правую руку шарик из слоновой кости, резким движением той же руки закручивает колесо по часовой стрелке и все той же рукой

пускает шарик по краю колеса в направлении, противоположном — вращению и, стало быть, времени.

Было совершенно очевидно, что устройство самой рулетки и весь этот ритуал за многие десятилетия были выверены настолько, что ни хитрость, ни малейший наклон колеса не могли повлиять на движение шара. Тем не менее среди завсегдатаев рулетки существовал обычай, и Бонд следовал ему, вести тщательные записи хода партии и замечать все особенности вращения колеса. Обязательно бралось на заметку и считалось значимым, если повторялась одна и та же цифра или четырежды выпадали другие комбинации, включая чет-нечет.

Бонд не был ярым поклонником этой традиции. Он только утверждал, что с чем большим вниманием и фантазией ведется игра, тем больше выигрыш.

В выпавших за три часа игры на этом столе номерах Бонд не увидел для себя ничего интересного, если не считать того, что почти не выпадали номера из последней дюжины. Он привык играть так, как подсказывало ему колесо, и менял тактику, только когда выпадало «зеро». И на этот раз он начал с одной из своих излюбленных

комбинаций, сделав максимальную ставку на каждую из двух первых дюжин, то есть всего сто тысяч. Таким образом он закрыл две трети цифр, за исключением «зеро», и, поскольку дюжины оплачивались один к трем, он выигрывал сто тысяч всякий раз, когда выпадала цифра меньше двадцати пяти.

Он выиграл все шесть первых ставок. Седьмую, когда выпало «тридцать», проиграл. Его чистый выигрыш составил полмиллиона франков. Чутье подсказало Бонду пропустить одну ставку. Крупье бросил шарик. На этот раз выпало «зеро». Можно было продолжать.

Бонда приободрила выпавшая ранее «тридцатка», и, сочтя, что теперь должна выигрывать третья дюжина, он решил ставить на первую и третью до тех пор, пока дважды не выпадет середина. На одиннадцатой и двенадцатой ставках он проиграл четыреста тысяч, но отошел от стола все же с чистым выигрышем в сто десять тысяч.

Бонд, называвший ставки по максимуму, быстро оказался в центре внимания всего стола. Поскольку ему везло, к нему тут же пристроились несколько игроков. Один из них, сидевший по другую сторону стола, судя по всему, американец, разделял с ним свою радость от выигрыша

с более чем излишними непосредственностью и проявлением симпатии. Раз за разом он широко улыбался Бонду и ставил свои скромные жетончики по десять тысяч франков рядом с большими фишками Бонда. Когда Бонд встал из-за стола, американец поспешил отодвинуть свой стул и без церемоний заговорил:

— Спасибо за эту экскурсию с прекрасным гидом. Я ваш должник. Вы не откажитесь выпить со мной?

Бонд был почти уверен, что этот парень и есть цереушник, о котором говорил Матис. Он не ошибся.

— Меня зовут Феликс Лейтер, — представился американец, когда Бонд, оставив крупье десятитысячный жетон и дав официанту тысячный банкнот за то, что тот отодвинул его стул, направился к бару.

— Моя фамилия Бонд. Джеймс Бонд.

— Рад познакомиться, — улыбнулся Лейтер. — А теперь посмотрим, чем можно отпраздновать наше знакомство.

Бонд убедил Лейтера разрешить ему заказать «Хэйг-энд-Хэйг» со льдом, потом внимательно посмотрел на бармена.

— Сухой «мартини». В большом бокале.

— Oui, monsieur. [Да, месье (фр.)]

— Секунду, еще не все. Три пальца «Гордона», один — водки, полпальца «Кины Ликлет». Хорошо взбейте в шейкере, а потом положите большую дольку лимона. Запомнили?

— Заказ принят, месье, — сказал бармен и с уважением посмотрел на Бонда.

— Черт возьми, вот это рецепт! — воскликнул Лейтер.

— Когда я собираюсь с силами, — сказал Бонд с улыбкой, — я никогда не пью больше одного бокала до ужина. Но люблю, чтобы это был большой бокал очень крепкого, холодного и очень хорошо приготовленного коктейля. Ненавижу половинчатость во всем. Особенно, если от нее страдает вкус коктейля. Кстати, я изобрел его сам. Обязательно его запатентую, как только подберу название.

Бонд внимательно проследил, как бармен осторожно наполнил из шейкера запотевший бокал золотистым напитком, отпил большой глоток и похвалил бармена:

— Отлично, если б водка была пшеничная, а не картофельная, было бы превосходно. Mais n' enculons pas les mouches [Однако, не стоит... мух (фр.)], — добавил он театральным шепотом, на

что бармен ответил улыбкой.

— Это довольно вульгарная поговорка, смысл которой в том, что коктейль все же можно пить, — пояснил Бонд Лейтеру.

Того, похоже, по-прежнему очень интересовал рецепт Бонда.

— Вы явно стремитесь быть во всем профессионалом, — заметил он с улыбкой, когда они отошли с бокалами в угол бара. И, понизив голос, посоветовал: — Вы могли бы назвать его «коктейль Молотова» после того, что продегустировали сегодня днем.

Они сели. Бонд рассмеялся.

— Я видел, там снесло указатель перекрестка, и полиция направляет машины в объезд. Надеюсь, это не станет поводом для большого шума.

— Людям приглянулась версия о болгарских коммунистах, но некоторые убеждены, что это взорвался газопровод. Обгоревшие деревья будут сегодня спилены. Если здесь работают так же быстро, как в Монте-Карло, то завтра никаких следов от взрыва не останется.

Лейтер вытряхнул из пачки «честерфилд».

— Я рад поработать с вами в этом деле, — сказал он, по-прежнему не отрывая глаз от своего бокала. — Так что мне особенно приятно, что вы

сегодня не взлетели на вершину славы. Наши люди очень заинтересованы в вашей операции, они считают ее столь же важной, как и ваши друзья. По их мнению, это отнюдь не выходка сумасшедшего одиночки. По правде говоря, Вашингтон сожалеет, что не мы играем в операции первую скрипку, но вы же знаете этих начальников... Полагаю, у вас то же самое.

— Любят тянуть одеяло на себя, — кивнул Бонд.

— Как бы там ни было, я послан в ваше распоряжение и буду оказывать любую необходимую помощь. Конечно, с Матисом и его командой мы от многого будем застрахованы. Но в любом случае помните, что я здесь.

— Спасибо. Похоже, что теперь Намбер, как мы и думали, в безнадежном положении. Так что ни о чем особенном я просить вас не буду, но был бы признателен, если б сегодня вечером вы задержались в казино или где-нибудь поблизости. У меня есть помощница, некая мисс Линд, и я хотел бы поручить ее вам, когда начнется игра. Стыдиться ее вам не придется, она очень милая девушка, — сказал Бонд, улыбаясь. — И, кстати, можете присмотреть за двумя компаньонами Намбера. Не думаю, что они что-нибудь выкинут, но...

— Можете положиться на меня, — сказал Лейтер. — До того, как я попал в эту контору, я служил в морской пехоте. Вам это говорит о чем-нибудь?

— Разумеется, — ответил Бонд.

Лейтер был родом из Техаса. Когда он стал рассказывать о своей службе в штабе разведки НАТО и о том, как трудно обеспечить безопасность организации, в которой представлено столько стран. Бонд заметил про себя, что американцы, попадающие в Европу, как правило, симпатичные ребята и почему-то большинство из Техаса.

Феликсу Лейтеру было около тридцати пяти. Высокий, худой, в темном «тропическом» костюме, как у Фрэнка Синатры. Его движения были медленными, но чувствовались скрытая сила, хорошая реакция и то, что в любой потасовке он не останется без дела.

Сейчас, склонившись над столом, он был похож на хищную птицу. Это сходство еще больше усиливали заостренные скулы и подбородок и чуть перекошенный большой рот. Серые колючие глаза постоянно щурились от дыма «честерфилда», который Лейтер курил не переставая. Морщинки в уголках глаз создавали впечатление, что Лейтер все время над чем-то посмеивается про себя. Светлая челка придавала его лицу наивность.

Казалось, он открыто говорил о своей службе в Париже, но при этом ни разу не упомянул никого из своих коллег — американцев, работающих в Европе или в Вашингтоне, и Бонд понял, что Лейтер ставит интересы своей организации много выше общих забот союзников. Оба они сразу прониклись друг к другу симпатией.

Пока Лейтер пил свое второе виски, Бонд рассказал ему о Мюнцах и о своей короткой утренней вылазке на побережье. В половине восьмого они решили не торопясь вернуться в отель. Прежде, чем выйти из казино, Бонд передал на хранение в кассу свой капитал, все двадцать четыре миллиона, оставив при себе лишь несколько банкнот по десять тысяч франков.

По дороге в «Сплендид» они обратили внимание, что на месте взрыва уже кипит работа. Поврежденные деревья были выкорчеваны, поливальные машины отмывали мостовую и тротуары. Воронка от бомбы исчезла. Бульвар, если не считать нескольких случайных прохожих, был пуст. Бонд заметил, что «Эрмитаж» и витрины магазинов также приведены в порядок.

В теплых синих сумерках Руаяль-лез-О вновь казался тихим мирным городком.

— На кого работает консьерж? — спросил Лей-

тер, когда они подошли к отелю. Бонд не знал. Матис не смог узнать о нем ничего конкретного. «Если его не купили вы сами, — сказал он, — то имеете полное право предположить, что его купили другие. Все консьержи покупаются. Это не их вина. Их приучили смотреть на всех — за исключением, может быть, магарадж — как на потенциальных воров или шулеров. И ваш комфорт и хорошее настроение их волнуют так же, как крокодилов».

Бонд вспомнил эти слова Матиса, когда консьерж невзначай поинтересовался у него, оправился ли он после дневного приключения, и решил, что лучше всего будет ответить, что не совсем. Он надеялся, что, если его слова будут переданы по адресу, Намбер постарается во что бы то ни стало начать игру сегодня, чтобы воспользоваться его плохим физическим состоянием. Консьерж о суконной улыбкой пожелал ему быстрее поправиться.

Лейтер занимал номер несколькими этажами выше, и они попрощались в лифте, договорившись встретиться в казино около половины одиннадцатого. В это время, как правило, начинается крупная игра.

8. Красный абажур и шампанское

Судя по всему, в номере Бонда и на этот раз не побывало никого из посторонних. После горячей ванны Бонд принял холодный душ и растянулся на кровати. До встречи с мисс Линд у него был час, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Час, чтобы детально проанализировать план игры со всеми вариантами выигрыша и проигрыша. Кроме того, необходимо было определить роли Матиса, Лейтера и Линд и просчитать все возможные ответные действия противника. Он закрыл глаза, и в его воображении, словно в калейдоскопе из цветных стеклышек, стали складываться одна за другой сцены предстоящего вечера.

Было без двадцати девять, когда он исчерпал все возможные варианты своей дуэли с Намбером. Он встал, оделся и заставил себя больше не думать об игре.

Завязывая узкий черный галстук, он на секунду застыл перед зеркалом. Спокойный и чуть ироничный взгляд серо-голубых глаз, короткая непослушная прядь черных волос, запятой закручивающаяся над правой бровью. Тонкий

вертикальный шрам через всю правую щеку придавал лицу несколько пиратское выражение. Не очень-то много для Хью Кармайкла, подумал Бонд, укладывая тридцать сигарет «морлэнд» с тройным золотым ободком в легкий металлический портсигар. Матис передал ему слова Линд.

Он сунул портсигар в задний карман брюк, щелкнул крышкой своего «ронсона», проверяя, не стоит ли заправить зажигалку. Пересчитав деньги, он выдвинул ящик шкафа и взял оттуда легкую замшевую кобуру, которую пристегнул на левом боку десятью сантиметрами ниже подмышки. Из другого ящика, где лежали рубашки, он извлек «беретту» 25-го калибра с облегченной рукояткой, разрядил пистолет, несколько раз проверил затвор, нажал на спусковой крючок. Затем он вставил обойму, дослал в ствол патрон и спрятал пистолет в кобуру. Оглядевшись вокруг, не забыл ли чего, он надел однобортный смокинг и, проверив перед зеркалом, не заметен ли пистолет, поправил галстук и вышел из номера, заперев дверь на ключ. Он чувствовал себя отдохнувшим и спокойным.

Он спустился по лестнице и собирался уже направиться в бар, как со стороны лифта его холодно окликнули:

— Добрый вечер!

Это была мисс Линд. Она остановилась у лифта и ждала, когда Бонд подойдет.

Он еще не забыл, как поразила она его днем, поэтому не удивился, что его вновь тронула ее красота.

На ней было черное бархатное платье, очень простое, но в его простоте чувствовалась совершенство, на какое может претендовать едва ли полдюжина модельеров во всем мире, тонкое бриллиантовое колье и такая же бриллиантовая брошь у основания глубокого смелого выреза. Рукой она придерживала у бедра небольшую сумочку. Черные как смоль прямые волосы были чуть закручены на концах.

Она была обворожительна, и Бонд понимал это.

— Вы сегодня исключительно хороши, — сказал он. — Значит, дела в мире радиоприемников идут прекрасно.

— Вы не возражаете, если мы отправимся ужинать? — спросила мисс Линд, взяв Бонда под руку. — Я хочу произвести сенсационное впечатление, а если говорить по правде, то должна открыть вам страшную тайну. Этот черный бархат... он мнется, когда садишься. Если сегодня

вечером вы услышите, что я закричала, значит, я села на плетеный стул.

Бонд рассмеялся.

— Конечно, мы сейчас же идем ужинать. И выпьем по рюмке водки, пока будем изучать меню.

— Коктейль, если, разумеется, вы позволите, — поправила она с улыбкой. — Здесь самые лучшие в Руаяле.

На мгновение он почувствовал, как кольнула его ироничность и чуть приметная настойчивость взгляда, каким она лишала его права на решения, и то, как он мгновенно отреагировал на него. Их безмолвный поединок длился какие-то секунды, и, пока метрдотель вел их через людный зал к столику, все было забыто.

Бонд, пропустив вперед свою спутницу, с интересом наблюдал, как провожают ее взглядами посетители.

Лучшие столики были в застекленной и выступающей, как нос корабля, над зимним садом части зала, однако Бонд выбрал место позади большого зала, в одной из украшенных зеркалами ниш со старинной позолотой и красными светильниками в стиле ампир на белых стенах и такой же красной лампой на столе.

Пока они разбирались в огромном меню, на-

писанном красными чернилами, Бонд подозвал старшего официанта и поинтересовался у своей спутницы:

— Что вы решили?

— Я бы очень хотела выпить рюмку водки, — сказала она, не отрываясь от меню.

— Графинчик очень холодной водки, — заказал Бонд и, чуть помедлив, добавил: — Я не могу позволить себе выпить за здоровье вашего нового платья, не зная вашего имени. Я не разобрал его, когда вы звонили мне днем по телефону.

— Веспер, — сказала он. — Веспер Линд. Бонд не стал скрывать своего удивления.

— Скучно каждый раз объяснять, что я родилась вечером во время сильной грозы. Видно, мои родители хотели обязательно увековечить этот факт. — Веспер улыбнулась. — Одним нравится мое имя, другим — нет. Я лично к нему привыкла.

— Красивое имя, — сказал Бонд, — знаете, у меня есть идея! Одолжите мне свое имя? — Он объяснил ей все про свой коктейль и про то, что он уже давно ищет для него название. — Веспер — красиво и очень подходит для того предвечернего часа, в который отныне во всем мире будут пить мой коктейль.

— Только после того, как я его попробую, — предупредила она. — Судя по названию, этим коктейлем можно гордиться.

— Мы выпьем его вместе, когда все закончится, — сказал Бонд.

— Либо победой, либо поражением. А теперь, что вы выбрали для себя? Пожалуйста, постарайтесь быть расточительной, — добавил он, видя ее замешательство. — Или мне подождать, пока вы сходите и переоденетесь в другое платье?

— Я выбрала два блюда, — рассмеялась она, — и оба изумительные, но коли вы настаиваете, чтобы я вела себя, как миллионер, я начну с икры, затем roguon de vean [блюдо из почек (фр.)] на гриле с суфле. И еще я хочу землянику с большим количеством взбитых сливок. Я неправильно поступаю, что так решительна и так расточительна? — И она вопросительно улыбнулась.

— На мой взгляд, это исключительно добродетельное сочетание, особенно, когда речь идет о простой и здоровой пище. — Бонд повернулся к метрдотелю: — И принесите корзинку тостов. Вся трудность не в том, чтобы было достаточно икры, а чтобы хватило тостов. Ну а я, — сказал он, возвращаясь к меню, — я составлю мадемуазель компанию в том, что касается икры, но затем я

хотел бы небольшой ломтик tournedos [нарезанное кусками говяжье филе (фр.)] с кровью, под беарнским соусом, и с coeur d'artichaut [мякоть артишока (фр.)]. И пока мадемуазель будет наслаждаться земляникой, я бы попробовал авокадо с каплей майонеза. Одобряете?

Метрдотель поклонился.

— Прекрасный выбор, мадемуазель и месье.

— Месье Жорж! — крикнул он старшему официанту и повторил ему меню Бонда и Линд.

— Прошу вас, — месье Жорж протянул Бонду винную карту в кожаном переплете.

— Если вы согласитесь, я хотел бы пить сегодня шампанское. Веселое вино и подходит для нашего вечера... По крайней мере, я надеюсь, что подходит.

— Да, я буду пить шампанское, — ответила Веспер.

Отметив пальцем нужную строчку, Бонд повернулся к официанту:

— Что вы скажите о «Тэттинже» сорок пятого года?

— Это замечательное вино, месье. Но если месье позволит, — и официант указал карандашом другую строчку, — «Блан де Блан Брют» сорок третьего года среди прочих таких вин совершенно

несравнимо.

— Я согласен... Это не очень известная марка, — пояснил Бонд своей спутнице, — но, пожалуй, это лучшее шампанское в мире.

— И сам рассмеялся тому оттенку претенциозности, с каким прозвучало его замечание. — Вы должны простить меня. Я до смешного люблю вкусную еду и хорошее вино. Отчасти потому, что я холост, но главное, из-за привычки уделять много внимания мелочам. Конечно, это немного несуразно и старомодно, но когда я работаю, мне приходится проводить время за столом в одиночестве, приятно чуть усложнить свою задачу.

Веспер улыбнулась.

— Мне это нравится, — сказала она. — Я люблю делать все до конца и из всего извлекать максимум возможного. Мне кажется, что жить нужно именно так. Впрочем, вслух об этом лучше не стоит, звучит слишком правильно, — добавила она, будто извиняясь.

Принесли графин, обложенный льдом. Бонд наполнил рюмки.

— Во всяком случае, я с вами согласен. А теперь, Веспер, за то, чтобы сегодняшний вечер нас не огорчил.

— Да, — тихо согласилась она, поднимая рюмку

и неожиданно прямо взглянув ему в глаза. — Надеюсь, что все сегодня будет хорошо.

Бонду показалось, что она чуть поежилась.

— У меня есть кое-какие новости от Матиса, — прошептала она.

— Он хотел сам все рассказать вам. Но... Это касается той бомбы. Невероятная история.

9. Игра под названием «баккара»

Бонд оглянулся, но слышать их никто не мог, а икру подадут не скоро, лишь когда поджарят тосты.

— Расскажите, — глаза у него заблестели.

— Они взяли третьего болгарина на дороге в Париж, — начала Веспер. — Он ехал на «ситроене» и по пути для прикрытия подобрал двух английских туристов. Во время проверки машины он отвечал на таком плохом французском, что у него попросили документы. Он вытащил пистолет и застрелил патрульного мотоциклиста. Но второй патрульный, не знаю как, его задержал и не дал ему покончить с собой. Болгарина перевезли в Руан и там его «разговорили» в обычном французском стиле.

Как оказалось, все трое — из специальной группы, занимающейся такого рода акциями. Матис уже ищет остальных. Этой троице, как теперь известно, пообещали за вас два миллиона франков и объяснили, что, если они будут в точности выполнять инструкции, нет ни малейшего риска, что они попадутся. Вот тут-то и начинается самое

интересное. — Веспер отпила из рюмки. — Связник передал им два фотоаппарата, те, что вы видели. Он сказал, что в синем футляре мощная дымовая шашка, в красном — взрывное устройство. Когда один бросит в вас красный футляр, другой должен нажать кнопку на синем аппарате, и в дыму они сумеют скрыться. На самом же деле никакой дымовой шашки не было. В обоих футлярах была очень сильная взрывчатка. Следом за вами должны были взлететь на воздух и двое террористов. Был, наверное, еще какой-то план, чтобы убрать третьего.

— Что дальше? — спросил Бонд, восхищенный остроумием этой двойной операции.

— Так вот, болгары решили, что, хоть план и очень удачный, лучше не рисковать и сначала устроить дымовую завесу, а потом уже бросать взрывчатку. То, что вы видели, был как раз тот момент, когда один из них нажал кнопку на футляре якобы с дымовой шашкой. Естественно, оба взлетели на воздух. Третий болгарин ждал их в машине за углом «Сплендида». Он видел, что произошло, но был уверен; что его люди что-то перепутали. Полиции удалось собрать части невзорвавшейся красной бомбы, и ему их показали. Когда он понял, что его друзей подставили, он

заплакал. Он до сих пор даст показания, однако выстроить цепочку от болгар к Намберу не удается. О Намбере болгарин никогда не слышал. Все переговоры вел посредник, возможно, кто-то из телохранителей Намбера.

Веспер замолчала как раз в тот момент, когда принесли икру, гору горячих тостов, тонко нарезанный лук, растертые желтки и отдельно — белки.

Официанты переложили икру аккуратными горками им на тарелки, и они молча принялись за еду. Через некоторое время Бонд нарушил молчание:

— Признаться, я испытываю удовлетворение, когда убийцы становятся трупами вместо тебя. В данном же случае они попали в собственную ловушку. Матис должен быть доволен результатами дня: пять человек из команды противника уже нейтрализованы. — И Бонд рассказал, как были раскрыты Мюнцы.

— Между прочим, как вы сюда попали? — поинтересовался он.

— К какому отделу вы приписаны?

— Я личный помощник начальника центра S, — сказала Веспер.

— Поскольку это был его план, он хотел, чтобы

у его центра было право контролировать операцию, и просил М. послать сюда меня. Речь, кажется, шла только о том, чтобы я обеспечивала связь, поэтому М. согласился, хотя и сказал моему шефу, что вы будете в ярости, когда узнаете, что к работе подключили женщину. — Она выдержала паузу, но поскольку Бонд молчал, продолжила: — Я должна была встретиться с Матисом и приехать вместе с ним. У меня есть подруга, она продавщица в магазине «Диор». Ей удалось взять для меня на время это платье и то, в котором я была утром: иначе я бы не смогла состязаться со всеми этими людьми, — кивнула она в зал. — Мне очень завидовали девушки из бюро, но они не знали, в чем суть дела. Им было известно только, что мне предстоит работать с одним из двойных нулей. Вы все, разумеется, наши герои. Мне, правда, это тоже льстило.

— Получить два нуля не трудно, если готов убивать, — сказал Бонд. — Таков смысл такого номера, и гордиться тут особенно нечем. Я обязан своими нулями трупам японского эксперта по шифрам в Нью-Йорке и двойного норвежского агента в Стокгольме. Вероятно, они были вполне нормальные люди. Но их закрутило в мировом водовороте так же, как югослава, которого убрал

Тито. Все это очень сложно, но, когда это твоя работа, делаешь то, что тебе говорят. Как вам яйцо с икрой?

— Замечательное сочетание. Чудесный ужин. Мне почти стыдно... — она осеклась, заметив, как похолодел взгляд Бонда.

— Мы здесь в интересах дела, — ответил он.

Бонд внезапно пожалел и о дружеской атмосфере самого ужина, и об этом разговоре. Он почувствовал, что сказал слишком много для того, что должно было быть лишь рабочей встречей.

— Посмотрим, что нам сегодня предстоит, — сказал он, переходя к делу. — Лучше я объясню вам, что собираюсь предпринять, и тогда определим, чем вы сможете мне помочь. Боюсь, немногим. В двух же словах дело вот в чем.

Бонд стал обрисовывать Веспер план операции, перечисляя возможные варианты. После перемены блюд он продолжил свой монолог. Веспер слушала Бонда со сдержанной покорностью, хотя и внимательно. Она испытывала глубокую растерянность из-за неожиданно зазвучавших в его голосе ледяных интонаций и пожалела, что не придала большого значения советам своего шефа. Знакомя ее с заданием, тот вдруг сказал: «Бонд

— человек, абсолютно преданный своему делу. Не думайте, что это будет поездка на курорт. Во время работы все его мысли подчинены только работе. Но он ас, каких мало, так что скучать он вам не даст. И не пытайтесь в него влюбиться. Не думаю, что он щедр на чувства. Во всяком случае, удачи и счастливого возвращения».

Во всем этом был какой-то вызов, и она приятно удивилась, почувствовав, что заинтересовала Бонда, — это подсказывала ей интуиция. И вдруг — всего лишь намек на удовольствие, которое им обоим доставил этот вечер, даже не намек, а лишь попытка вежливой благодарности, и он тут же изменился, как будто человеческие чувства были для него чем-то наподобие яда. Веспер была обижена и не знала, как вести себя дальше. Пересилив себя, она сосредоточила все внимание на том, что говорил Бонд. Она не собиралась дважды повторять свою ошибку.

— ...И самое лучшее, что мы можем сделать, это пожелать, чтобы карты шли мне и не шли ему.

Бонд объяснял ей, как играют в баккара.

— Это игра похожа на все остальные азартные игры. Шансы банкомета и понтировщика практически одинаковы. Одного тура может быть достаточно, чтобы сорвать банк или проиграть.

Сегодня, по нашим сведениям, Намбер купил кресло банкомета у египетского синдиката, который держит здесь основные столы, и за вычетом миллиона его капитал теперь двадцать четыре миллиона. В моем распоряжении почти такая же сумма. За столом будет, думаю, человек десять.

Обыкновенно эти овальные столы делятся на две части, банкомет играет на обеих сторонах по очереди. С помощью очень сложных расчетов он должен суметь выиграть, играя на одной части против другой. Но в «Руаяль-лез-О» пока еще мало игроков, и Намбер попытается сыграть на одной половине. Такие партии редкость, поскольку это уменьшает шансы банкомета, но все же они и без того в его пользу, поэтому он и назначает максимальные ставки.

Итак, банкомет сидит во главе стола, кроме него в партии участвуют еще крупье — он собирает карты и объявляет ставки, — а также ведущий партии — шеф-де-парти. Он следит за соблюдением правил игры. Я сяду, если удастся, напротив Намбера. Перед ним будет стоять сабо с шестью хорошо тасованными колодами. Какие-либо манипуляции с колодами невозможны. Карты тасует крупье, снимает кто-нибудь из играющих, в сабо их кладут на глазах у всего стола. Мы про-

веряли персонал казино — абсолютно честны. Есть еще вариант с краплеными картами, но это почти невозможно и потребовало бы соучастия как минимум крупье. Но в любом случае придется учитывать и этот вариант.

Бонд отпил глоток шампанского и продолжал:

— Вот как проходит игра. Каждое место за столом имеет свой номер, нумерация начинается справа от банкомета. Банкомет объявляет открытие банка с пятисот тысяч франков. Первый номер может принять ставку, в этом случае он выставляет свои деньги на середину стола, или спасовать, если находит ставку слишком большой или хочет пропустить вперед следующий номер. После этого очередь второго номера, если он отказывается — третьего и так далее. Если никто из игроков не принимает ставку, она предлагается всему столу а целом, включая стоящих зрителей, пока не наберется пятьсот тысяч.

Это маленькая ставка, и ее наберут быстро, но когда речь идет о миллионе или двух, бывает трудно найти желающего и даже группу понтировщиков, если банкомет показывает серьезные намерения. В такие моменты я буду обязательно принимать ставку и пытаться войти в игру. Впрочем, я и так буду атаковать Намбера при

малейшей возможности до тех пор, пока кто-то из нас не разорится. На это может потребоваться время, но в конце концов условия игры таковы, что кто-то из нас двоих, не считая остальных (разумеется, они также могут сделать вас богаче или беднее), обязательно должен победить.

У него, как у банкомета, есть небольшое преимущество. Но то, что Намбер знает мою цель, и то что он, я надеюсь, не знает, какими деньгами я располагаю, будет ему действовать на нервы. Так что, думаю, мы будем в равных условиях.

Когда принесли землянику и авокадо, Бонд замолчал. Потом за кофе они говорили о чем-то необязательном, курили, отказавшись и от ликера, и от коньяка. Под конец ужина Бонд решил, что настало время объяснить своей спутнице механизм игры.

— Все предельно просто, и вы сразу поймете, если когда-нибудь играли в «двадцать одно», где нужно набрать столько и таких карт, чтобы сумма очков была ближе к двадцати одному, чем у противника. В баккара и я, и банкомет получаем по две карты, и, если кто-то из нас не выиграет сразу, мы можем взять еще по одной карте. Цель игры: имея на руках две-три карты, набрать девять очков или чуть меньше. Картинки и десятки

— ноль очков. Туз — одно очко, все остальные карты — по номиналу. В сумме очков учитывается только последняя цифра. То есть девятка и семерка дают шесть очков, а не шестнадцать. Если счет равный, играют новую партию.

Веспер слушала внимательно, но так же внимательно наблюдала за выражением его лица — страстным, хотя он говорил всего лишь о правилах игры.

— Теперь, — продолжал Бонд, — когда банкомет сдал мне две карты, я набрал восемь или девять очков, я раскрываюсь и выигрываю, если только он не набрал столько же. Если у меня семь или шесть очков, можно блефовать, если пять — надо подумать, просить или не просить еще карту, если меньше пяти — обязательно нужно взять еще одну. Пять очков — предел, с такими очками шансы улучшить или ухудшить свое положение одинаковы.

Банкир может заглянуть в свои карты, только когда я постучу пальцем по столу, то есть попрошу еще карту, или по картам, это значит, что я остаюсь при своих. Если он набрал нужные очки, он раскрывает карты и выигрывает. Если нет, он оказывается перед той же проблемой, что и я. Но у него преимущество: он видит мою

реакцию. Если я остаюсь при своих, он может предположить, что у меня пять, шесть или семь очков, если беру, значит, у меня меньше шести и я не обязательно улучшу свое положение. Тем более, что эта карта сдается открытой. По ней, просчитав мои шансы, он будет знать, брать ему или оставаться при своих.

Так что некоторое преимущество все-таки за ним. Но в этой игре есть карта, которая неизменно вызывает проблемы: если на руках пять очков, брать еще или нет? И как поступит в такой же ситуации противник? Есть игроки, которые обязательно берут, есть — кто останавливается. Я доверяю своей интуиции. Хотя, — сказал Бонд, гася сигарету и делая знак, чтобы принесли счет, — все решает восьмерка или девятка на первой сдаче, и нужно, чтобы они шли мне чаще, чем ему.

10. Большой стол

Как только Бонд заговорил об игре и о сценарии будущего сражения, его лицо вновь просветлело. Перспектива скрестить наконец шпаги с Намбером будоражила ему кровь. Казалось, он забыл настороженность, которая внезапно возникла между ним и Веспер. Та с облегчением тоже.

Он оплатил счет и оставил официанту щедрые чаевые. «Бентли» стоял на улице. Бонд отвез Веспер в казино и припарковался перед входом. Ведя Веспер по богато отделанным коридорам, он почти не говорил. В какой-то миг она заметила, что на крыльях носа у него заблестели капельки пота. В остальном он казался раскованным и с улыбкой отвечал на приветствия окружающих. У дверей клубного сала у них не спросили членских карточек: играющий по крупному Бонд уже стал здесь уважаемым клиентом и его гостья делила с ним эту привилегию.

Когда они вошли в зал, от одного из рулеточных столов им навстречу поднялся Феликс Лейтер и приветствовал Бонда как старого знакомого. После того, как его представили Веспер, и они

обменялись с ней несколькими незначащими фразами, Лейтер предложил:

— Поскольку сегодня вечером вас ждет баккара, позвольте мне, мисс, показать вам, как срывают банк в рулетку. У меня в запасе три верные цифры, которые вот-вот должны выиграть. Думаю, что господин Бонд подскажет вам еще несколько выигрышных цифр. Затем мы можем пойти посмотреть, как будет развиваться партия.

Бонд вопросительно посмотрел на Веспер.

— Я не могу отказаться, — сказала она. — Только подскажите мне какую-нибудь из заветных ваших цифр.

— У меня таких нет, — ответил Бонд серьезно. — Есть только цифры, шансы которых равны или почти равны. Так что я вас оставлю. Мой друг Феликс Лейтер составит вам приятную компанию.

Он улыбнулся, прощаясь с ними, и не спеша пошел к кассе. Подчеркнутая сдержанность не ускользнула от внимания Лейтера.

— Он очень серьезный игрок, мисс Линд, и я думаю, что таким и должен быть. А теперь идемте со мной и посмотрите, как цифра семнадцать повинуется моим заклинаниям. Вы испытаете очень приятное чувство, когда ни за что получите много денег.

Бонд почувствовал облегчение, когда вновь остался наедине с собой и получил возможность думать только о том, что было важно в данный момент. Он остановился у кассы и получил свои двадцать четыре миллиона франков в обмен на расписку, выданную ему днем. Половину он положил в левый карман смокинга, другую — в правый и неторопливо прошел вглубь многолюдного зала. Там, за медной загородкой, его ждал стол баккара.

За столом шли приготовления, крупье, разложив перед собой колоды, перевернутые рубашками вверх, мешал карты по методу «брассаж», при котором подтасовать их сложно, если не невозможно.

Шеф-де-парти снял обшитую бархатом цепочку, пропуская Бонда к столу.

— Я оставил за вами шестой номер, месье Бонд, как вы хотели.

За столом оставалось еще три свободных места. Бонд обошел стол, занял предупредительно отодвинутое для него кресло и раскланялся с остальными игроками. Он достал свой большой портсигар и аккуратно положил его на зеленое сукно справа от себя. Официант тут же протер массивную стеклянную пепельницу и поста-

вил ее рядом с ним. Бонд закурил и откинулся в кресле.

Место банкомета пустовало. Бонд огляделся по сторонам. Большинство сидящих за столом он знал в лицо, однако по именам — всего несколько человек. На седьмом номере, справа от него сидел некто Сиккет, богатый бельгиец, имеющий отношение к рудникам в Конго. Девятым номером был лорд Денвер, благородный, но несчастный человек, которому деньги на игру, вероятно, выдала его богатая супруга-американка, мощная, похожая на барракуду женщина с большой нижней челюстью. Она сидела за третьим номером. Бонд был уверен, что супруги будут играть осторожничая, нервной, вероятно, среди первых выйдут из игры. На первом номере, по правую руку от банкомета, играл грек, владелец, как, похоже, все в восточном Средиземноморье, очень доходной морской компании. Этот будет играть хладнокровно и до конца.

Бонд попросил принести ему лист бумаги и, поставив вопросительный знак, записал номера 2, 4, 5, 8, 10, после чего служащий отнес записку распорядителю. Тот не замедлил вернуть ее с фамилиями против цифр. Второй номер, пока пустующий, был зарезервирован за Кармель Дел-

эйн, американской киноактрисой, мечтающей растратить отсуженное у трех мужей с прицелом, как полагал Бонд, на четвертого, которым мог стать приехавший с ней знакомый. Сангвиник по характеру, она, вероятно, будет играть весело и изящно, ей может пойти карта.

На четвертом и пятом номерах играли мистер и миссис Дюпон, за которыми, вполне возможно, были кое-какие деньги настоящих Дюпонов. Бонд видел в них основательных игроков. У обоих был вид деловых людей, они весело переговаривались и, кажется, очень уверенно чувствовали себя за большим столом. Бонд был рад такому соседству и решил войти в долю или с Дюпонами, или с сидящим слева от него Сиккетом, если ставки окажутся для них слишком высокими.

За восьмым номером сидел магараджа маленького индийского штата. Не исключено, что он прихватил с собой все свои долларовые кредиты времен войны. По опыту Бонд знал, что азиаты редко бывают мужественными игроками и что даже китайцы, несмотря на все, что про них рассказывают, способны потерять голову, когда игра не идет. Но магараджа, возможно, не станет бросать карты, если только не проиграет много за один раз.

Десятым номером был молодой итальянец цветущего вида, какой-нибудь домовладелец из Милана, где жилье стоит сумасшедших денег. Он, похоже, будет играть неосторожно, может потерять голову и создать трудную ситуацию.

Едва Бонд закончил анализ характеров игроков, как около стола бесшумно, экономя, подобно большой рыбе, движения, возник Намбер. Он холодно улыбнулся присутствующим и занял свое место в кресле банкомета напротив Бонда.

Таким же скупым движением он с треском распечатал грубыми, но быстрыми пальцами толстую пачку карт, которую крупье положил перед ним. Затем, когда крупье ловко уложил все шесть колод в сабо, Намбер что-то шепнул ему.

— Mesdames et messieurs, les jeux sont faits. Un banco de cinq cent mille [Дамы и господа, ставки сделаны. На банке пятьсот тысяч (фр.)], — объявил крупье и, когда грек на первом номере постучал пальцем по столу, добавил: — Le banco est fait. [Ставка принята (фр.)]

Намбер наклонился к сабо, чуть встряхнул его, подравнивая колоды, и вот первая карта показалась из отверстия, похожая на бледно-розовый язык. Указательным пальцем Намбер прижал ее к сукну и отодвинул сантиметров на тридцать

вправо, в сторону грека. Потом вытащил карту для себя, затем вторую для грека и еще одну для себя.

Он застыл, не прикасаясь к картам, вглядываясь греку в лицо. Крупье осторожно поддел обе карты грека своей длинной лопаткой и быстрым движением перекинул их еще на несколько сантиметров, так чтобы они легли точно перед бледными волосатыми руками, похожими на двух притаившихся крабов. Оба краба двинулись к картам.

Накрыв широкой ладонью карты, грек склонил голову и осторожно открыл угол верхней карты. Затем другой рукой чуть выдвинул нижнюю так, чтобы была видна только она.

Лицо грека оставалось каменным. Он опустил левую ладонь на стол и плавно убрал ее, оставив перед собой свои две загадочные карты.

Он смотрел Намберу прямо в глаза.

— Нет, — сказал он ничего не выражающим голосом.

То, что грек оставил свои две карты и не взял третью, говорило лишь о том, что у него либо пять, либо шесть, либо семь очков. Чтобы быть уверенным в выигрыше, банкомет должен предъявить восемь или девять. Если у него их нет,

он, как и все, имеет право взять третью карту, которая может и улучшить, и ухудшить его положение.

Карты Намбера лежали в нескольких сантиметрах от его сцепленных рук. Правой рукой он придвинул их к себе и легким щелчком перевернул их.

Это были четверка и пятерка. Девять на сдаче. Он выиграл.

— Neuf la banque [Девять на банке (фр.)], — ровным голосом сказал крупье. Своей лопаточкой он перевернул карты грека и так же бесстрастно объявил: — Et ie sept. [И семь (фр.)]

После этого он забрал со стола битые семерку и даму и опустил их в прорезь в столе рядом со своим креслом. Они упали в металлическую коробку, довольно громко ударившись о пока еще не устланное картами дно. Следом туда упали карты Намбера.

Грек снял с большой стопки стотысячных жетонов пять кружков, и крупье придвинул их в центр стола к пятисоттысячному жетону Намбера. С каждого выигрыша казино получает небольшой процент, но по традиции на больших столах этот процент берет на себя банкомет, либо заранее внося оговоренную сумму, либо рассчитываясь

по окончании партии, с тем, чтобы на банке всегда стояла ровная сумма. Намбер выбрал второй вариант.

Крупье опустил в специальную прорезь несколько жетонов, которые потом будут предложены к оплате банкомету, и спокойно объявил:

— Un banco d un million. [На банке один миллион (фр.)]

— Suivi [Принимаю (фр.)], — тихо сказал грек, пользуясь своим правом отыграть проигранный банк.

Бонд закурил и поудобнее устроился в кресле.

Большая игра началась; эти же спокойные слова будут из раза в раз повторяться до конца, до того момента, когда игроки выйдут из-за стола. После этого использованные колоды будут преданы огню, стол накроют чехлом, похожим на саван, зеленое поле боя, впитав последние капли крови своих жертв, утолит жажду.

Взяв третью карту, грек смог набрать только четыре очка против семи у банкомета.

— Un banco de deux millions [На банке два миллиона (фр.)], — сказал крупье.

— Принято, — сказал Бонд.

11. Момент истины

Намбер без видимого интереса посмотрел в сторону Бонда; круглые глаза придавали его бесстрастному взгляду что-то кукольное. Его рука медленно сползла со стола и скользнула в карман смокинга. Он извлек маленький цилиндрический предмет, отвинтил крышку и, с не очень уместной тщательностью вставив горлышко цилиндра в ноздри, глубоко вдохнул пары ортедрина.

Не торопясь, он убрал распылитель в карман и привычно встряхнул сабо.

Во время этой неприятной пантомимы Бонд хладнокровно выдерживал взгляд Намбера, не переставая разглядывать его широкое бледное лицо с коротким ершиком рыжеватых волос, мокрые пунцовые, никогда не улыбающиеся губы, плечи под широким смокингом, который, не будь отблеска света на сатиновых лацканах, более походил бы на черную шкуру на торсе Минотавра.

Бонд положил, не считая, на стол пачку банкнот. Если он проиграет, крупье возьмет из нее

столько, сколько нужно, суть этого принятого в картах жеста заключалась в желании показать: игрок не собирается скоро закончить партию и предъявленные деньги — лишь небольшая часть имеющихся у него в наличии.

Все почувствовали напряжение противников и, когда Намбер начал сдавать карты, за столом стало тихо.

Концом лопатки крупье пододвинул к Бонду две его карты. Тот, продолжая смотреть на Намбера, протянул к ним руку, на мгновение опустил глаза, затем, вновь взглянув на противника, небрежно перевернул их.

Девять: четверка и пятерка.

По столу прокатился завистливый вздох, двое, сидящих слева от Бонда, обменялись грустными взглядами, жалея, что у них не хватило смелости принять игру.

Чуть заметно пожав плечами, Намбер медленно перевернул свои карты и отбросил их от себя. Два валета. Ни очка.

— Баккара, — сказал крупье, пододвигая к Бонду жетоны. Тот убрал их в правый карман вместе со своей нераспечатанной пачкой. Хотя его лицо по-прежнему не выдавало ни малейшего волнения, он был рад своему первому успеху и молчаливым

поздравлениям, идущим со всех сторон.

Дама, сидящая слева от него, миссис Дюпон, повернулась к нему и натянуто улыбнулась.

— Надо было опередить вас. Как только сдали карты, я почувствовала, что вы выиграете.

— Игра только начинается, — сказал Бонд. — Наверное, в следующий раз вы не ошибетесь.

Сидящий рядом с супругой господин Дюпон наклонился к Бонду и философски заметил:

— Если бы мы умели никогда не ошибаться, никто из нас здесь бы не сидел.

— Я бы все равно была здесь, — откликнулась миссис Дюпон со смехом. — Я же играю для собственного удовольствия!

Игра возобновилась. Бонд бросил взгляд на толпу, собравшуюся у загородки. Он без труда заметил двух телохранителей Намбера, стоящих позади хозяина, по обе стороны от него. Они были более или менее похожи на остальных зрителей, но недостаточно выразительно переживали игру, чтобы остаться незамеченными.

Тот, который держался справа от Намбера, был высоким, в смокинге, с похоронной миной на невыразительном земляного цвета лице. Глаза у него бегали и сверкали, как у заговорщика. Его длинное тело все время дергалось, руки беспокой-

но полировали медную загородку. Бонд подумал, что этот человек должен убивать, не спрашивая, кого он убивает, и скорее всего предпочитает своих жертв душить. В нем было что-то от Ленни из «Мышей и людей», с той разницей, что у этого жестокость была порождением не инфантильности, а наркотиков. Марихуана, определил Бонд.

Второй — маленький, чрезвычайно смуглый, с плоской головой и густо набриолиненными волосами — был похож на корсиканского лавочника. Должно быть, он был инвалидом. Толстая бамбуковая трость с резиновой пяткой висела рядом с ним на загородке.

«Он должен был получить разрешение, чтобы пронести ее с собой», — отметил про себя Бонд, знающий, что в игорных домах на трости и прочие подобные предметы наложен запрет во избежание бурного проявления эмоций. «Корсиканец» производил впечатление довольного собой человека, не считающего нужным скрывать свои очень плохие зубы. У него были густые черные усы, очень волосатые руки. Наверное, и все его тело было покрыто такими же черными густыми волосами...

Игра шла без неожиданностей, но с чуть заметным оживлением за столом.

В железке и в баккара третья партия подобна звуковому барьеру. Удача может отвернуться от вас в первых двух, в третьей — это уже катастрофа. Вероятно поэтому банкомет и игроки предпочитали не рисковать, хотя на банке за два часа игры уже побывало в общей сложности десять миллионов.

Бонд не знал, сколько именно Намбер выиграл за предыдущие два дня. Предположительно — около пяти миллионов, так что теперь его капитал не должен превышать двадцати.

На самом же деле сегодня днем Намбер проиграл. И проиграл много. В его распоряжении оставалось всего десять миллионов против двадцати восьми миллионов Бонда, если считать те четыре, которые он выиграл к часу ночи.

Бонд был доволен тем, как шла игра, но не расслаблялся. Намбер ничем не выдавал своего волнения. Он продолжал играть как автомат, молча, лишь изредка тихо отдавая распоряжения крупье о ставке в очередной партии.

За пределами зоны большого стола, где царила тишина, атмосфера была более шумной: шепот за столами железки, рулетки и «тридцать-сорок», гул голосов, прерываемый зуммером крупье, внезапный смех и нервные выкрики доносились

со всех сторон огромного зала.

В глубине зала отсчитывал свои проценты с каждого поворота рулетки, с каждой перевернутой карты символический метроном казино, большая хитрая кошка с пульсирующим нулем на месте сердца.

На часах Бонда было десять минут второго, когда ритм игры за большим столом внезапно изменился.

Грек на первом номере переживал тяжелые минуты. Проиграв за первую и вторую партии по полмиллиона, он спасовал на очередном банке в два миллиона. Кармель Делэйн тоже не приняла ставку. Равно как и леди Денвер, номер три.

Дюпоны переглянулись.

— Принято, — сказала миссис Дюпон и тут же проиграла восьми очкам банкомета на первой сдаче.

— Un banco de quatre millions [На банке четыре миллиона (фр.)], — объявил крупье.

— Banco [Принято (фр.)], — сказал Бонд, бросив перед собой пачку банкнотов.

Взгляд на Намбера, быстрый взгляд в карты. У него на руках была пятерка и бесполезная картинка. Положение было опасным.

Намбер предъявил валета и четверку. И взял

еще одну карту. Тройка.

— Sept a la banque [Семь на банке (фр.)], — сказал крупье. — Et cinq [И пять (фр.)], — добавил он, перевернув карты Бонда, пододвинул к себе пачку банкнот, отсчитал четыре миллиона и вернул остальное Бонду.

— Un banco de huit millions. [На банке восемь миллионов (фр.)]

— Suivi [Беру (фр.)], — ответил Бонд.

Он вновь проиграл: Намбер сдал себе девять очков. За две партии Бонд лишился двенадцати миллионов. У него еще оставалось шестнадцать, но это было ровно столько, сколько объявил крупье на следующем банке.

Внезапно Бонд почувствовал, что у него вспотели ладони. Его капитал таял, как снег на солнце. Намбер выжидал, барабаня пальцами по столу. Бонд смотрел в его глаза, в которых стоял насмешливый вопрос: «Не желаете ли, чтобы вас обработали по полной программе?»

— Suivi, — тихо и спокойно произнес Бонд.

Он достал оставшиеся банкноты и жетоны из правого кармана, всю пачку — из левого и положил их перед собой. Ничто в его движениях не выдавало, что это его последняя ставка.

Во рту у него пересохло. Подняв глаза, он увидел

Веспер и Феликса Лейтера на том самом месте, где недавно стоял «корсиканец». Бонд не заметил, когда они появились. Лейтер выглядел чуть озабоченным, Веспер ободряюще улыбалась.

За спиной Бонда, у загородки, послышалось легкое шуршание. Он обернулся. Усатый «корсиканец» улыбнулся ему, показав полную пасть гнилых зубов.

— Le jeu est fait [Ставки сделаны (фр.)], — сказал крупье, и две карты скользнули к Бонду по зеленому сукну, которое уже казалось ему не мягким, но шершавым, как камень, и неестественно зеленым, как молодая трава на свежей могиле.

Уютный поначалу свет забранных в шелковые абажуры ламп теперь лишь подчеркивал бледность его рук, когда он приподнял свои карты. Он положил их, потом снова заглянул в них.

Хуже быть не могло: черный король и туз, туз пик. Туз был похож на ядовитого паука.

— Карту, — сказал он по-прежнему спокойным голосом.

Намбер раскрыл свои карты. У него были дама и черная пятерка. Он посмотрел на Бонда и вытянул из сабо толстым указательным пальцем еще одну карту. За столом стояла полная тишина. Намбер перевернул карту и бросил ее на сукно.

Крупье, аккуратно подцепив ее, пододвинул к Бонду. Карта была хорошая, пятерка червей, но Бонду это красное сердечко напомнило отпечаток окровавленного пальца. У него было шесть очков, у Намбера — пять, но банкомет, имеющий на руках пятерку и сдавший пятерку партнеру, мог и обязан был взять еще одну карту, чтобы попытаться улучшить свое положение с помощью туза, тройки или четверки. Все прочие карты по правилам означали проигрыш.

Шансы были в пользу Бонда, и теперь Намбер смотрел ему в глаза. Чуть приподняв карту, он бросил ее на всеобщее обозрение.

Четверка, лучшее, что могло быть, и девять в сумме. Он выиграл.

Бонд проиграл все.

12. Лицо смерти

Бонд сидел неподвижно, не в силах встать и уйти. От открыл портсигар и взял сигарету. Щелкнул крышкой своего «ронсона», закрыл и медленно поставил зажигалку на стол. Глубоко затянувшись, выпустил дым узенькой струйкой.

Что теперь делать? Вернуться в отель, лечь и не выходить, чтобы не видеть полных сочувствия взглядов Матиса, Лейтера и Веспер? Сообщить в Лондон, потом самолет, такси до Риджентс-парка, длинный коридор и холодный взгляд М. по ту сторону стола, вежливое сожаление: «В следующий раз повезет». Следующего раза, разумеется, не будет; такого случая, как сейчас, больше не представится.

Бонд скользнул взглядом по игрокам и поднял глаза на зрителей. Многие не разошлись, ждали, когда крупье подсчитает деньги, в прямом смысле слова горой лежащие перед банкометом. Им хотелось убедиться, что уже никто, хотя это было очевидно, не рискнет бросить вызов огромному банку в тридцать два миллиона, чудом доставшемуся за одну партию банкомету.

Лейтер куда-то исчез, наверное, подумал Бонд, чтобы не видеть глаз побежденного после локаута. Беспер стояла у стола странно спокойная и улыбающаяся.

«Она ничего не понимает в этой игре, — сказал себе Бонд. — Она не знает горечи поражения».

К Бонду направился служащий казино. Он остановился, положил ему на колени толстый, как словарь, конверт и, сказав что-то о кассе, удалился.

Сердце у Бонда забилось. Конверт был тяжелым. Тут же под столом Бонд вскрыл его. Клей еще не успел засохнуть.

Все еще не веря, хотя уже зная, что это правда, он почувствовал в руках толстые пачки банкнот. Он осторожно переложил их в карманы, открепив от верхней пачки приколотый к ней листок бумаги. Пряча его под столом, он бросил на записку быстрый взгляд. В ней была только одна строчка, написанная чернилами:

«Помощь Маршалла: тридцать два миллиона франков. С наилучшими пожеланиями от США».

Бонд поднял глаза. Лейтер стоял рядом с Беспер. Он улыбнулся, и Бонд ответил ему взмахом руки. После чего он постарался окончательно освободиться от захлестнувшего его еще минуту

назад чувства безысходности. Это был шанс, но последний шанс. Чудес больше быть не могло. Теперь Бонду нужно было выиграть, если только Намбер еще не набрал свои пятьдесят миллионов и продолжит игру.

Крупье закончил высчитывать часть, причитающуюся казино, поменял проигранные Бондом деньги на жетоны, высыпал их горкой в центре стола.

Тридцать два миллиона. Может быть, подумал Бонд, Намберу нужна всего одна игра, всего несколько миллионов и он, получив все, что хотел, уйдет. Завтра он вернет растраченные деньги и укрепит свое положение.

Намбер продолжал сидеть, и Бонд с некоторым облегчением подумал, что мог и преувеличить начальный капитал своего противника.

Теперь единственной надеждой Бонда было суметь разгромить Намбера в следующей партии. Не делить банк со столом, играя на незначительные суммы, но рискнуть поставить все деньги разом. Для Намбера это могло стать ударом. Даже ставка в десять-пятнадцать миллионов, принятая сейчас, привела бы его в бешенство; но он не может ожидать, что кто-то поддержит весь тридцатидвухмиллионный банк. Возможно, он

не догадывался, что у Бонда не осталось ничего, но мог предвидеть, что осталось совсем немного. Если бы он знал, что получил Бонд в конверте, он, вероятно, снял бы банк, чтобы начать игру заново с пятисот тысяч франков.

Бонд рассуждал правильно. Намберу не хватало еще восьми миллионов, и он кивнул крупье.

— Un banco de trente-deux millions. [На банке тридцать два миллиона (фр.)]

Голосом, преисполненным гордости, и чуть громче, чем обычно, шеф-де-парти еще раз объявил эту ставку, чтобы привлечь внимание солидных понтировщиков за соседними столами, где играли в железку. Такой рекламы можно было не стесняться.

В истории баккара подобная ставка случилась только однажды, в Довилле в 1950 году. Казино «Де ля Форэ» в Туке и близко не подходило к такой сумме.

В этот момент Бонд слегка подался вперед.

— Suivi [Принято (фр.)], — произнес он спокойным голосом.

Вокруг послышался возбужденный шепот. Известие быстро облетело казино. К столу стали подходить люди. Тридцать два миллиона! Большинство из них не заработали столько за всю

жизнь. Настоящее состояние!

У стола появился один из управляющих казино. Он переговорил с шеф-де-парти. Тот с извиняющимся видом повернулся к Бонду.

— Excuze — moi, monsieur. La mise. [Извините, месье. Ставка? (фр.)]

Это означало, что Бонд должен предъявить сумму, необходимую для продолжения игры. Естественно, за столом знали, что он очень богат, но тридцать два миллиона!.. Не так уж редки случаи, когда от безысходности люди садятся играть при пустом кармане и, проиграв, с улыбкой отправляются в тюрьму.

— Excusez — moi, monsieur Bond [Извините, месье Бонд (фр.)], — повторил шеф-де-парти.

Когда крупье начал пересчитывать банкноты в толстых пачках, которые Бонд бросил на стол, тот поймал взгляд Намбера, обращенный к стоящему позади Бонда «корсиканцу».

В ту же секунду он почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в самый низ спины, и вежливый голос со средиземноморским акцентом тихо, но властно сказал ему в правое ухо:

— Эта штука стреляет, месье. Абсолютно бесшумно. Она может снести вам половину позвоночника, и никто не услышит. Вы как будто

упадете в обморок. Тем временем меня здесь уже не будет. Снимите ставку, считаю до десяти. Позовете на помощь — стреляю.

Голос был спокойный. Бонд понял, что угроза серьезна. Эти люди уже показали, что их ничто не остановит. Смысл появления массивной трости в зале теперь был ясен. Внутри ее ствол пистолета был обложен рядом каучуковых гасителей, поглощающих звук выстрела. Такие трости были изобретены и использовались в покушениях во время войны. Бонд умел обращаться с ней.

— Un, — сказал голос.

Бонд обернулся. «Корсиканец» стоял прямо за ним, облокотившись на загородку и широко улыбаясь в черные усы, как будто желая ему успеха. В шумной толпе он чувствовал себя в полной безопасности.

— Deux, — сказал он громко.

Бонд посмотрел на Намбера. Тот наблюдал за ним. Его глаза блестели. Рот был приоткрыт: Намберу не хватало воздуха. Он ждал, когда Бонд подаст знак крупье или, внезапно вскрикнув, рухнет с перекошенным лицом на стол.

— Trois.

Бонд бросил взгляд на Веспер и Лейтера. Они переговаривались и улыбались. Безумцы. Где

Матис? Где его люди?

— Quatre.

А зрители, эта толпа стрекочущих зевак! Неужели ни один человек не видит, что происходит? Шеф-де-парти, официант?

— Cinq.

Крупье аккуратно укладывал в стопку банкноты. Шеф-де-парти с улыбкой поклонился, заметив взгляд Бонда. Как только крупье закончит, будет объявлено: «Les jeux sout fait» [Ставки сделаны (фр.)] — и еще до того, как «корсиканец» досчитает до десяти, последует выстрел.

— Six.

Бонд принял решение. Ничего другого ему не оставалось. Он осторожно подвинул руку к краю стола, уперся в него, вжавшись в спинку кресла и чувствуя, как все сильнее давит ему в спину трость.

Шеф-де-парти повернулся к Намберу, вопросительно подняв брови, ожидая, когда банкомет подаст ему знак, что готов.

Внезапно Бонд изо всех сил опрокинулся назад. Кресло упало с такой быстротой, что, зацепив спинкой трость, чуть не переломило ее, вырвав из рук «корсиканца» прежде, чем тот успел нажать на курок.

Бонд упал на спину почти под ноги зрителям. Спинка кресла с громким треском раскололась. Кто-то в испуге закричал.

Зрители отступили, потом, придя в себя, прижались к загородке. Крупье подбежал к шеф-департи. Им важно было любой ценой избежать скандала.

Бонд поднялся, держась за загородку. Вид у него был растерянный и смущенный.

— Минутная слабость, — сказал он. — Ничего страшного. Нервы, духота...

Послышались одобрительные возгласы. Конечно, такая сумасшедшая игра! Месье хочет отказаться от дальнейшей игры, отдохнуть, вернуться к себе? Не нужно ли вызвать врача?

Бонд покачал головой. С ним уже все в порядке. Он принес свои извинения игрокам, а также банкомету. Ему подали другой стул, он сел и, кроме приятного ощущения от того, что все еще жив, испытал еще и миг наслаждения, увидев на толстом бледном лице выражение ужаса.

За столом оживленно комментировали происшествие. С обеих сторон соседи Бонда наклонились к нему и сочувственно заговорили о жаре, о позднем часе, о табачном дыме, о духоте.

Бонд вежливо отвечал. Потом он оглянулся

назад, рассматривая толпу у себя за спиной. «Корсиканец» исчез. Служащий казино искал глазами кого-нибудь, кто бы забрал у него трость.

Кажется, она была цела, но уже без резиновой «пятки». Бонд подал ему знак.

— Будьте любезны, передайте этот предмет тому господину, — указал он на Лейтера, — Эта вещь принадлежит одному из его знакомых.

Бонд подумал, что, осмотрев трость, Лейтер поймет, почему Бонд устроил это представление. Он вновь повернулся к столу и тихо постучал пальцем, давая понять, что готов начать игру.

13. «Шепот любви и ненависти»

— La partie continue, — громко объявил шеф-де-парти. — Un banco de trente-tieux millions. [Партия продолжается. На банке тридцать два миллиона (фр.)]

Зрители вытянули шеи. Намбер сильно стукнул ладонью по сабо. Затем, как будто задумавшись, достал свой флакончик с ортедрином и сделал несколько глубоких вздохов.

— Животное, — буркнула сидящая слева от Бонда миссис Дюпон.

Бонд вновь ощутил прежнюю ясность мыслей. Он чудом избежал страшного выстрела. Спина еще помнила, как упиралась в нее трость, но эта борьба с «корсиканцем» помогла ему забыть о недавних переживаниях после проигрыша.

Зрители все еще посмеивались над Бондом. Игра по меньшей мере на десять минут была из-за него прервана, случай беспрецендентный в солидном казино; но теперь в сабо его ждали карты. Они не должны обмануть. Он чувствовал, как сильно забилось сердце в ожидании того, что произойдет.

Было два часа ночи, но в казино было многолюдно. Кроме множества людей, собравшихся вокруг большого стола, продолжалась игра за тремя карточными и тремя рулеточными столами.

За большим столом воцарилась тишина. В этот момент откуда-то издалека донесся голос крупье: «Neuf. Rouge gagne, impair et manquec». [Девять. Красное, нечет и манк выигрывает (фр.)]

Это было как предзнаменование. Кому? Ему или Намберу?

Две карты плыли к нему по зеленому морю. Как спрут, притаившийся за камнем, Намбер следил за ним с другого конца стола. Бонд спокойно протянул руку и придвинул карты к себе. Не этим ли картам так сильно радовалось, уловив предзнаменование, его сердце? Девятка? Или восьмерка на худой конец?

Он заглянул в карты, спрятал их в ладонях, желваки свело судорогой, так сильно он сжал зубы. Все тело напряглось, повинуясь инстинкту самосохранения.

Это были две дамы, обе красной масти.

Они игриво смотрели на него с картинок. Худшего расклада быть не могло. Ни одного очка. Ноль. Баккара.

— Карту, — сказал Бонд. Он изо всех сил ста-

рался не выдать интонацией охватившего его отчаяния. Намбер буравил его взглядом, пытаясь догадаться, что он задумал. Банкомет неторопливо открыл свои две карты. У него были король и тройка черной масти: всего три очка.

Бонд выпустил долгую струйку дыма. Еще не все было потеряно. Настал момент истины. Намбер постучал по сабо, извлек карту, карту судьбы для Бонда, и медленно ее перевернул.

На столе лежала девятка, долгожданная девятка червей, карта, которую цыганки называют «шепот любви и ненависти». Для Бонда она означала безусловную победу.

Крупье тихонько подтолкнул ее вперед. Намберу эта карта не говорила ничего. У Бонда мог быть туз, в таком случае у него баккара. Или двойка, тройка, четверка и даже пятерка. Тогда максимум, что он мог иметь с этой девяткой, было четыре очка.

Ситуация, когда у банкомета на руках три очка и при этом он сдает девятку, одна из самых спорных в баккара. Шансы почти равны, возьмет банкомет еще карту или нет. Бонд предоставил Намберу право немного помучиться. Поскольку его девятка могла быть нейтрализована лишь в том случае, если банкомет сдает себе шестерку,

можно было раскрыть свои карты. Если бы это была обыкновенная партия.

Карты Бонда по-прежнему лежали без движения: две красные «рубашки» и открытая девятка червей. Намберу девятка говорила правду, которая не отличалась от любой возможной лжи. Все решали две загадочные карты.

Пот заблестел на крыльях крючковатого носа банкомета. Он облизал высохшие губы, посмотрел на карты Бонда, потом на свои, снова на карты противника...

Вздрогнув всем телом, он вытащил из сабо еще одну карту. Перевернул. Все за столом подались вперед. Прекрасная карта: пятерка.

— Huit a la banque [Восемь в банке (фр.)], — объявил крупье.

Бонд сидел неподвижно, и Намбер не сдержался и хищно улыбнулся. Он должен был выиграть.

С извиняющимся видом крупье через стол потянулся лопаточкой к картам Бонда. Никто не сомневался, что это был проигрыш. Две дамы легли на сукно.

— Etieneuf. [И девять (фр.)]

Секунду вокруг стола было слышно лишь громкое дыхание зрителей. И вдруг все разом заговорили.

Бонд посмотрел на Намбера. Тот, как в сердечном приступе, откинулся на спинку и замер. Он несколько раз открыл рот, как будто хотел что-то возразить, схватился за грудь. Потом закинул голову назад. Губы у него были серого цвета.

Крупье пододвинул к Бонду огромную кучу жетонов. Вдруг Намбер резким движением выхватил из внутреннего кармана смокинга пачку банкнот.

Крупье быстро пересчитал их.

— Un banco de dix millions [На банке десять миллионов (фр.)], — сказал он и бросил на центр стола десять жетонов по одному миллиону.

«Это ставка на смерть, — подумал Бонд. — Намбер ступил за черту, откуда уже не возвращаются. У него больше нет денег. Он в том положении, в каком был я час назад, и пытается сделать последний шаг, который я тоже сделал. Но если он проиграет, ему никто не поможет, второго чуда не случится».

Бонд сел поглубже в кресло и закурил. Рядом с ним появился столик на колесиках, на котором как по волшебству возникла бутылка «Клико» и бокал. Не спрашивая, кому он обязан этим щедрым подарком, он наполнил бокал до краев и двумя глотками осушил его.

Затем откинулся в кресло, положив руки на стол. Он был похож на борца, выжидающего удобный момент, чтобы начать схватку. Соседи слева молчали.

— Banco [Принято (фр.)], — произнес он, обращаясь к Намберу.

И новые две карты скользнули к Бонду. На этот раз крупье провел их лопаткой так, что они легли в зеленую «гавань» между ладонями Бонда.

Бонд приподнял их правой рукой и, едва заглянув в них, бросил открытыми на центр стола.

— Le neuf, — сказал крупье.

Намбер смотрел на своих двух черных королей.

— El baccara. — Крупье передвинул к Бонду столбик жетонов.

Намбер, не отрываясь, смотрел, как они перемещались туда, где рядом с левой рукой Бонда лежали остальные миллионы, затем медленно встал и молча двинулся к выходу. Он снял с крючка цепочку и, не закрыв за собой проход, пошел сквозь расступившуюся толпу. Зрители смотрели на него с любопытством и испугом, как будто от него веяло смертью. Бонд потерял его из виду.

Пора было уходить. Бонд снял с одного из столбиков стотысячный жетон и отодвинул его в

сторону шеф-де-парти. Он холодно прервал его обильные расшаркивания и попросил крупье отнести свой выигрыш в кассу. Другие игроки тоже встали. Без банкомета игра продолжаться не могла. К тому же была уже половина третьего. Бонд обменялся парой вежливых фраз со своими соседями по столу и вышел за загородку к Веспер и Лейтеру.

Все вместе они направились к кассе, когда Бонда попросили зайти в кабинет управляющего казино. Там на столе громоздилась огромная куча жетонов, к которой Бонд прибавил и те, что оставались у него в карманах.

Здесь было больше семидесяти миллионов.

Бонд взял часть, причитающуюся Лейтеру, банкнотами, остальное — около сорока миллионов — чеком «Креди Лионэ». Его горячо поздравили с выигрышем и пожелали видеть в казино снова.

На приглашение Бонд ответил уклончиво. Он вернулся в бар и вручил Лейтеру его деньги. Они еще поговорили за бутылкой шампанского об игре, потом Лейтер положил на стол пулю сорок пятого калибра.

— Я отдал оружие Матису, — сказал он. — Он забрал его с собой. Ваш кульбит его озадачил. В тот

момент он со своими людьми был позади толпы, поэтому телохранитель Намбера ушел без труда. Можете представить, каково им было, когда они увидели эту тросточку. Матис передал мне пулю, чтобы вы полюбовались, что вас ожидало. Головка пули рассечена на четыре части по типу пули «дум-дум». Но записать эту пулю на счет Намбера невозможно. Тот хромой пришел один. Матис нашел карточку, которую тот заполнил при входе. Разумеется, все, что написано, липа. Разрешение на перенос трости он получил, предъявив сертификат инвалида войны. Эти люди отлично организованы. С трости сняты его отпечатки, их уже передали в Париж, может быть, к утру что-то будет ясно. В любом случае все хорошо, что хорошо кончается, — сказал Лейтер, вытягивая из пачки новую сигарету. — Можно считать, что Намбер уже ликвидирован, хота, признаться, в какой-то момент я сильно понервничал. Думаю, вы тоже.

Бонд улыбнулся:

— Этот конверт — самое великое чудо, которое случалось у меня в жизни. Я думал, что все действительно кончено, не скажу, что это приятное ощущение. Хорошо иметь рядом друзей, когда ты сам уже ничего не можешь. Я на минуту зайду в

отель, чтобы убрать чек. — Бонд встал и похлопал себя по карману. — Не хочется чувствовать себя заложником. У Намбера еще могут быть кое-какие виды на эти деньги. А после я бы хотел отпраздновать победу. Вы не против?

Он повернулся к Веспер, которая все это время молчала.

— Перед сном мы можем выпить шампанского в клубе. Очень симпатичное место, называется «Галантный король».

— Я — с радостью, — сказала Веспер. — Пойду приведу себя в порядок, пока вы отнесете свои миллионы. Встретимся у входа в отель.

— А вы, Феликс? — спросил Бонд, надеявшийся остаться с Веспер один на один.

Лейтер взглянул на него и понял все, о чем он думает.

— Надо же знать меру, я должен хоть немного поспать, — сказал он. — День был не из легких. Я жду, что Париж попросит меня завтра кое-что прояснить. Тут много всего накручено, но это уже мои дела. Я провожу вас до отеля. Перед портом лучше уж не оставлять без присмотра галион с золотом.

Они шли неторопливо, осторожно пересекая темные места на освещенных лунным светом

аллеях. Оба держали руки на пистолетах. В три часа ночи людей было еще много, и все новые машины подъезжали к казино.

Их маленькая прогулка прошла без приключений. В отеле Лейтер настоял на том, чтобы довести Бонда до его номера. В номере все было так, как оставил Бонд шесть часов назад.

— Обошлось без торжественной встречи, — заметил Лейтер, — но я не поверю, что они не сделают последнюю попытку. Может быть, мне все-таки пойти с вами?

— Вам действительно нужно отдохнуть, не беспокойтесь. Без денег я их уже не интересую. К тому же я знаю, как тут поступить. Спасибо за все, что вы сделали. Я надеюсь, что мы еще где-нибудь встретимся.

— Договорились, — кивнул Лейтер. — При одном условии, что, когда будет нужно, вы сумеете вытащить девятку. И захватите с собой Веспер, — прибавил он, чуть насмешливо улыбнувшись, и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Бонд вновь был один. После людного казино и трехчасового напряжения было приятно видеть даже такие мелочи, как разложенную на кровати пижаму, расческу на туалетном столике. Он пошел в ванную, умылся холодной водой и долго

полоскал горло. Ссадины на затылке и правом плече давали с себе знать. Дважды за день он избежал смерти, и думать об этом было приятно. Что теперь? Ждать всю ночь, когда Намбер появится вновь? А может быть, он уже выехал в Гавр или Бордо, чтобы успеть на корабль, который отвезет его подальше от глаз и пуль СМЕРШ?

Бонд пожал плечами. Ясно, что ему не хотелось новых сюрпризов. Он посмотрел на себя в зеркало и решил думать о Веспер. Ее поведение делало ее еще более привлекательной. Ему хотелось ее. Хотелось увидеть в ее голубых глазах слезы и желание, хотелось провести рукой по ее черным волосам, прижать ее к себе. Он вернулся а комнату, достал из кармана чек, несколько раз сложил его, открыл дверь номера и осмотрел коридор. Оставив дверь открытой настежь, чтобы слышать лифт или шаги, он принялся за дело.

14. Жизнь в розовом свете

Вход в «Галантного короля» украшала большая, метра в два с половиной высотой, старинная рама, вероятно, обрамлявшая когда-то портрет вельможи в полный рост. Сразу за дверями начиналась «кухня» — игральный зал.

Рулетки на нескольких столах еще крутились. Предложив Веспер руку, чтобы помочь ей перешагнуть через позолоченный порог, Бонд подумал было поменять немного денег в кассе и поставить по максимуму на ближайшем столе. Но подавил в себе это желание, понимая, сколь неуместен был бы подобный жест, рассчитанный на публику. Выиграл бы он или проиграл, он бросил бы вызов случаю, который только что был к нему более чем благосклонен.

Ночной клуб был крохотным заведением, освещающимся исключительно свечами. Их дрожащий свет отражался в зеркалах, забранных в богатые рамы, и искрился на позолоте канделябров. Стены были обиты темно-красным шелком, того же цвета были бархатные кресла. В дальнем углу трио-рояль, гитара и ударник

— тихо наигрывало «Жизнь в розовом свете». В зале царил полумрак, и Бонд представил, как нежны, должно быть, слова, звучащие сейчас за уединенными столиками.

Их усадили за столиком в углу, рядом с входом. Бонд заказал бекон и шампанское «Вдова Клико». Несколько минут они молчали, слушая музыку. Бонд заговорил первым:

— Мне приятно быть здесь с вами, приятно, что все уже позади. Это дивное завершение дня, настоящая награда!

Он думал, что Веспер улыбнется, но она лишь довольно сухо, продолжая внимательно слушать музыку, ответила:

— Да, пожалуй.

Она сидела, облокотившись на стол, подперев подбородок тыльной стороной ладони, и Бонд заметил, как белы у нее от напряжения фаланги пальцев.

Она курила, держа сигарету, как держат карандаш художники, между большим и указательным пальцами. Внешне она казалась спокойной, лишь чуть чаще, чем нужно, стряхивала пепел.

Бонд подмечал эти детали потому, что Веспер по-прежнему была для него загадкой, и еще потому, что ему хотелось, чтобы она разделила с

ним легкое, лирическое настроение, вдруг нахлынувшее на него. Он прекрасно чувствовал, что сдержанность ее идет не от души. Либо, казалось ему, она опасается его, либо это ответ на ту холодность, с которой он повел себя за ужином и которую она, он знал, приняла за пренебрежение.

Бонд умел быть терпеливым. Они пили шампанское, говорили о событиях минувшего дня и об их вероятных последствиях для Намбера, о Матисе, о Лейтере, при этом Бонд не выходил за рамки того, во что должна была быть посвящена Веспер еще в Лондоне.

Она отвечала ему, но холодно. Сказала, что Матис и Лейтер, разумеется, вычислили обоих телохранителей, но не придали никакого значения тому, что один из них встал позади Бонда. Они были уверены, что в казино Намбер ничего предпринимать не станет. Как только Бонд с Лейтером отправились в отель, она позвонила в Париж сообщить о результате игры представителю М. Пришлось говорить иносказательно, ее абонент, выслушав сообщение, без комментариев повесил трубку. Все это было предусмотрено полученными ею инструкциями при любом исходе партии. М. лично просил держать его в курсе в любое

время дня и ночи.

На этом разговор иссяк. Веспер пила шампанское маленькими глотками и изредка поднимала глаза на Бонда. Она не улыбалась. Бонд мрачнел. Он пил один бокал за другим, заказал еще бутылку. Когда принесли мясо, они молча принялись за еду.

К четырем часам Бонд собрался уже попросить счет, как к столу подошел метрдотель и, спросив мисс Линд, передал ей записку, которую она тут же прочла.

— Это Матис. Просит меня выйти к нему на улицу, у него для нас сообщение. Может быть, он без вечернего костюма, иначе бы зашел сюда. Я на минуту. Потом можем вернуться в отель.

Она принужденно улыбнулась.

— Боюсь, что я составила вам на этот вечер не лучшую компанию. День был тяжелым. Извините меня.

Бонд возразил из вежливости и встал, задев стол.

— Я попрошу счет, — сказал он, когда она подходила к двери.

Он вновь сел и закурил. Накопившаяся за день усталость вдруг навалилась на него. Ему стало душно, как в казино. Он попросил счет и выпил

последний глоток шампанского, показавшегося ему горьким, каким часто кажется первый глоток. Он бы с удовольствием увидел сейчас бодряка Матиса, послушал его, может быть, он скажет что-нибудь приятное.

Внезапно письмо, которое передали Веспер, показалось ему странным. Это не было похоже на Матиса. Тот мог бы назначить встречу в баре казино им обоим или бы сам, одевшись как подобает, пришел сюда. Им было над чем посмеяться. Матис наверняка понервничал сегодня. И ему было что рассказать Бонду, больше, чем Бонд мог рассказать ему. Вероятно, продолжал давать показания их арестованный болгарин; Намбер должен был что-то предпринять, уйдя из казино...

Бонд вздрогнул. Он спешно расплатился и, не дожидаясь сдачи и не отвечая на «доброй ночи» метрдотеля и посыльного, бросился к двери. Бегом пересек «кухню», на секунду задержался, оглядывая холл, где стояли два портье и несколько человек в вечерних костюмах ждали одежду у гардероба.

Веспер и Матиса нигде не было.

Он выбежал на улицу, огляделся по сторонам, присмотрелся к машинам, припаркованным у

входа в клуб.

— Желаете такси, месье? — спросил вышедший посыльный.

Бонд отстранил его и бросился бежать через двор, вглядываясь в темноту, чувствуя, как холодит виски посвежевший ночной воздух.

Он был уже на середине двора, когда где-то справа послышался сдавленный крик, затем хлопнула дверца автомобиля. Тут же заработал мотор и из темноты вырулил, попав в полосу лунного света, «ситроен». Его низко посаженный бампер несколько раз царапнул неровный булыжник, зад «ситроена» раскачивался на мягкой подвеске, как будто внутри шла отчаянная борьба.

Вывернув из мостовой мелкие камни, машина рванулась к воротам. Темный предмет вылетел из переднего окна и упал на клумбу. Громко взвизгнули покрышки, «ситроен» резко свернул на бульвар, затем стало слышно, как водитель переключил скорость, и машина начала удаляться в сторону идущего вдоль берега шоссе.

Бонд уже знал, что на клумбе он найдет сумочку Веспер. С ней он бегом вернулся к освещенному входу в ночной клуб и, не обращая внимания на расхаживающего вокруг него посыльного,

вытряхнул ее содержимое на землю.

Среди обычных женских мелочей он нашел смятую записку.

«Можете ли вы выйти на секунду в холл? У меня новости для вашего друга. Рене Матис.»

15. Черный заяц и серая гончая

Это была фальшивка, самая откровенная фальшивка.

Бонд ринулся к «бентли», благословляя тот миг, когда он решил после ужина подогнать машину сюда. Педаль газа, стартер сработал мгновенно, и рев мотора заглушил недоуменные возгласы посыльного, отскочившего в сторону, когда из под колес на расшитые лампасами брюки брызнула галька.

Сразу за воротами Бонд свернул влево, ища глазами «ситроен» с низко посаженным передом. Он быстро набрал скорость и, чуть откинувшись на сидение, приготовился к погоне. Он с наслаждением слушал рокот мотора, раскатистым эхом отражающийся от стен домов.

Широкое, как и положено национальной дороге, шоссе шло между дюн. Еще утром Бонд отметил, что покрытие в прекрасном состоянии и вся трасса удачно размечена катафотами. Он поднял стрелку спидометра до 130, потом до 150 километров в час; большие фары «Маршал» пробивали в ночи тоннель чуть меньше, чем на

километр. Бонд чувствовал себя в безопасности.

«Ситроен», он знал, мог поехать только этой дорогой. Бонд слышал его мотор, когда ехал через город, и видел пыль, еще не успевшую осесть на виражах. С минуты на минуту он надеялся увидеть его задние огни. Ночь была спокойной и ясной. Только на выходе в открытое море, должно быть, из-за жаркой погоды стоял небольшой туман, оттуда доносились завывания сирен.

Бонд проклинал Веспер, а заодно и М., пославшего ее в Руаяль-лез-О. Случилось именно то, чего он опасался. Эти женщины возомнили, что они могут делать мужскую работу! Какого черта они не сидят дома и не занимаются своими кастрюлями, платьями; сплетничали бы себе, а мужьям оставили их мужские дела!

И надо же было этому случиться именно тогда, когда все шло к блестящей развязке! Из-за дешевой фальшивки за Веспер теперь, как за какую-то красавицу из комиксов, будут требовать выкуп!

Бонд кипел от злости, обдумывая ситуацию, в которой оказался.

Конечно, теперь начнутся торги! Веспер в обмен на чек в сорок миллионов! Но он не собирается играть в эти игры! Она не первый год в Секретной службе и знала, на что шла! Бонд не стал бы

обсуждать с М. этот вопрос. Работа прежде всего. Красивая девушка, да, но он не попадется на эту удочку. Это не игра. Он постарается догнать «ситроен» и будет стрелять, и, если зацепит Веспер, будет жалко, и все. Он поступит так, как должен поступить, попытается вытащить ее, пока они еще не спрятали ее в надежном месте. Не догонит — вернется в отель и просто ляжет спать. Завтра утром покажет Матису записку и попросит его выяснить, что с Веспер случилось. Если Намбер выйдет на Бонда и предложит обменять ее на деньги, он ничего не станет предпринимать и никому об этом не сообщит. Мисс Линд получит только то, что заслужила. Если проговорится посыльный из клуба, Бонд заявит, что это была мелкая ссора на личной почве.

Бонд со злостью отгонял от себя эти мысли, несясь вдоль берега моря, машинально закладывая виражи так, чтобы не задеть какого-нибудь возницу или велосипедиста, едущего в этот ранний час на рынок в Руаяль-лез-О. Но прямой турбонаддув подхлестывал лошадиные силы, и мотор ныл на одной высокой ноте. Бонд довел скорость до 180 километров в час, стрелка спидометра приблизилась к отметке 200...

Он чувствовал, что догонит их. С таким грузом

даже на этой дороге «ситроен» не мог выдать больше 145 километров в час. Бонд сбросил скорость до 115, выключил дальние фары и включил противотуманные. Теперь, когда ему не мешал резкий свет, он ясно увидел в двух-трех километрах впереди отблеск другой машины.

Бонд нащупал под приборным щитком армейский длинноствольный кольт «спешл» 45-го калибра и положил его рядом с собой на сиденье. С таким оружием он мог надеяться, если позволит рельеф дороги, прострелить колесо или бак со ста метров.

Он снова включил дальний свет и прибавил скорость.

В «ситроене» трое мужчин и Веспер. За рулем, подавшись грузным телом вперед, сидел Намбер. Рядом — коренастый «корсиканец». Левой рукой он сжимал рычаг, торчащий между передними сиденьями и похожий на тот, с помощью которого регулируется сиденье водителя.

Сзади, откинув голову и глядя куда-то вверх, сидел второй телохранитель Намбера, длинный и худой. Он, похоже не обращал ни малейшего внимания на спидометр. Правой рукой он медленно поглаживал обнаженное бедро лежащей рядом Веспер.

Ее длинное бархатное платье было задрано вверх и перехвачено веревкой над головой. Чтобы она не задохнулась в этом мешке, на уровне лица была прорезана маленькая дырка. Веспер не двигалась.

Намбер то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, следя за приближающимися фарами «бентли». Гончая была уже не более чем в километре, но он был спокоен и даже сбавил скорость до ста километров в час. На вираже он замедлил ход еще больше. Через несколько сот метров дорожный знак показал приближающееся пересечение с второстепенной дорогой.

— Внимание! — громко сказал Намбер «корсиканцу».

Тот крепче сжал рычаг. За сто метров до перекрестка скорость машины упала до пятидесяти километров в час. В зеркало Намбер видел, как фары «бентли» осветили вираж.

— Давай!

«Корсиканец» резко рванул рычаг. Багажник «ситроена» хищно распахнулся. На дороге что-то зазвенело, потом послышался ровный скрежет, как будто за машиной тянулась длинная цепь.

— Хватит!

«Корсиканец» опустил рычаг. Скрежет пре-

кратился.

«Бентли» был уже на вираже. Намбер резко развернул «ситроен» на месте и, выключив подфарник, свернул налево на узкую грунтовую дорогу.

Здесь «ситроен» затормозил. Трое его пассажиров тут же выскочили из машины и, прячась за невысоким кустарником, побежали к перекрестку, уже освещенному фарами «бентли». Все трое были вооружены пистолетами, длинный, кроме пистолета в правой руке, держал круглый черный предмет.

«Бентли» с воем, как экспресс, летел на них.

16. Снова вместе

Когда Бонд заложил вираж, всем телом помогая длинной машине плавно пройти опасный участок, он обдумывал план своих действий на момент, когда расстояние между двумя машинами значительно сократится.

Он был уверен, что противник попытается, если представится возможность, уйти на какую-нибудь боковую дорогу. Выйдя из виража и не увидев только что мелькавшие впереди габаритные огни, он инстинктивно сбросил газ. Заметив указатель, он приготовился к повороту.

Стрелка спидометра показывала не больше ста километров, когда Бонд проскочил мимо черного пятна на правой обочине, пятна, которое он принял за тень отстоявшего неподалеку дерева. Впрочем, даже если бы он сразу понял, что там стоит «ситроен», он бы не успел ничего предпринять. В ту же секунду под правым крылом блеснула сталью дорожка острых шипов.

Бонд машинально нажал на тормоза и изо всех сил вцепился в руль, стараясь выправить резкий занос влево, но лишь на долю секунды сумел

выровнять машину. С обоих правых колес мгновенно сорвало покрышки, и тяжелую машину со скрежетом развернуло поперек дороги, швырнуло боком влево на насыпь и снова вынесло на шоссе; передние колеса медленно оторвались от асфальта, все еще святящиеся фары нацелились в небо, машина на миг замерла, как испуганный богомол, и рухнула, сминая кузов и дробя стекла.

В наступившей звенящей тишине, такой, что всем свидетелям этой сцены показалось, что они оглохли, чуть слышно шуршало, крутясь, переднее левое колесо.

Выйдя из укрытия, Намбер и его люди остановились в нескольких метрах от «бентли».

— Оставьте оружие и идите вытащите его, — приказал он. — Я вас прикрою. И поосторожнее с ним. Мне не нужен труп. Шевелитесь, скоро рассвет.

Громилы засуетились. Они опустились на колени, один из них достал длинный нож, вспорол край брезентовой крыши «бентли» и схватил Бонда, который был без сознания и не шевелился, за плечи. Второй протиснулся между насыпью и машиной и через разбитый ветровик высвободил ноги Бонда, зажатые между рулем и крышей. Понемногу им удалось вытащить его наружу. Они

были мокры от пота, все в масле и пыли, когда опустили Бонда на асфальт.

Худой приложил руку Бонду к груди, потом несколько раз хлестнул его по щекам. Бонд застонал и пошевелил рукой. Худой дал еще одну пощечину.

— Хватит, — сказал Намбер. — Свяжите ему руки и несите в машину. Держи, — он кинул кусок электрического провода. — Но сначала посмотри его карманы и поищи пушку. Наверняка она у него не одна, но с этим мы разберемся потом.

Намбер взял предметы, которые ему протянул телохранитель, не глядя, сунул их, так же как и «беретту» Бонда, в карман и вернулся к машине. Его лицо не выражало ни удовлетворения, ни даже оживления.

В чувство Бонда привела боль в связанных запястьях. В ту же секунду он почувствовал такую же боль во всем теле, будто его избили палками. Его поставили на ноги и подтолкнули к стоящему на грунтовой дороге «ситроену» с работающим мотором.

«Кажется, без переломов», — подумал он, но пытаться бежать был не в состоянии и дал усадить себя на заднее сиденье. Его воля была столь же слаба, сколь и тело. Слишком много испытаний

за одни сутки, и этот последний удар, кажется, мог стать решающим. На сей раз чудес уже не будет. Никто не знал, где он, и никто до утра не заметит его исчезновения. Изуродованную «бентли», быть может, скоро кто-нибудь увидит, но потребуется несколько часов, чтобы выяснить, кто ее владелец.

А что Веспер? Он посмотрел направо, где за длинным телохранителем, вновь, кажется, задремавшим, в углу лежала та, из-за которой все так обернулось. Первой его реакцией было презрение. Так по-идиотски подставиться. И это платье на голове, глупее не придумаешь. Но понемногу злость прошла. Ее голые коленки торчали по-детски беззащитно...

— Веспер, — позвал он тихо.

Она молчала и не двигалась. Внутри у Бонда все похолодело, но тут она слегка пошевелилась.

В ту же секунду худой с силой ударил его кулаком в грудь.

— Молчать!

Бонд согнулся и от боли и чтобы защитить сердце, но получил новый удар в затылок, заставивший его откинуться назад. У него перехватило дыхание. Удар был нанесен ребром ладони с силой и уверенностью профессионала. Было что-то

жуткое а его точности и кажущейся простоте. Громила вновь полулежал, закрыв глаза. Жесткое каменное лицо. Бонд надеялся, что ему представится случай убить этого человека.

Внезапно машину тряхнуло, и сзади открылся багажник. «Корсиканец» принес с дороги металлическую ленту, утыканную шипами. Нечто подобное бойцы французского Сопротивления во время войны использовали против машин немцев.

Бонд вновь подумал о том, насколько серьезно подготовились его противники. Неужели М. недооценивал их возможности? Впрочем, слишком легко было обвинять Лондон в провале операции. Там обязаны были знать, должны были по косвенным сведениям предусмотреть, принять меры предосторожности! Мысль о том, что, пока он устраивал себе праздник с шампанским в «Галантном короле», противник готовил контрудар, была для него невыносимой пыткой. Он проклинал себя за то, что поверил, будто сражение выиграно и враг бежит.

Все это время Намбер молчал. Как только багажник закрылся и «корсиканец», которого Бонд сразу узнал, плюхнулся на сиденье рядом с водителем, «ситроен» вырулил на шоссе и, быстро

набрав скорость, помчался вдоль моря.

Начало светать; было, как прикинул Бонд, около пяти утра. Он понял, что через пару километров они свернут в сторону виллы Намбера. Он должен был сразу догадаться, что именно туда они и везли Веспер. Теперь ему было совершенно ясно, что она была нужна им не как заложница, а как приманка. Дело принимало крайне неприятный оборот. По спине у Бонда пробежал холодок.

Через десять минут «ситроен» круто свернул влево на узкую, почти заросшую травой дорогу, проехал метров сто и мимо колонн с отваливающейся штукатуркой под мрамор въехал на неухоженный двор, обнесенный высокими стенами. Машина остановилась перед белой, с облупившейся краской дверью, на которой повыше звонка была прибита деревянная табличка в рамке. Маленькими серебристыми буквами на ней было написано: «Вилла „Полуночники“. Просьба звонить».

Судя по деталям цементного фасада, какие смог увидеть Бонд, это была типичная для побережья вилла, из тех, которые приводят в порядок в последний момент. Горничная, нанятая местным курортным агентом, наспех проветривает комнаты перед приездом снявшей виллу на лето семьи.

Раз в пять лет по стенам в комнатах и по деревянным балкам фасада проходятся кистью маляры, и несколько недель вилла выглядит привлекательно. Затем за дело принимаются зимние ливни, на полу появляются дохлые мухи, и она вновь обретает свой подлинный вид заброшенного дома.

Но все это, понимал Бонд, было Намберу на руку. Ни одного дома в округе. Ближайшая одинокая ферма, которую Бонд обнаружил вчера во время своей вылазки, была в нескольких километрах к югу.

Когда худой ударами локтя под ребра вытолкнул Бонда из машины, внутренне тот был уже готов к тому, что Намбер будет творить с ним и Веспер все, что захочет, по крайней мере несколько часов не опасаясь, что его побеспокоят. Холодок вновь побежал у него по спине.

Намбер отпер дверь и исчез в доме. Веспер, унизительно выглядящую при свете раннего утра, втолкнули за ним следом под аккомпанемент фривольных рассуждений на французском того из громил, которого Бонд называл про себя «корсиканцем». Бонд вошел сам, стараясь не давать худому повода его торопить.

Входную дверь заперли на ключ. Намбер стоял в проходе, ведущем в комнату справа. Он нацелил

на Бонда скрюченный палец, похожий на паучью лапку, молча повелевая подойти.

Веспер повели по коридору в дальнюю комнату. Бонд принял мгновенное решение.

Резко повернувшись, он ударил ногой худого в берцовую кость. Громила вскрикнул от боли. Бонд бросился по коридору, догоняя Веспер. Поскольку свободны у него были только ноги, он не строил никакого точного плана кроме того, чтобы как можно сильнее изуродовать обоих телохранителей и попытаться обменяться хотя бы парой слов с Веспер. Рассчитывать на большее не приходилось. Он хотел только успеть сказать ей, чтобы она не сдавалась.

Когда изумленный «корсиканец» повернулся. Бонд был уже рядом. Он выбросил вперед правую ногу, целя в пах.

С быстротой молнии «корсиканец» прижался к стене, и, когда нога Бонда скользнула у него по бедру, быстро и даже ласково перехватил ее, сжал ступню и резко вывернул.

Бонд полностью потерял равновесие, вторая его нога оторвалась от пола, он перевернулся в воздухе и, ударившись о стену, упал поперек коридора.

Минуту он лежал неподвижно. Худой поднял

его за воротник и прислонил к стене. В руке он держал пистолет и смотрел Бонду в глаза. Это был взгляд инквизитора. Не спеша худой размахнулся и со страшной силой ударил Бонда стволом пистолета в пах. Бонд застонал и рухнул на колени.

— В следующий раз займусь твоими зубами, — сказал худой на плохом французском. Хлопнула дверь. Веспер и «корсиканец» исчезли. Бонд с трудом повернул голову вправо." Намбер стоял в начале коридора. Он вновь поднял свой скрюченный палец и впервые заговорил:

— Пойдемте, мой друг. Мы теряем время.

Он говорил по-английски без акцента. У него был низкий тихий голос. Говорил он медленно и совершенно спокойно. Так врач приглашает в кабинет из комнаты ожидания очень нервного пациента, только что довольно резко выговорившего санитарке.

И вновь Бонд почувствовал себя слабым и беспомощным. Только мастер дзюдо мог обработать его так, как «корсиканец» — без лишних движений и усилий. Хладнокровие, с каким худой вернул ему его удар, столь же неторопливо, как его коллега, было почти красиво.

Бонд покорно пошел по коридору. Результат его неудачной попытки оказать сопротивление

свелся к нескольким новым кровоподтекам.

Проходя в комнату мимо худого, он чувствовал себя целиком и полностью во власти противника.

17. «Мой мальчик»

Комната была просторная и голая, меблированная. Убого и дешево. Трудно было сказать, гостиная это или столовая, поскольку качающийся буфет со стоящим на нем зеркалом, многократно склеенной вазой и двумя крашеными деревянными подсвечниками, занимая большую часть стены напротив двери, соседствовал со стоящей у другой стены розовой выцветшей софой.

Под лепной розеткой в центре потолка не было стола; там лежал грязный квадратный ковер с геометрическим орнаментом.

У окна стояло нелепое, больше похожее на трон кресло резного темного дерева с красной бархатной обивкой. Перед ним — низкий столик с пустым графином и двумя стаканами, а рядом — маленькое кресло с круглым плетеным сиденьем.

Шелковые шторы наполовину закрывали окно, но пропускали лучи утреннего солнца, падавшие на ковер и яркие обои. Намбер указал на плетеное кресло.

— Оно подойдет как нельзя лучше, — сказал

он, обращаясь к худому. — Приготовь все, если будет сопротивляться, сделай ему больно, но не слишком.

Он повернулся к Бонду. Широкое лицо ничего не выражало, круглые глаза казались совершенно безразличными ко всему происходящему.

— Раздевайтесь. Будете упрямствовать, Безил сломает вам палец. Мы люди серьезные, и ваше здоровье нас не интересует. Ваша жизнь или смерть зависит от того, как пойдет беседа.

Он подал знак громиле и вышел из комнаты.

Худой делал что-то непонятное. Он открыл нож, которым недавно резал брезент «бентли», схватил кресло и вырезал плетенку из сиденья. Сунув открытый нож, как авторучку, в нагрудный карман, он подошел к Бонду. Подтолкнув его в полосу света, он перерезал ему провод на запястьях и отскочил в сторону. Нож снова был у него в руке.

— Быстрей.

Бонд медлил, растирая затекшие кисти и прикидывая, сколько времени он сможет выиграть, если не подчинится. Долго размышлять об этом ему не пришлось. Худой сделал шаг в его сторону и, схватив воротник смокинга свободной рукой, сдернул его вниз так, что руки Бонда тут же ока-

зались стянутыми за спиной. Бонд отреагировал классическим способом на эту известную полицейскую хитрость. Он упал на одно колено, но худой, тут же присел вместе с ним и приставил острие ножа ему к спине. Бонд почувствовал, как нож скользнул вдоль позвоночника. Затрещала ткань, руки разом освободились, и смокинг повис двумя половинками у него на локтях.

Он поднялся с колена. Худой уже стоял, вновь поигрывая ножом. Бонд сбросил на пол половинки смокинга.

— Давай! — проговорил худой, демонстрируя нетерпение.

Бонд посмотрел ему в глаза и начал медленно расстегивать рубашку.

В комнату беззвучно вошел Намбер. Он принес кастрюлю, полную жидкости, по запаху похожей на кофе. Поставив ее на столик у окна, он положил рядом еще два предмета сугубо домашнего обихода: колотушку, какой выбивают пыль, метровой длины на гибкой витой ручке, и консервный нож.

Устроившись в кресле-троне, он плеснул немного кофе в один из стаканов, подцепил ногой второе кресло и придвинул его к себе.

Бонд стоял посреди комнаты совершенно го-

лый; на белой коже по всему телу зловеще алели кровоподтеки; по его серому и отрешенному лицу можно было понять: он догадывается, что его ждет.

— Присаживайтесь, — сказал Намбер, кивком показывая на стоящее перед ним кресло без сиденья.

Бонд сделал несколько шагов и сел.

Худой тут же привязал его кисти к ручкам кресла, а ноги — к передним ножкам. Несколько раз пропустив провод у Бонда под мышками, он затянул его за спинкой. Узлы были сделаны профессионально, провод, впившийся в тело, не дал слабины даже на миллиметр. Ножки кресла были широко расставлены, и пытаться сломать их было бесполезно.

Бонд неподвижно сидел, провалившись в дырку в кресле, голый и беспомощный.

Намбер кивнул худому, и тот тихо вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

На столе лежала пачка сигарет «Голуаз» и зажигалка. Намбер закурил, отпил кофе. Затем взял со стола колотушку, пристроил ее ручку у себя на колене, а конец в форме трилистника завел вниз точно под кресло Бонда. Он заботливо, почти ласково заглянул своему пленнику в глаза и с силой

взмахнул колотушкой. Удар был чудовищный. Тело Бонда пронзила парализующая боль.

Лицо исказилось в немом крике, рот открылся. Голова запрокинулась назад, вздувшиеся мышцы на шее, казалось, сейчас лопнут. На мгновение судорога сдавила все его мускулы, пальцы сжались в кулаки и побелели. Затем судорога отпустила, тело обмякло, и по лицу покатился пот. Бонд глухо застонал.

Намбер терпеливо подождал, когда он откроет глаза.

— Вы поняли, мой мальчик? — Он нежно улыбнулся. — Ситуация теперь ясна?

Капля пота упала с подбородка Бонда и поползла по груди.

— Перейдем к делу и посмотрим, как быстро вы сможете выбраться из положения, в которое сами себя поставили.

Он с наслаждением затянулся сигаретой и постучал колотушкой по полу.

— Мой мальчик, — произнес Намбер отеческим тоном, — теперь не играют в индейцев: все кончено, вообще все... К несчастью для вас, вы ввязались в игру для взрослых и, наверное, уже поняли это. Вам еще рано играть в эти игры, мой мальчик, и ваша няня из Лондона не подумала,

посылая вас сюда с вашей лопаткой и ведерком для песка. Увы, не подумала. Забавы кончились, мой мальчик, хотя я уверен, вы бы хотели послушать продолжение моей нравоучительной сказочки.

Он резко сменил тон и спросил, с ненавистью глядя на Бонда:

— Где деньги?

В покрасневших глазах Бонда сквозила пустота.

Вновь взмах колотушки, и Бонд вновь изогнулся от боли.

Намбер подождал, пока Бонд придет в себя и приоткроет глаза.

— Наверное, я должен вам объяснить, — сказал Намбер. — Я намерен продолжать причинять боль наиболее чувствительным частям вашего тела до тех пор, пока вы не ответите на мой вопрос. Я не знаю, что такое жалость, поэтому передышек у вас не будет. На помощь вам в последнюю минуту никто уже не придет, а бежать отсюда невозможно. Это не романтическое приключение, в котором злодей в конце концов будет побежден, герой получит награду и женится на красавице. Увы, в жизни так не бывает. Если вы будете упорствовать, вас будут пытать до тех пер,

пока вы не окажетесь на грани безумия, затем мы приведем сюда вашу красавицу и займемся ею в вашем присутствии. Если и этого будет мало, вас обоих убьют самым мучительным способом. Я с сожалением распрощаюсь с вашими трупами и отбуду за границу, где меня ждет симпатичный домик. Займусь каким-нибудь полезным и доходным делом и буду жить до глубокой старости со своей семьей, которой непременно обзаведусь. Вот видите, мой мальчик, я ничем не рискую. Отдадите деньги — прекрасно. А нет — тоже ничего.

Он умолк на секунду и слегка приподнял над коленом орудие пытки. Бонд сжался, почувствовав, как колотушка коснулась тела.

— Что касается вас, то надежда только на то, что я избавлю вас от новых страданий и оставлю в живых. Только на это, ни на что больше.

Бонд закрыл глаза, ожидая удара. Он знал, что в пытке самое худшее именно начало. Это как агония. Нарастающее до максимума крещендо. Потом нервы все слабее и слабее откликаются на боль, затем беспамятство и смерть. Единственной надеждой было быстрее достичь этого максимума боли, уповая на то, что силы воли хватит дождаться желанного мига. А там можно

отпустить тормоза и катиться под гору.

Коллеги, которые побывали под пытками немцев и японцев и выжили, говорили ему, что под конец наступает момент приятной апатии и почти физиологического наслаждения, когда боль оборачивается удовольствием, а ненависть и страх перед мучителями уступает место мазохистской сосредоточенности. Высшее проявление силы воли, какому говорили, — скрыть в тот момент признаки этого состояния. Если палач поймет, что с вами происходит, он либо немедленно убивает, либо оставляет вас на время в покое, чтобы нервы заработали вновь. И потом продолжает.

Бонд на секунду открыл глаза.

Намбер ждал именно этого мига. Словно гремучая змея прыгнула вверх. Намбер бил и бил. Бонд закричал и потом, как брошенная марионетка, обмяк в кресле.

Намбер бил до тех пор, пока не заметил, что реакция Бонда на удары стала слабеть. Тогда он присел на свой трон, налил себе еще кофе и чуть поморщился, как хирург, бросивший во время сложной операции взгляд на электрокардиограф.

Когда веки у Бонда дрогнули и он открыл глаза,

Намбер вновь заговорил, но теперь с чуть заметным нетерпением.

— Мы знаем, что деньги где-то в вашем номере, — сказал он. — Вы получили чек на предъявителя на сорок миллионов франков и поднялись к себе, чтобы его спрятать.

Удивительно, отметил вдруг Бонд, что он так во всем уверен.

— Как только вы отправились в ночной клуб, четверо моих людей обыскали вашу комнату.

«Должно быть, Мюнцы помогали», — подумал Бонд.

— Мы нашли много разных вещей в ваших наивных тайниках. Поплавок в смывном бачке подарил нам интересный листочек с кодом. Были и другие бумажки, приклеенные снизу к ящику стола. Мы разобрали по досочкам всю мебель, а вашу одежду, шторы, простыни аккуратно нарезали мелкими кусочками. Каждый сантиметр в номере был прощупан, каждая розетка развинчена. И очень жалко, что нам не удалось найти чек. Иначе вы бы сейчас спокойно спали в своей постели, может быть, с симпатичной мисс Линд, а не сидели бы здесь. — И он снова ударил Бонда колотушкой.

Сквозь кровавый туман накатившей боли Бонд

подумал о Веспер. Можно было представить, что с ней вытворяли те двое. Бонд вспомнил толстые слюнявые губы «корсиканца», методическую жестокость худого. Бедное создание, попавшее в этот капкан! Бедная зверушка!

Намбер вновь заговорил.

— Пытка — ужасная вещь, — начал он, закурив новую сигарету, — но для исполнителя — совсем не сложная, особенно, если пациент, — тут он улыбнулся, — мужчина. Вы видите, дорогой Бонд, с мужчиной нет никакой нужды терять время на реверансы. С помощью этого простого инструмента или любого другого подходящего предмета мужчине можно причинить сколько угодно или сколько нужно боли. Не верьте тому, что вы читали в романах или мемуарах про войну. Результат этой процедуры не только мгновенная агония от боли, но и постоянная мысль о том, что в конце концов, если вы не уступаете, то перестаете быть мужчиной. И эта мысль, дорогой Бонд, печальна и страшна. Словом, непрерывная цепь страданий не только тела, но и души. А в конце — тот миг, когда вы закричите, моля, чтобы я вас убил. Все это неизбежно, по крайней мере, если вы не скажете мне, где спрятан чек.

Он налил себе немного кофе и неторопливо

выпил его. В уголках губ остались коричневые следы от стакана.

Бонд с трудом разжал зубы. Во рту пересохло. Он хотел сказать: «Пить», но выдавил из себя только страшный хрип. Распухшим языком он облизал потрескавшиеся губы.

— Ну разумеется, мой мальчик! Как я забыл!

Намбер наполнил кофе второй стакан. На полу вокруг кресла Бонда образовалось кольцо из капель пота.

— Нужно, чтобы голос вернулся.

Намбер положил колотушку на пол и встал. Подойдя к Бонду сзади, он собрал в кулак прядь его мокрых от пота волос и, резко дернув, откинул ему голову назад. Чтобы Бонд не захлебнулся, он вливал ему в горло кофе понемногу. Потом отпустил волосы, и голова Бонда упала на грудь. Намбер вернулся на свое место и взял в руки колотушку.

Бонд приподнял голову, захрипел и медленно проговорил:

— Деньги... вы ничего не сможете с ними сделать... Вас найдет полиция.

Эта фраза отняла у него много сил, и он вновь уронил голову на грудь. Он играл, но лишь немного. Он действительно был очень слаб. Ему нужно

было выиграть время.

— Да, мой мальчик, забыл вам сказать! — хищно улыбнулся Намбер. — После нашей партии мы с вами снова встретились в казино. Вы были настолько благородны, что согласились сыграть со мной еще раз. Красивый жест настоящего британского джентльмена. К несчастью, вы проиграли, и это вас так расстроило, что вы решили немедленно уехать из Руаяль-лез-О в неизвестном направлении. Как джентльмен, вы имели честь вручить мне письмо, в котором изложили ситуацию таким образом, что мне будет исключительно просто получить по чеку ваши деньги. Видите, мой мальчик, мы все предусмотрели, и вам не стоит беспокоиться обо мне. — Намбер тихо засмеялся. — Продолжим? Я никуда не тороплюсь, и мне интересно посмотреть, сколько времени мужчина может выдерживать подобный вид побуждения к действию...

Он ударил колотушкой по полу.

Стало быть, приближается развязка, понял Бонд, чувствуя, как замерло у него сердце. «В неизвестном направлении» — это под землю, в море или, может быть, просто под разбитую «бентли». Но если ему так или иначе предстоит умереть... Не было никакой надежды, что Матис или Лейтер

смогут вовремя оказаться здесь, но шанс, что они успеют поймать Намбера до того, как он уйдет за границу, был. Если сейчас около семи часов, то, вероятно, машину уже обнаружили. Нужно было выбирать из двух зол, но чем дольше Намбер будет его пытать, тем больше шансов, что расплата все-таки придет.

Бонд видел глаза Намбера, красные, в прожилках лопнувших сосудов; в них, как смородины в крови, плавали зрачки. Лицо Намбера было желтого цвета, полное, с коркой черной щетины; из-за расползавшихся вверх следов кофе в углах губ оно казалось улыбающимся; свет из-за штор ложился на него яркими полосами.

— Нет, — ясно произнес Бонд, — вы...

Намбер выругался и неистово заработал колотушкой. Время от времени он рычал, как дикий зверь.

Через десять минут Бонд с наслаждением потерял сознание.

Намбер вытер пот с лица, посмотрел на часы и задумался.

Он поднялся со своего трона и подошел к Бонду сзади. Лицо Бонда и верхняя часть тела были белыми как мел. Только легкое подрагивание кожи на левой стороне груди говорило, что он

еще жив.

Намбер схватил Бонда за уши и с силой крутанул. Потом наклонился и стал бить его по щекам. Голова Бонда перекатывалась по груди из стороны в сторону. Постепенно дыхание стало глубже. Нечленораздельный звук вырвался из открытого рта. Намбер схватил стакан с кофе, немного влил в рот Бонда, остальное плеснул ему в лицо. Веки Бонда дрогнули.

Намбер сел на свой трон и примялся ждать. Он курил и смотрел, как кровь капает на пол и собирается в лужицу под креслом.

Бонд застонал. Это был нечеловеческий стон. Он открыл глаза и тупо посмотрел на своего мучителя.

Намбер оживился.

— Вот и все, Бонд. Теперь мы будем вас убивать. Вы понимаете?.. Не убьем, а будем убивать. Потом приведут вашу подругу, и мы посмотрим, можно ли что-нибудь вытянуть из того, что от вас обоих останется.

Он протянул руку к столу. И тут кто-то негромко произнес:

— Пожелай ему что-нибудь на прощание, Бонд.

18. Ангел смерти

Странно было слышать незнакомый голос, приглашавший к не менее страшному диалогу на фоне пытки. Ослабевший Бонд с трудом уловил смысл. Внезапно он сказался посередине между явью и забытьем. Он понял, что может снова видеть и слышать. После этих слов, произнесенных спокойным голосом кем-то, стоящим в дверях комнаты, воцарилась тишина, и Бонд ее слышал. Он увидел, как медленно полз вверх взгляд Намбера и как на его лице выражение недоумения, а затем нескрываемого изумления постепенно сменилось гримасой ужаса.

— Не двигаться! — все так же спокойно сказал голос.

Бонд услышал за спиной медленные шаги.

— Бросьте эту штуку! — скомандовал голос.

Бонд видел, как Намбер послушно уронил на пол консервный нож.

По лицу Намбера Бонд отчаянно пытался понять, что происходит сейчас у него за спиной, но единственное, что видел, был страх. Намбер открыл рот, хотел что-то сказать, но только коротко

и тонко вскрикнул. Его толстые щеки задрожали, как будто он хотел и не мог о чем-то спросить. Руки суетливо задвигались на коленях. Правая дернулась к карману, но тут же вновь легла на колено. На долю секунды Намбер опустил глаза. Бонд понял, что он вооружен.

Стало тихо.

— СМЕРШ.

Слово было произнесено медленно, так, как будто ничего другого и не могло быть сказано в этот момент. Вот оно, последнее объяснение. Последнее слово.

— Нет, — выдавил из себя Намбер, — я... — Голос его осекся.

Должно быть, он хотел что-то объяснить, молить о пощаде, но по лицу того, кто стоял за спиной у Бонда, понял, что это бессмысленно.

— Оба ваших человека уже трупы. Вы идиот, вор и предатель. Я послан из Советского Союза, чтобы вас убрать.

Голос смолк. В тишине отчетливо слышалось прерывистое дыхание Намбера.

За окном запела птица, послышались другие звуки просыпающейся природы. Свет за шторой стал ярче и на лице Намбера заблестел пот.

— Вы признаете себя виновным?

Бонд старался не потерять сознания. Он хотел тряхнуть головой, но шея онемела, не смог он и перевести взгляд, глазные мышцы не повиновались. Он видел перед собой бледное лицо с вытаращенными глазами. Струйка слюны выползла из открытого рта напротив и повисла на подбородке.

— Да, — прошептал Намбер.

Послышался тихий хлопок, как будто лопнул пузырек воздуха в выдавливаемой из тюбика зубной пасте, и внезапно на лице Намбера появился еще один глаз в том месте, где лоб переходил в мясистый нос. Маленький черный глаз без ресниц.

Секунду все три глаза смотрели перед собой, затем лицо Намбера дернулось и поползло куда-то вбок. Зрачки тех глаз, которые даны человеку от природы, закатились под веки. Сначала тяжелая голова свесилась набок, затем и все тело сместилось вправо, будто Намбер внезапно почувствовал себя очень плохо. Еще секунду было слышно, как скребут об пол каблуки. Наконец, Намбер затих на своем троне.

Позади Бонда послышался шорох. Чья-то рука сжала его подбородок и закинула его голову назад. Бонд увидел блестящие глаза на лице, закрытом черной маской, низко надвинутую

шляпу и поднятый воротник плаща.

Больше он ничего не увидел. Голова его вновь упала на грудь.

— Тебе повезло, — произнес голос. — У меня нет приказа тебя убивать. Но ты можешь подтвердить своим, что СМЕРШ оставляет в живых только случайно или по ошибке. Сначала тебя спас случай, а второй раз — ошибка, потому что я не получил приказ убивать всех агентов, которые крутятся вокруг этого предателя, как мухи вокруг собачьей кучи. Но я оставлю тебе кое-что на память. Ты — игрок. Может быть, ты еще будешь играть против кого-нибудь из нас. Тебя смогут сразу узнать.

Послышался щелчок открывшегося ножа. Бонд увидел большую волосатую руку, грязную манжету, серую ткань плаща. Пальцы руки, как авторучку, сжимали узкое лезвие ножа. Оно застыло над привязанной к креслу рукой Бонда. Острие трижды быстро рассекло тыльную сторону ладони. Четвертый надрез пересек линии у самых пальцев. Выступившая кровь образовала букву m и струйкой потекла вниз на пол. Бонд вновь потерял сознание.

Шаги неспешно удалились. Тихо закрылась дверь. Звуки начинающегося дня проникли в

комнату из-за закрытых окон.

19. Последний кошмар

Когда вам снится, будто вам что-то снится, значит вы просыпаетесь. Два следующих дня Бонд пребывал в этом состоянии постоянно, не приходя в сознание.

Он наблюдал за тем, как сменяются его сны, не делая ни малейшего усилия, чтобы как-то изменить их ход; между тем многие из его снов были жуткими и все без исключения мучительными. Он знал, что лежит на кровати лицом вверх, что он не может пошевелиться; в одно из тех мгновений, когда к нему частично возвращалось сознание, ему казалось, что вокруг него люди Но он даже не попытался открыть глаза и вернуться к реальности.

Он чувствовал себя в большей безопасности в забытьи и цеплялся за него.

На рассвете третьего дня его разбудил кровавый кошмар; дрожа и обливаясь холодным потом, он проснулся, почувствовав чью-то ладонь у себя на лбу. Он хотел сбросить эту ладонь, попытался поднять руку, но не смог. Его руки, тело были привязаны к кровати, прямоугольная конструкция

из белой материи, похожая на гроб, укрывала его от груди до ног. Бонд прокричал целую обойму ругательств, но силы ему изменили, и последние слова были чуть слышны. Слезы отчаяния и жалости к себе катились у него из глаз.

Он слышал женский голос и постепенно стал разбирать слова. Голос был приятный. Бонду казалось, что он успокаивает, что это голос друга. И все же он не верил. Он был уверен, что находится по-прежнему в плену, что с минуты на минуту пытка возобновится. Он ощутил бережное прикосновение прохладной, пахнувшей лавандой салфетки к лицу, и вновь погрузился в свой сон.

Когда несколько часов спустя он открыл глаза, то уже не помнил, что ему снилось. Он чувствовал себя ожившим и очень слабым. Комната была наполнена солнечным светом, из открытого окна доносился шелест листьев. Было слышно издалека, как волны разбиваются о берег. Бонд пошевелил головой и услышал шуршание юбки; медицинская сестра, сидевшая у изголовья кровати, встала и подошла к нему так, чтобы он ее видел. Она была красивой. Она улыбнулась Бонду и посчитала ему пульс.

— Ну вот, я рада, что вы наконец очнулись. В жизни не слышала такой ругани.

— Где я? — спросил Бонд, улыбнувшись ей в ответ. Он был удивлен, что голос у него твердый и ясный.

— Вы в клинике Руаяль-лез-О, а меня направили сюда из Англии, чтобы я за вами ухаживала. Я здесь с одним из моих коллег. Моя фамилия Гибсон. А теперь полежите спокойно. Я пойду скажу доктору, что вы пришли в себя. Вы были без сознания с тех пор, как вас доставили сюда, и мы все очень тревожились.

Бонд закрыл глаза и мысленно ощупал свое тело. Сильнее всего болели запястья, щиколотки и располосованная ножом правая рука. Середину тела он не чувствовал, должно быть ему сделали местную анестезию. В остальных местах все ныло. Повязки сдавливали ноги, грудь, шею. Когда он поворачивал голову, подбородок скреб щетиной по наволочке подушки. Судя по всему, он не брился дня три, значит, с того утра, когда его пытали, прошло два дня.

Он обдумывал несколько коротких вопросов, когда дверь открылась и в комнату в сопровождении медсестры вошел врач. За их головами мелькнуло знакомое лицо Матиса; хотя он и широко улыбался, видно было, что он встревожен. Матис приложил палец к губам, на цыпочках

прошел к окну и сел на подоконник.

Врач был француз с молодым умным лицом. Второе бюро откомандировало его для лечения Бонда. Он подошел к Бонду, пощупал ему лоб, глядя в температурный график, висящий на спинке кровати. Заговорив, он сразу перешел к делу.

— У вас к нам много вопросов, дорогой господин Бонд, — сказал он на прекрасном английском, — и на большинство из них я могу ответить. Не хочу, чтобы вы тратили силы, поэтому сам изложу вам основные факты. Затем вы сможете несколько минут поговорить с Матисом, который жаждет уточнить у вас одну или две детали. Честно говоря, немного преждевременно устраивать такие беседы, но я хочу, чтобы ваша душа была спокойна. Чтобы ваше моральное состояние не мешало нам заниматься вашим здоровьем.

Медсестра пододвинула врачу стул и вышла.

— Вы здесь уже два дня, — продолжил он. — Вашу машину обнаружил фермер, ехавший на рынок в Руаяль, он позвонил в полицию. Через некоторое время, когда Матису сообщили, что машина принадлежит вам, ваш друг со своими людьми немедленно выехал на виллу «Полуночники» и там нашел вас, Намбера и вашу знакомую мисс Линд. Она невредима и, по ее словам, не

подвергалась никаким зверствам. Она была в состоянии шока, но теперь уже все позади. Она в отеле. Непосредственное начальство попросило ее остаться в вашем распоряжении в Руаяль до тех пор, пока вы не сможете вернуться в Англию... Вам, наверное, будет интересно узнать, что оба телохранителя Намбера были убиты выстрелами из пистолета 35-го калибра в затылок. По спокойному выражению их лиц можно предположить, что они не видели и не слышали, как к ним подошел тот, кто стрелял. Их нашли в той же комнате, что и мисс Линд. Намбер был убит выстрелом в переносицу из того же оружия. Вы видели, как его застрелили?

— Да, — кивнул Бонд.

— У вас серьезные повреждения, но жизнь вне опасности, хотя вы и потеряли много крови. Если все пойдет, как я предполагаю, обещаю вам полное выздоровление. Боюсь, что еще несколько дней вам придется пострадать, но я попытаюсь обставить ваши страдания максимальным комфортом. Теперь, когда вы в сознании, вам освободят руки, но вы не должны шевелиться. Медсестра имеет указание по-прежнему привязывать вам руки на ночь. В первую очередь нужно, чтобы вы отдыхали и восстанавливали

силы. Пока у вас все еще состояние сильного физического и психического шока. Сколько времени вас пытали? — спросил он, помолчав.

— Около часа.

— В таком случае позвольте мне поздравить вас с тем, что вы выжили. Немногие мужчины выдержали бы то, что устроили вам. Может быть, вас это порадует. Матис мог бы подтвердить мои слова, мне пришлось лечить несколько человек, с которыми проделали подобную процедуру, и все они выбрались с большими потерями.

Врач еще несколько секунд смотрел на Бонда, потом резко повернулся к Матису.

— У вас десять минут, после чего я силой заставлю вас отсюда выйти. Если у него поднимется температура, будете отвечать.

Он широко улыбнулся и вышел из комнаты. Матис сел на место врача.

— Замечательный тип, — сказал Бонд. — Он мне нравится.

— Он работает у нас, действительно замечательный тип, — кивнул Матис. — Я вам как-нибудь о нем расскажу. Он считает вас феноменальным человеком, и я с ним согласен. Впрочем, все это потом. Как вы догадываетесь, вопросов у меня немало. Меня взгрел Париж, и, естественно,

Лондон, и даже Вашингтон при посредничестве нашего друга Лейтера. Кстати, — попутно заметил Матис, — мне звонил лично М. Попросил передать вам, что он восхищен. Я спросил, что передать еще, и он сказал: «Скажите ему, что казна заметно успокоилась».

Бонд довольно улыбнулся. Приятнее всего было то, что М. сам позвонил Матису. Такого еще не случалось. Существование М., не говоря уже о его настоящем имени, тщательно скрывалось. Так что Бонд мог представить, какие эмоции вызвала вся эта операция в здании, где меры предосторожности возведены в абсолют.

— Высокий и худой человек, у него не хватает одной руки, прилетел из Лондона в тот же день, как вас кашли, — продолжал Матис, зная, что эти подробности более всего заинтересуют Бонда и доставят ему удовольствие. — Он сам подобрал для вас медсестру и вообще всем занимался сам. Контролировал даже, как ремонтируют вашу машину. Этот человек, похоже, патрон Веспер. Он долго беседовал с ней и дал ей четкие инструкции заботиться о вас.

«Начальник центра S, — понял Бонд. — Мне устроили почетную встречу».

— Теперь, — сказал Матис, — о серьезном. Кто

застрелил Намбера?

— СМЕРШ.

Матис тихо присвистнул.

— Боже мой! — в голосе Матиса звучало уважение. — Стало быть, они за ним следили! Опишите-ка этого стрелка.

Бонд коротко объяснил все, что предшествовало смерти Намбера, говоря только о существенном. Это стоило ему больших усилий, и он был рад побыстрее закончить свой рассказ. Вспомнив финальную сцену, он вновь пережил весь тот ужас, лоб у него покрылся потом, тело содрогнулось от боли.

Матис понял, что зашел слишком далеко. Голос Бонда ослаб, глаза затуманились. Матис закрыл блокнот и положил руку Бонду на плечо.

— Простите меня, — сказал он тихо. — Все уже позади, вы в добрых руках. Операция полностью завершена, и завершена замечательно. Мы объявили, что Намбер убил своих сообщников и покончил с собой, чтобы избежать следствия по делу о профсоюзной кассе. Страсбург и восток Франции бурлят. Намбер был там чуть ли не героем и столпом французской компартии. История с борделями и казино сильно тряхнула всю эту организацию. Теперь они носятся, как ошпарен-

ные, не знают, что предпринять. Пока компартия заявила, что этот человек исключен из Центрального Комитета. Но это мало что даст, особенно на фоне недавнего поражения Тореза. В лучшем случае они добьются только того, что выставят своих вождей полными идиотами. Бог знает, как они будут выбираться из этого положения.

Матис заметил, что его энтузиазм произвел должный эффект: глаза Бонда чуть заблестели.

— Последний вопрос, и я ухожу, — сказал Матис, взглянув на часы. — Сейчас на меня напустится доктор. Где чек? Где вы его спрятали? Мы прощупали всю вашу комнату. Его там нет.

— Он там есть, — усмехнулся Бонд, — более или менее там. На каждой двери в отеле есть маленькая черная пластмассовая табличка с номером комнаты. Со стороны коридора, разумеется. Когда в тот вечер Лейтер ушел от меня, я открыл дверь, чуть отвинтил табличку, спрятал туда сложенный чек и завинтил ее. Он по-прежнему там. Я рад, что глупый англичанин смог чему-то научить умного француза.

Матис польщенно улыбнулся.

— Я был вознагражден за труды уже тем, что знал, что не я один там ничего не нашел. Кстати, мы взяли Мюнцев с поличным. Они оказались

мелкой рыбешкой, их наняли по случаю. Но несколько лет тюрьмы мы им обеспечили.

Он поспешно встал, увидев вошедшего в комнату врача.

— Вон! — сказал ему врач. — Вон, и чтобы я вас больше не видел! Матис успел только махнуть Бонду рукой и сказать: «До встречи», как был выпихнут из комнаты. Бонд услышал за дверью настоящую бурю на французском, которая утихала по мере того, как врач и Матис удалялись по коридору. Он откинулся на подушку совершенно без сил, но повеселевший от всего, что узнал. Он поймал себя на мысли о Веспер и тут же погрузился в тревожный сон.

Осталось еще немало вопросов, но они могли подождать.

20. Природа зла

Бонд выздоравливал быстро. Когда Матис навестил его через три дня, он уже сидел на кровати. Нижняя часть туловища все еще была под белым тентом, но, несмотря ни на что, Бонд пребывал в хорошем настроении; лишь изредка болезненные ощущения заставляли его морщиться. Матис же был мрачен.

— Вот ваш чек, — сказал он Бонду. — Мне было лестно прогуляться с сорока миллионами в кармане, но вы еще должны поставить на нем передаточную подпись, чтобы я мог положить деньги на ваш счет в «Креди Лионэ»... Никаких следов вашего знакомого из СМЕРШ, ни одного. На виллу он, очевидно, прибыл пешком или на велосипеде, поскольку ни вы, ни телохранители ничего не слышали. Отчаянная ситуация. Об этом человеке в Лондоне тоже ничего. Вашингтон сообщил, что у него кое-что есть, но оказалось, все это обычные фантазии эмигрантов. Приблизительно то же самое порасскажут вам на улице англичане про Секретную службу, а французы — про Второе бюро.

— Он, по всей вероятности, добирался в Европу через Варшаву и Берлин, — сказал Бонд. — От Берлина идет множество открытых дорог. Сейчас он, должно быть, уже в Ленинграде и получает разнос за то, что заодно не убрал и меня. Думаю, что после двух операций, которые М. мне поручил в конце войны, у них на меня пухлое досье. Этот парень посчитал, что с меня хватит и той буковки, которую вывел мне на руке.

— Кстати, что это? — спросил Матис. — Врач мне сказал, что порезы сделаны в форме перевернутой буквы m. Зачем эта кабалистика?

— Я видел шрам, когда мне меняли повязку, уверен, что это русская буква ш. СМЕРШ расшифровывается как «Смерти шпионам», так что ш — это «шпион». Приятного мало, потому что М., вероятно, попросит меня сделать пересадку кожи. Хотя большой надобности в этом нет. Я решил подать в отставку.

Матис изумленно посмотрел на Бонда.

— В отставку? — переспросил он. — Какого черта?

Бонд отвел глаза и занялся изучением повязок на руках.

— Когда меня собрались убивать, мне вдруг понравилось быть живым. Перед тем, как начать

пытку, Намбер употребил выражение, которое меня поразило: «Играть в индейцев». Он сказал, что это именно то, что я делаю. Так вот, я подумал, что он, возможно, был прав. Знаете, — продолжал разглядывать повязки Бонд, — в молодости кажется, что можно легко отличить добро от зла. С возрастом это становится труднее. В школе дети четко знают: тот — герой, этот — враг. И растут, думая стать героями и расправиться с врагами. За последние годы, — Бонд посмотрел Матису прямо в глаза, — я убил двух таких врагов. Первого — японца, специалиста по шифрам в Нью-Йорке, в японском представительстве на тридцать шестом этаже билдинга «Ар Си Эй» в Рокфеллеровском центре. Я снял квартиру на сороковом этаже соседнего здания, откуда через улицу хорошо просматривался кабинет японца. Нас было двое, и у каждого по «ремингтону» 30/30 с оптическим прицелом и глушителем. Мы засели в квартире и ждали своего шанса несколько дней. Мой коллега выстрелил за секунду до меня. Его задача состояла только в том, чтобы пробить стекло, чтобы я уже мог стрелять в японца. В Рокфеллеровском центре очень толстые стекла, чтобы с улицы не было слышно шума. Все получилось очень удачно. Пуля коллеги пробила

стекло. Я выстрелил в дыру сразу после него. Я попал японцу в лоб в тот момент, когда он обернулся на звон стекла.

Бонд закурил, несколько раз сильно затянулся.

— Работа была сделана отлично. Красиво и чисто. Почти с трехсот метров. Никаких личных контактов. Позже, в Стокгольме, было уже не так красиво. Я должен был убрать норвежца, двойного агента, работавшего на немцев. Он выдал двух наших людей, которых, насколько я знаю, потом казнили. По различным причинам все нужно было проделать совершенно бесшумно. Я выбрал спальню в его квартире и нож. Так вот, он умер не очень быстро... В качестве награды за эти операции я получил номер с двумя нулями. Это приятно. За тобой репутация надежного человека. Номер с двумя нулями означает у нас, что вы хладнокровно убили вовремя операции человека. Как благородно, — сказал он, снова глядя на Матиса, — хороший герой расправляется с плохими врагами. Но когда хороший Намбер собирается убить плохого Бонда, а плохой Бонд знает, что он вовсе не плохой, замечаешь, что у этой медали есть обратная сторона. И непонятно, кто плохой, а кто хороший. Разумеется, — добавил он, видя, что Матис собирается возразить, — на помощь

приходит патриотизм. Он помогает создавать впечатление, что все прекрасно. Но рассуждения о добре и зле у нас потихоньку выходят из моды. Сегодня мы воюем против коммунизма. Замечательно. Если бы я жил полвека назад, тот консерватизм, который у нас сейчас, встречал бы точно такую же реакцию, что и нынешний коммунизм, и нам могли бы приказать с ним бороться. В наше время история движется быстро. Хорошие и плохие то и дело меняются ролями.

Матис мрачно смотрел на Бонда. Потом мягко дотронулся до его плеча.

— Вы хотите сказать, что этот милейший Намбер, который делал все, чтобы превратить вас в евнуха, не имеет права называться плохим? Разумеется, после всех ваших сказочек ни у кого не будет сомнений, что он бил вас по лицу, а не по... — Он кивнул на кровать. — Подождите, у М. еще будет возможность попросить вас заняться очередным Намбером! Держу пари, что вы помчитесь за ним на всех парах... А СМЕРШ?.. Должен сказать, что мне не нравится, что эти люди разгуливают по Франции как хотят и убивают всех, кто, как им кажется, предал их режим. Да вы просто анархист!

Он собрался сказать что-то еще, но выразитель-

но махнул рукой.

Бонд засмеялся.

— Очень хорошо, — вновь заговорил он. — Возьмем нашего друга Намбера. Очень легко сказать, что он злой человек; мне, по крайней мере, просто, потому что он причинил мне боль.

Будь он сейчас здесь, я бы без колебаний его убил; но только из личной мести, а не по причинам высокой морали или во имя спасения родины.

Он посмотрел на Матиса, стараясь понять, насколько убедительны его самокопания и рассуждения о проблемах, которые для его друга были не более, чем вопросом долга. Матис улыбнулся:

— Продолжайте, прошу вас. Интересно познакомиться с новым Бондом. Англичане всегда занятные люди! Они как китайские ларчики, которые укладываются один в другой. Нужно долго добираться до самого последнего. Доберешься, а в результате одно расстройство, но сам процесс поучительный и любопытный. Продолжайте. Развивайте свои аргументы. Может быть, какими-нибудь из них я тоже смогу воспользоваться, когда в следующий раз мне нужно будет уговорить шефа не поручать мне скучной работы.

Матис продолжал улыбаться, но уже с хитрецой, которую Бонд, кажется, не заметал.

— Теперь, чтобы объяснить, в чем различие между добром и злом, мы изобрели образы, олицетворяющие две крайние противоположности — самое черное и самое белоснежное белое. Но тут мы немного схитрили. Образ Бога чист и ясен, можно разглядеть каждый волосок его бороды. А дьявол? На кого похож дьявол? — спросил Бонд, торжествующе глядя на Матиса.

— На женщину, — хохотнул Матис.

— Все это очень красиво, — сказал Бонд. — Но теперь я спрашиваю, на чьем стороне я должен быть? Я думал над этим вопросом и в конце концов судьба дьявола и его слуг, таких, как Намбер, вызвала у меня жалость. Дьяволу не до веселья, а я люблю быть на стороне жертвы. Мы отказываем бедняге в единственном шансе. Есть книга о добре, она объясняет, что нам нужно делать, чтобы быть хорошими и так далее, но нет книги о зле, которая рассказывает, как нужно поступать, чтобы быть плохим. У дьявола нет ни пророков, чтобы составить свои Десять Заповедей, ни команды писателей, чтобы написать свою биографию. Его судят заочно. Мы не знаем про него ничего, кроме множества сказок, кото-

рые рассказывали нам родители и учителя. Нет книги, по которой мы могли бы изучать природу зла во всех ее формах, книги с иносказаниями, пословицами и народными мудростями о зле. Все, чем мы располагаем, это примером живых людей, которых мы считаем хорошими, а по сути дела, только собственной интуицией. Вот почему, — продолжал Бонд, распаляясь, — Намбер выполнял прекрасную, жизненно важную и, может быть, самую благородную миссию. Своим существованием, как человек зла, человек, которого я по недоумию полагал уничтожить, он создавал критерий зла, благодаря которому, и только ему одному, может существовать критерий добра. Нам была подарена редчайшая возможность за тот недолгий период, в который мы с ним соприкасались, узнать глубину его подлости и стать лучше и доброжелательнее.

— Браво! — воскликнул Матис. — Я горжусь вами. Вы должны устраивать для себя пытки каждый день. Я тоже непременно придумаю себе на вечер какую-нибудь гадость. Надо быстрее приниматься за дело. Для меня еще не все — многое, конечно, увы, — грустно добавил он, — но не все потеряно, но теперь, когда я прозрел, я буду работать не покладая рук. Как я повеселюсь! Надо

подумать, с чего начать: убийство, поджог, насилие? Нет, это все детский лепет! Надо справиться у старины де Сада! Поучиться никогда не мешает. Вот только как же наша совесть, дорогой Бонд? Что делать с ней, пока мы будем творить наши героические грехи? Целая проблема! Очень хитрая дама, эта совесть, и очень старая. Ей столько же лет, сколько первой семье обезьян, которые ее родили на свет.

Нам надо серьезно заняться этой проблемой, иначе мы рискуем испортить себе удовольствие. Конечно, старуху нужно убрать, но придется повозиться, уж очень она крепенькая. Зато, когда мы с ней покончим, мы сможем дать фору самому Намберу... Вам, дорогой Джеймс, легко. Вы можете начать со своей отставки. Это отличная идея, замечательное начало для новой карьеры. И как все просто! У каждого в кармане револьвер собственной отставки. Нажал спусковой крючок — и точно попал и в свою страну, и в свою совесть. Убийство и самоубийство одним выстрелом! Красота! Какое мужество и величие в отстаивании своего кредо! Что касается меня, то я должен немедленно идти и трудиться во благо нашего начинания. Ба-а, — протянул Матис, посмотрев на часы, — да я уже начал. Я на полчаса опоздал

на встречу с начальником полиции.

Он встал.

— Все было очень забавно, дорогой Джеймс. Вам следовало бы выступать на эстраде. Теперь, что касается вашего затруднения отличить добрых от злых, подлецов от героев и так далее. Конечно, это трудно в теории. Все дело в личном опыте, неважно кто вы, китаец или англичанин.

Матис остановился у двери.

— Вы признаете, что Намбер лично вам причинил зло и что вы убили бы его, если бы он сейчас был здесь? Так вот, когда вы вернетесь в Лондон, вы увидите, что есть много Намберов, которые пытаются причинить зло вам, вашим друзьям и вашей стране. М. расскажет вам о них. Теперь, когда вы увидели по-настоящему злого человека и знаете, в каком обличий может проявляться зло, вы будете искать и уничтожать его и защищать всех тех, кто вам дорог, и себя самого. Вы лучше многих знаете теперь, какое оно, это зло. Вы будете мучиться, выбирая себе задание. Вы получили право требовать доказательств того, что в центре мишени действительно черный круг, но вокруг нас немало таких черных пятен. Для вас еще много работы. И вы будете ее делать. И когда вы кого-нибудь полюбите, когда у вас

будет любимая женщина, может быть, жена и дети, которых нужно беречь, вы скажете, что работать стало легко.

Матис открыл дверь и уже с порога сказал:

— Нужно, чтобы вокруг вас были люди. Делать что-то ради них легче, чем ради принципов. Но сами не станьте человеком. Мы потеряем восхитительную машину.

Он махнул на прощание рукой и закрыл дверь.

— Эй — крикнул вслед Бонд.

Но из коридора донеслись торопливые шаги француза.

21. Веспер

На следующий день Бонд попросил, чтобы пришла Веспер. До этого ему не хотелось ее видеть.

Ему говорили, что она каждый день приходит в клинику и справляется о его состоянии. Она присылала ему цветы. Бонд не любил этого и попросил медсестру отдать цветы другому больному. Когда он попросил о том же во второй раз, цветы больше не приносили. Бонд не хотел обидеть Веспер, но он не любил, когда около него были эти сугубо женские атрибуты. Цветы требовали ответной благодарности по отношению к тому, кто их дарил, они постоянно намекали на некоторую нежность и симпатию, а это Бонда утомляло. Он ненавидел, когда с ним нянчились, ему казалось, что у него начинается приступ клаустрофобии.

Бонда не радовала перспектива все это объяснять Веспер. Его также смущала необходимость задать ей несколько вопросов о том, что вое еще его волновало и что касалось связанных в ней недавних событий. Он был почти уверен, что ее ответы напомнят ей о неразумности некото-

рых ее поступков. Но ему нужно было обдумать доклад об операции, который он должен будет представить М., и он не хотел быть вынужденным критически отзываться в нем о Веспер, которой это могло стоить службы.

Впрочем, самый болезненный вопрос, на который он должен был ответить сам, он избегал себе задавать.

Врач не раз говорил с Бондом о его ранах. И не раз повторял, что страшная пытка не скажется никакими нежелательными последствиями. Он обещал, что здоровье Бонда полностью восстановится и ни одна из функций организма не будет нарушена. Однако то, что видел и чувствовал Бонд, ему самому оптимизма не внушало. Кровоподтеки и опухоли по всему телу не проходили, и, когда действие укола прекращалось, он мучился от сильных болей. Его воображение, однако, подвергалось еще большим испытаниям, чем тело. За час, проведенный под пытками Намбера, уверенность, что как мужчина он уже ни на что не годен, оставила в сознании Бонда глубокую рану. И ни один медик не мог бы ее залечить.

С тех пор, как Бонд в «Эрмитаже» впервые увидел Веспер, его по-прежнему тянуло к ней. Он знал: если бы в ночном клубе все сложилось ина-

че, если бы Веспер каким-то образом ответила на его шаг навстречу, если бы не было того похищения, они бы закончили вечер в одной постели. Даже потом, в машине по дороге на виллу, в какой-то момент, когда, видит Бог, ему было о чем подумать, он, глядя на ее несуразно обнаженные ноги, задумался — и весьма сильно — о ней.

Теперь, когда он должен был ее увидеть, ему было страшно. Страшно, что его чувства никак не откликнутся на эффектную красоту Веспер. Страшно ощутить себя куском льда рядом с ней. Этот страх — и Бонд не обманывал себя — был истинной причиной того, что он больше недели оттягивал испытание встречей с Веспер. Он и сейчас хотел отложить эту встречу, но убеждал себя, что ему необходимо подготовиться к докладу, что эмиссар прибудет из Лондона со дня на день и захочет узнать все детали операции и что если ему, Бонду, суждено худшее, то время ничего не изменит.

На восьмой день его пребывания в клинике, ранним утром, когда после сна он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим, Бонд попросил пригласить к нему Веспер.

Неведомо почему он ожидал увидеть ее бледной и усталой, ему казалось, что пережитое им

самим должно как-то проявиться и в ней. Он никак не ожидал, что в комнату весело ворвется высокая загорелая девушка в тюсоровом платье с черным поясом. Улыбаясь, Веспер остановилась перед ним.

— Боже, Веспер, — сказал Бонд, несколько неестественно приподняв руку в приветствии, — но вы просто расцвели! То, что мы с вами пережили, пошло вам на пользу. Как вам удалось так замечательно загореть?

— Я чувствую за собой огромную вину, — сказала она, присаживаясь у кровати. — Пока вы лежите здесь, я каждый день проводила на пляже. Врач сказал, что это мой долг; я подумала, что ничем не помогу вам, если буду весь день страдать у себя в номере. Я нашла прекрасный маленький песчаный пляж и до вечера сижу там с книгой.

Туда ходит автобус, но остается еще немного пройти через дюны, так что есть возможность забыть, что это как раз по дороге к вилле. Она заговорила тише. Упоминание о вилле заставило Бонда отвести взгляд, однако Веспер продолжала, стараясь не замечать молчания своего собеседника.

— Врач считает, что вам совсем скоро разрешат

вставать... Я подумала, что немного погодя смогла бы показать вам мой пляж. Врач говорит, что купание вам было бы полезно.

— Еще неизвестно, когда я буду в состоянии выйти отсюда, — зло проговорил Бонд. — А уж когда я смогу купаться, вероятно, лучше будет делать это в одиночку. Мне не хотелось бы пугать людей. Не говоря обо всем остальном, — сказал он, переведя взгляд на одеяло, — все тело у меня сплошной синяк. Но вы должны развлекаться, врача нужно слушаться.

Веспер задела горечь и несправедливость этих слов.

— Я сожалею, — сказала она, — я только думала... Я хотела... Глаза у нее вдруг наполнились слезами. Она с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Я хотела... помочь вам быстрее поправиться.

Голос ее задрожал. Она виновато смотрела на Бонда, в глазах которого было осуждение. Не выдержав, она закрыла лицо руками и расплакалась.

— Простите, — проговорила она глухим голосом, — прошу вас, простите. — Она вынула из сумочки носовой платок и промокнула глаза. — Во всем виновата я, я знаю.

Бонд вдруг растрогался. Он положил забинтованную ладонь ей на колено.

— Не будем больше об этом, Веспер. Извините меня, я был очень груб с вами. Вы поймите, это ревность, вы загораете, а я прикован к постели. Как только я чуть поправлюсь, я поеду с вами, и вы мне покажете ваш пляж. Вы правы, это действительно то, что мне нужно. Я очень хочу побыстрее выйти отсюда.

Она погладила его руку, отошла к окну и, приведя себя в порядок, вновь села рядом.

Бонд с нежностью смотрел на нее. Как все закаленные жизнью мужчины, он легко впадал в сентиментальность. Веспер была очень красива, и его властно влекло к ней. Он решил не откладывать с вопросами. Он предложил ей сигарету, они заговорили о приезде шефа центра S и о реакции Лондона на поражение Намбера.

Даже судя по тому, что знала Веспер, было очевидно, что операция завершилась удачно. Скандал вокруг имени Намбера продолжал разрастаться по всему миру. В Руаяль прибыли корреспонденты многих английских и американских газет, они искали того ямайского миллионера, который победил Намбера за карточным столом. Им удалось выйти на Веспер, но

она сказала, что Бонд собирался ехать играть в Канны и Монте-Карло. Толпа журналистов двинулась из Руаяль-лез-О на юг Франции. Матис с помощью полиции постарался убрать все следы операции, и газетам пришлось искать сенсации в Страсбурге и рассказывать о панике в рядах французских коммунистов.

— Веспер, — прервал ее Бонд, — что на самом деле произошло в ночном клубе? Я видел только то, как вас увозили. — И в нескольких словах пересказал ей, что увидел, выйдя из казино.

— В тот момент я растерялась, — сказала она, избегая смотреть на Бонда. — Не найдя Матиса у входа, я вышла на улицу. Ко мне подошел посыльный и спросил, не я ли мисс Линд; он сказал, что человек, передавший мне записку, находится в машине на стоянке. Честно говоря, меня это не очень насторожило. Я была знакома с Матисом всего несколько дней и не знала, как он работает. Словом, я вышла во двор и пошла к машине. Она стояла чуть в отдалении справа, а там было довольно темно. Когда я подошла, двое людей Намбера выскочили из-за соседних машин и задрали мне платье на голову. — Веспер покраснела. — Кажется, пустяк, — сказала она смущенно, — но невероятно эффективно, даже

крика, похоже, никто не услышал. Я пыталась отбиваться ногами, но это совершенно бесполезно, я ничего не видела. Они схватили меня с двух сторон и запихнули в машину. Я, конечно, отбивалась. Когда машина тронулась и пока они возились с веревкой, я высвободила одну руку и бросила сумочку в окно. Надеюсь, она на что-то сгодилась. Это было почти инстинктивно. Я просто испугалась, что вы не будут знать, что со мной случилось, вот и сделала первое, что пришло в голову.

Бонд был уверен, что, не выброси Веспер сумочку, Намбер, поскольку того интересовал Бонд, возможно, сам бы выкинул ее.

— Разумеется, мне это очень помогло, — сказал Бонд. — Но почему вы не подали какой-нибудь знак, когда я окликнул вас там, в машине, уже после того, как они меня схватили? Вы меня испугали. Мне показалось, что они вас оглушили.

— Возможно, я была в обмороке. В моем «мешке» невозможно было дышать даже после того, как они прорезали дырку. Я несколько раз теряла сознание и не помню почти ничего, что происходило со мной до приезда на виллу. Я понастоящему поняла, что они вас схватили, лишь когда вы побежали за мной в коридоре.

— Эти двое вас не тронули? — спросил Бонд. — Они... не попытались воспользоваться вашей беспомощностью, пока Намбер возился со мной?

— Нет, — сказала Веспер. — Они связали мне ноги и посадили в угол, лицом к стене, а сами ушли в соседнюю комнату и играли в карты — наверное, в белот, судя по тому, что я слышала, — а потом оба, кажется, заснули. Тогда их застрелили. Я услышала какое-то странное шипение и потом грохот, как будто кто-то упал со стула на пол. После этого послышались тихие шаги, и кто-то закрыл дверь. А потом, до появления Матиса, не происходило уже ничего. Я почти все это время была как в полусне. Я не знала, что с вами, — тихо сказала она, — один раз услышала какой-то страшный крик, но как будто очень издалека. По крайней мере, мне так кажется, что это был крик. В тот момент я подумала, что это галлюцинация.

— Боюсь, это не было галлюцинацией, — сказал Бонд.

Веспер протянула к нему руку. Глаза ее были полны слез.

— Чудовищно, что они с вами сделали, — прошептала она. — И все это из-за меня. Если бы только...

Она спрятала лицо в ладони.

— Мало ли, что могло быть, — успокаивал ее Бонд. — Вчерашний день — это уже вчерашний день. Слава Богу, они оставили в покое вас, — сказал он, похлопав ее по руке. — Они должны были заняться вами после того, как по-настоящему размягчили бы меня («размягчить» — удачное слово, подумал Бонд). Мы должны благодарить СМЕРШ. А теперь хватит. Забудем! В том, что произошло, я убежден, нет вашей вины. Кто угодно поймался бы на записку. Так что хватит думать об этом, — закончил он, повеселев.

Вечер с благодарностью улыбнулась сквозь слезы.

— Правда?.. Вы меня прощаете? — спросила она. — Я думала, вы никогда не захотите меня простить... Я... постараюсь... как-нибудь ответить вам на это.

«Как-нибудь?» — сказал про себя Бонд. Он посмотрел на нее. Она улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

— Будьте осторожней, — заметил он. — Я могу поймать вас на слове.

Она посмотрела ему в глаза и ничего не ответила, но Бонд понял, что недосказанный вызов принят. Она поднялась, осторожно пожала ему руку и сказала:

— Обещание есть обещание.

На этот раз они оба знали, в чем был смысл этих слов. Она сняла свою сумочку со спинки кровати и сделала несколько шагов к двери.

— Нужно ли мне прийти завтра? — Она смотрела на Бонда серьезно.

— Да, пожалуйста, Веспер. Мне будет приятно. И хорошенько обследуйте окрестности. С вашей помощью я буду строить планы на то время, когда начну ходить. Вы согласны?

— Да, — сказала Веспер. — И поторопитесь выздороветь. Когда Веспер вышла, Бонд долго прислушивался к ее шагам.

22. Черный фургон

Бонд быстро выздоравливал. В один из дней он составил доклад для М. Была в нем и часть, посвященная тому, что Бонд по-прежнему считал непрофессиональным поведением Веспер. Умело подчеркивая необходимые детали, он сумел представить похищение девушки куда более изощренным, чем было в действительности. Он отметил выдержку и хладнокровие, которые Веспер проявляла на протяжении всей операции, опустив при этом некоторые необъяснимые ее действия.

Веспер навещала его каждый день, и он ожидал ее прихода с нетерпением. Она весело рассказывала о том, как проводит время, о своих походах по побережью, о том, как готовят в ресторанах, в которых она побывала. Ее познакомили с комиссаром полиции Руаяль-лез-О и с одним из директоров казино. Они как могли развлекали ее и, когда было нужно, давали ей машину. Она следила за тем, как идет ремонт «бентли», которую отправили в кузовную мастерскую в Руан, позаботилась даже О том, чтобы из лондонской

квартиры Бонда переслали одежду. Из той, что была в отеле, не уцелело ничего. Все швы были вспороты, сама ткань в поисках сорока миллионов была изрезана в лоскуты.

О Намбере они больше не говорили. Время от времени Веспер рассказывала забавные случаи из своей работы в центре S, куда она была переведена из военно-морского флота. Бонд вспомнил кое-что из своей биографии.

Он поймал себя на мысли, что ему исключительно легко говорить с Веспер, и был удивлен.

Его отношения с большинством женщин имели устойчивые свойства смеси лаконизма и страсти. Медленные подготовительные маневры утомляли его практически так же, как выяснения отношений, неизбежно приводящие к разрыву. Незыблемое единообразие сценариев всех любовных интриг казалось ему зловещим.

Их схема — сентиментальные речи, прикосновение руки, поцелуй, страстный поцелуй, обнаженное тело, апогей в постели, снова постель, меньше постели, безразличие, финальное разочарование — представлялась ему постыдной и фальшивой. Более того, он старательно сокращал в каждом действии этой пьесы количество мизансцен: встреча на приеме, ресторан, такси,

его собственная квартира, ее собственная квартира, уик-энд на берегу моря, снова квартиры, потом уловки, алиби и под занавес — бурная сцена разрыва на пороге дома под дождем.

Но с Веспер ничего похожего быть не должно.

Каждый ее приход превращал тоскливую больничную комнату в радостный оазис посреди изнурительных лечебных процедур. Их разговоры были просто разговорами двух товарищей с чуть приметным более страстным вторым планом: эту остроту привносило обещание, о котором они не вспоминали, но которое со временем, определенным ими самими, должно было быть выполнено. Со временем...

Впрочем, как ни старался Бонд ускорить свое выздоровление, он должен был пройти через все его этапы. И они были прекрасны.

Ему разрешили вставать, затем выходить в сад, потом была короткая прогулка пешком по окрестностям, долгая — на машине. Наконец настал вечер, когда врач, едва приехав из Парижа, объявил Бонда совершенно здоровым. Веспер привезла ему одежду, он попрощался со всеми, кто ухаживал за ним, и они сели в такси, заранее заказанное Веспер.

Минуло три недели, как смерть отступила от

него. Был уже июль. Дюны и море томились под жарким летним солнцем. Бонд наслаждался каждым новым мгновением жизни и — будущего.

Он не знал, куда они ехали. Возвращаться в большие отели Руаяль-лез-О он не хотел, и Веспер обещала ему подыскать что-нибудь за пределами города. Но настояла на том, что не откроет раньше времени, где это место, сказала только, что ему там должно понравиться. Ему были приятны ее хлопоты, хотя, чтобы не возникло впечатление, будто он отказывается от собственных прав, он тут же окрестил местечко, куда они ехали, «Дырасюр-Мер» (Веспер сказала, что это на побережье) и громко расхваливал туалеты в глубине садика, клопов и тараканов.

По дороге случилось любопытное происшествие.

Такси ехало вдоль берега моря по направлению к «Полуночникам». Бонд рассказывал о погоне на «бентли», показывал вираж, после которого произошла авария, и место, где были поставлены шипы. Он попросил притормозить, чтобы Веспер увидела глубокие борозды, оставленные в асфальте обедами машины, масляное пятно там, где она перевернулась.

Веспер отвечала рассеянно и односложно. Бонд

заметил, что она несколько раз бросила взгляд в зеркало заднего вида. Оглянувшись после очередного поворота, ничего подозрительного он не заметил.

Он взял ее за руку.

— Вас что-то тревожит, Веспер? — спросил он. Она улыбнулась в ответ, но несколько натянуто.

— Нет, нет, ничего. Вообразила, что за нами кто-то следит... Это нервы... Какая-то зловещая дорога. — И засмеявшись, она вновь посмотрела в зеркало.

— Вот он, смотрите... — В голосе ее был страх.

Бонд послушно оглянулся. Сомнений не было: метрах в четырехстах — пятистах сзади на хорошей скорости их догонял черный фургон. Бонд рассмеялся.

— Было бы странно, если б мы одни ехали по этой дороге, — сказал он. — И потом, кому нужно за нами следить? Ничего плохого мы не сделали. — Он похлопал ее по руке. — Уверяю вас, это возвращается в Гавр какой-нибудь коммивояжер, запродавший партию шампуня для мытья автомобилей. Сейчас он думает об обеде и о любовнице, которая осталась в Париже. Право, Веспер, не подозревайте беднягу в коварных замыслах.

— Будем надеяться, что вы правы, — сказала она недоверчиво. — Как бы там ни было, мы почти приехали.

Она замолчала и отвернулась к окну. Слова Бонда ее явно не успокоили. Внутренне Бонд посмеялся над тем, что счел последствием их недавнего приключения. Однако решил уступить капризу и, когда они съехали с шоссе на проселочную дорогу, велел водителю остановиться. Они стали ждать фургон.

Когда к спокойным звукам летней природы примешался нарастающий гул мотора, Веспер сдавила руку Бонда. Фургон пронесся мимо, не сбавляя скорость, за стеклом мелькнул профиль водителя.

Бонду, правда, показалось, что водитель фургона все-таки бросил взгляд в их сторону, но у дороги стояло рекламное панно с броской надписью: «Гостиница и ресторан „Запретный плод“ — омары, рыба во фритюре!» У него не вызывало сомнений, что внимание водителя привлекло именно оно.

Веспер сидела, съежившись, в углу. Она была бледна.

— Он посмотрел на нас, — сказала она, — уверяю вас. Я чувствовала, что за нами следят. Теперь

им известно, где мы. Бонд не смог скрыть раздражения.

— Что за ерунда! Он смотрел вот сюда! — он показал на панно.

— Вы правда так думаете?.. — Веспер как будто немного приободрилась. — Да, вижу... Конечно, вы правы. Все как-то глупо получилось.... Давайте поедем.

Она наклонилась вперед и попросила водителя ехать дальше. Машина тронулась, и Веспер, откинувшись на сиденье, с улыбкой посмотрела на Бонда. От ее бледности почти не осталось следа.

— Мне очень стыдно. Все из-за того, что... что я никак не поверю, что нам уже нечего и некого опасаться. — Она сжала ему руку. — Наверное, я кажусь вам очень глупой.

— Отнюдь нет Но мы действительно уже никого не интересуем. Забудьте обо всем. Работа закончена. Мы на отдыхе, и небо синее. Ведь так? — настойчиво спросил он.

— Да, конечно. — Она легонько тряхнула головой. — Я просто не в себе. Но теперь мы уже вот-вот приедем. Надеюсь, вам здесь понравится.

Они стали вглядываться в дорогу. Их лица вновь повеселели, и о происшествии было окончательно забыто, когда за дюнами показалось

море и маленькая аккуратная гостиница среди сосен.

— Тут не очень роскошно, — сказала Веспер. — Но чисто и прекрасно готовят. — Она смотрела на Бонда, опасаясь, что он не одобрит ее выбор.

Перед домом их встретили хозяин и его жена.

Месье Версуа был преклонных лет, без руки, он потерял ее, сражаясь в Свободных французских силах на Мадагаскаре. Он был другом комиссара полиции, который подсказал Веспер эту гостиницу и даже сам позвонил хозяину.

Мадам Версуа оторвалась от приготовления ужина и стояла в переднике с деревянной ложкой в руке. Она была моложе мужа, недурна собой и приветлива. Бонд без труда догадался, что у них нет детей и все свои нерастраченные душевные силы они отдают друзьям, немногочисленным завсегдатаям и, вероятно, животным. Впрочем, жизнь у них, скорее всего, была не из легких; зимой гостиница пустовала, начинались высокие приливы и сильные ветры.

Хозяин проводил гостей наверх. Веспер был отведен номер с большой кроватью, Бонду — соседний, угловой, с двумя окнами. Одно окно выходило на море, другое — на дальний край бухты. Между номерами была ванная комната.

Все было аккуратно, удобно и просто.

Хозяин был рад, что комнаты гостям понравились Он сказал, что ужин будет подан в семь. Хозяйка приготовит им омаров на гриле в топленом масле. Он посетовал, что будет мало гостей — вторник, а люди приезжают на выходные. В этом году сезон неудачный. Раньше здесь было много пансионеров-англичан, но теперь времена за Ла-Маншем настали тяжелые, и англичане приезжают в Руаяль на воскресенье, все проигрывают и сразу уезжают.

— Раньше было не так, — закончил он, смиренно вздохнув, — но дни меняются, и мы меняемся...

— Истинная правда, — согласился Бонд.

23. Прилив

Они разговаривали на пороге комнаты Веспер. Когда хозяин спустился вниз, Бонд резко закрыл дверь, взял Веспер за плечи и коснулся губами ее щеки.

— Здесь настоящий рай, — сказал он.

Глаза Веспер блестели. Она положила ладони на руки Бонда. Он обнял ее. Веспер подалась вперед, и Бонд почувствовал, целуя ее, как приоткрылись ее губы.

— Милая, — прошептал он.

Он целовал ее, все сильнее прижимая к себе, чувствуя, как ее губы, язык скачала робко, потом с большей и большей страстью откликаются на его ласки. Его руки скользнули вниз, сжали ее бедра Прерывисто дыша, она отняла губы, замерла, прижавшись к нему; Бонд чувствовал ее упругую грудь, горячее дыхание. Он провел рукой по ее волосам, подался вперед, чтобы поцеловать снова, но она слегка оттолкнула его и без сип опустилась на край кровати. Еще мгновение они смотрели друг на друга, переполняемые желанием.

— Простите Веспер! Я не хотел... сейчас.

Он сел рядом с ней, с нежностью глядя ей в глаза, но прилив их страсти начал уже спадать.

Веспер придвинулась к нему, поцеловала его в уголок губ и медленно провела пальцем по его лбу, убирая прилипшую черную прядь волос.

— Дайте мне сигарету, — попросила она, обводя рассеянным взглядом комнату. — Не знаю, куда я положила сумочку.

Бонд раскурил сигарету и передал ее Веспер. Она глубоко затянулась и медленно выпустила струйку дыма. Бонд обнял ее, но она поднялась, подошла к окну и застыла, повернувшись к Бонду спиной. Бонд видел, что у нее дрожат руки.

— Мне нужно немного привести себя в порядок перед ужином, — сказала Веспер, не оборачиваясь. — Вы не хотите пока сходить искупаться? Я разберу ваши вещи.

Бонд встал и подошел к Веспер. Она не обернулась. Он обнял ее, взял в ладони ее грудь, чувствуя, как набухают ее соски под его пальцами. Ее руки легли на его ладони, прижали их сильнее, но взгляд ее по-прежнему был устремлен за окно.

— Не сейчас, — сказала она тихо.

Бонд наклонился, все еще удерживая Веспер, провел губами по ее шее и отступил назад.

— Конечно, Веспер... — сказал он.

У двери он обернулся. Веспер по-прежнему стояла у окна. Ему показалось, что она плачет. Он сделал шаг к ней и понял, что сейчас ему нечего ей сказать.

— Милая Веспер, — проговорил он и вышел, закрыв за собой дверь.

Он шел вдоль моря по золотистому, твердому, как камень, песку до тех пор, пока гостиница не скрылась из вида. Тогда он скинул в себя куртку и, пробежав несколько метров, нырнул в невысокую волну. Дно круто уходило вниз. Он долго, сколько хватило воздуха, плыл под водой, воем телом ощущая ее нежную прохладу. Потом вынырнул и откинул назад волосы. Было около семи, и солнце светило не так жарко, как днем, и вот-вот должно было скрыться за дальней оконечностью бухты; Бонд лег на спину и поплыл через бухту, догоняя его.

Когда, проплыв километра полтора, он вышел на берег, тень уже скрыла то место, откуда он начал свой путь, но здесь, на мысе, у него было еще время полежать на песке и обсохнуть, прежде чем наступят сумерки.

Он положил на песок плавки и, раскинув руки, стал смотреть в безоблачное небо, думая о Веспер. Он относился к ней сложно, и эта сложность не

нравилась ему.

С ней было легко и просто. И в то же время в Веспер было что-то неразгаданное, что постоянно не давало Бонду покоя. Она открывала свою душу понемногу; Бонд чувствовал: сколько бы они ни были вместе, в ней всегда останется что-то такое, куда, как в заповедный сад, он никогда не будет допущен. Она была предупредительна и исполнена уважения к нему, но не рабски и ни в чем не в ущерб своей гордости.

Теперь, когда он знал, как она чувственна, страстна, именно благодаря таинственности ее души ему еще больше хотелось завоевать ее тело. Физическая любовь могла наконец стать путешествием без разочарования, которое обыкновенно ждет на станции прибытия. Она, думал Бонд, должна любить с жадностью, наслаждаясь всем, что предполагает близость, но не позволяя завладеть собой.

Тень от мыса почти подползла к Бонду. Он встал, как мог, стряхнул с себя песок, решив, что примет душ в гостинице, взял плавки и пошел по берегу. Лишь дойдя до того места, где он оставил свои вещи, он заметил, что все это время шел голым. Он надел куртку и пошел к гостинице.

К тому времени он уже принял решение.

24. Fruit Defendu

[Запретный плод (фр.)]

Поднявшись к себе, Бонд был искренне тронут, когда увидел, что все его вещи аккуратно разложены в шкафу, а на стеклянной полочке в ванной выставлены его зубная щетка и бритвенные принадлежности. На другом краю полочки лежала зубная щетка Веспер, стояла пара ее флакончиков и баночка с кремом для лица.

Бонд удивился, что в одном из флакончиков были таблетки снотворного. Должно быть, происшедшее на вилле куда сильнее сказалось на нервах Веспер, чем он представлял.

Ванна была наполнена водой, и на стуле около полотенца стоял дорогой флакон с хвойной эссенцией для ванны.

— Веспер...

— Да?

— Это слишком. Я начинаю казаться себе расточительным жиголо.

— Мне было приказано заботиться о вас. Я это и делаю.

— В таком случае не намылите ли мне спину?

— Вы хотите иметь рабыню, а не заботливую женщину.

— Я хочу вас.

— А я хочу омаров и шампанского. Так что поторапливайтесь.

Бонд насухо вытерся, надел белую рубашку и темно-синие брюки. Он думал, что Веспер будет одета так же просто, и был восхищен, когда она без стука появилась у него в комнате в голубой блузе под цвет глаз и в темно-красной плиссированной юбке.

— Я не могу больше ждать. Я голодна как волк, моя комната прямо над кухней, и запах оттуда божественный.

Бонд подошел к ней и обнял ее за талию. Она взяла его под руку, и они спустились на открытую террасу, где в том месте, куда падал свет из безлюдной гостиной, для них был накрыт стол.

Глядя друг другу в глаза, они выпили вина, и Бонд тут же наполнил бокалы вновь.

За ужином Бонд рассказал Веспер о своем купании и они условились утром же пойти на пляж. На протяжении всего вечера они старались избегать намеков на чувства, которые испытывали друг к другу, но чем темнее становилась ночь, тем заметнее становился блеск глаз. Иногда их

руки и колени соприкасались как будто для того, чтобы немного снять напряжение.

Когда появился и исчез омар, когда вторая бутылка шампанского была наполовину пуста и они пышным слоем положили взбитые сливки на землянику, Веспер вздохнула.

— Я веду себя как хрюшка, — сказала она, улыбаясь. — Вы мне всегда предлагаете то, что я больше всего люблю. Меня так никогда не баловали. — Она посмотрела на освещенное луной море, почти подступающее к террасе. — Я этого не заслужила. — В ее голосе, как послышалось Бонду, зазвучал надрыв.

— Что вы хотите сказать? — удивился он.

— Сама не знаю! Мне кажется, что люди имеют то, что заслуживают. Значит, я заслуживаю то, что имею.

Она снова улыбнулась, и глаза ее тоже улыбались.

— По правде говоря, вы немногое знаете обо мне, — вдруг сказала она.

Бонд был поражен ее неожиданно серьезной интонацией.

— Я знаю вполне достаточно, — сказал он смеясь. — Все, что мне нужно знать до завтра, послезавтра и после-послезавтра. Вы тоже обо мне

почти ничего не знаете, если на то пошло. — Он налил ей и себе шампанского.

Веспер задумчиво смотрела на него.

— Люди — это острова, — сказал она. — Они никогда не сходятся. Как бы близко друг к другу они ни были, они все равно раздельны. Даже если они женаты полсотни лет.

Бонд подумал, что они выпили слишком много шампанского. От него бывает vin triste [меланхолия во хмелю (фр.)]. Но неожиданно она звонко рассмеялась:

— Не делайте такое лицо! — Она погладила его по руке. — Меня просто потянуло на сентиментальности. В любом случае, мой остров сегодня, кажется, совсем приблизился к вашему.

Она отпила шампанского.

Бонд с облегчением улыбнулся.

— В таком случае, им нужно соединиться и образовать полуостров, — сказал он. — Если мы уже покончили с десертом...

— Нет, — кокетливо ответила она, — мне еще кофе.

— Тогда мне еще коньяк, — в тон ей сказал Бонд.

Взгляд его — второй раз за вечер — помрачнел. Пусть всего на мгновение, но в воздухе повис

немой вопрос, впрочем, он быстро растаял к тому времени, когда принесли кофе.

Бонд неторопливо пил коньяк. Веспер встала и подошла к нему сзади.

— Я устала, — сказала она, положив ему руку на плечо.

Он удержал ее руку. На мгновение оба замерли. Потом Веспер наклонилась, прикоснулась губами к волосам Бонда и ушла. Через несколько секунд в окне ее комнаты зажегся свет.

Было не больше половины десятого, когда он, пройдя через ванную комнату, вошел к Веспер и закрыл за собой дверь.

Полоска лунного света проникала сквозь неплотно прикрытые ставни и тянулась к посеребренному луной неясному силуэту тела посередине широкой кровати...

Бонд проснулся на рассвете в своей комнате и несколько секунд лежал неподвижно, собираясь с мыслями.

Он бесшумно встал, надел свою куртку и, пройдя мимо комнаты Веспер, спустился на пляж.

Море было спокойным. Маленькие, розовые в восходящем солнце волны лениво накатывались на песок. Было прохладно. Тем не менее Бонд снял куртку и так пошел по берегу до того места,

где купался вечером. Там он решительно вошел в воду и медленно шел до тех пор, пока ока не достигла подбородка. Холодное море казалось колючим. Он подобрал ноги и, зажав нос и закрыв глаза, погрузился под воду. Он знал, что зеркальная гладь бухты сейчас совершенно ровная, лишь кое-где выпрыгивают рыбы. И подумал, что было бы забавно, если 6 Веспер сейчас показалась на берегу в сосновой роще. Как бы она удивилась, когда бы он вдруг вынырнул из воды.

Через минуту с лишним он шумно вынырнул и с сожалением оглядел пустой берег. Никого. Он немного поплавал, потом лег на воду и, дождавшись, когда солнце осветит пляж, вышел на берег, растянулся на песке и с наслаждением подумал о подаренной ему Веспер ночи.

Как и вчера вечером, он вглядывался в высокое небо и читал в нем все тот же ответ на свой вопрос.

Через некоторое время он поднялся и медленно пошел по пляжу назад.

Он решил сегодня же просить Веспер выйти за него замуж.

25. Черная повязка

Медленно пройдя по террасе и войдя в полутьму гостиной, где еще были закрыты ставни, он увидел, как Веспер отошла от застекленной телефонной кабинки у входной двери и, стараясь не шуметь, стала подниматься по лестнице.

— Веспер! — окликнул он, решив, что она, должно быть, получила какое-то важное сообщение, касающееся их обоих.

Она резко обернулась и вскинула руку ко рту. Мгновение, длившееся чуть дольше, чем нужно, она смотрела на него удивленными глазами.

— Что случилось, милая? — спросил он, слегка недоумевая и боясь, как бы что-то непредвиденное не нарушило его планы.

— Ох, — вздохнула она, — вы меня напугали! Я просто... Я звонила Метису. Хотела спросить его, не может ли он еще раз обратиться к своей знакомой, продавщице «Диора», я вам о ней говорила...

Она говорила очень быстро, путано, одновременно стараясь быть убедительной.

— Признаться, я не захватила сюда платьев, и

мне нечего надеть. Я думала застать Матиса дома, пока он не ушел на работу. Я не знаю телефона той подруги, а мне очень хотелось преподнести вам сюрприз. Я не знала, что вы уже проснулись. Вы купались? Хорошая вода?... Вам нужно было меня разбудить.

— Вода замечательная, — сказал Бонд, решив ее успокоить, хотя ясно видел, что за наивностью хитростей скрывается что-то более значительное. — Спускайтесь быстрее и пойдем завтракать на террасе. Я очень проголодался. Простите, если напугал вас. Я просто не ожидал кого-нибудь увидеть здесь в такой ранний час.

Он обнял ее, но она высвободилась и стала быстро подниматься по лестнице.

— Я тоже не думала вас встретить, — говорила она, стараясь своей беззаботностью показать, каким пустяковым был этот случай. — Вы появились, как приведение. Волосы мокрые, всклокоченные! — Она засмеялась, но, почувствовав, что смех звучит натянуто, закашлялась.

— Надеюсь, море не очень холодное? — спросила она. Веспер упрямо не хотела признать, что ее нагромождение лжи уже рухнуло. Хотелось отшлепать ее, чтобы она расслабилась и сказала правду. Но Бонд только тихонько и весело

хлопнул ее по плечу, когда они подошли к ее двери, и сказал, чтобы она побыстрее выходила завтракать.

Их любви не суждено было вновь стать такой, какой она была. Последующие дни были наполнены фальшью и недосказанностью с примесью слез и вспышками животной страсти. Они предавались ей с жадностью, которую недостаток искренности на протяжении дня делал тягостной. Несколько раз Бонд пытался разрушить стену непонимания. Он то и дело подводил разговор к роковому телефонному разговору, но Веспер упрямо цеплялась за свою версию, расцвечивая ее новыми поворотами придумок, сделанных, Бонд это понимал, задним числом. Как-то она сказала даже, что Бонд, наверное, считает, что у нее есть кто-то еще. Эти сцены неизбежно заканчивались слезами и почти истериками. С каждым днем атмосфера становилась все более тягостной. Бонду казалось непостижимым, что связь между двумя людьми может рваться вот так, прямо на глазах, с каждым днем все больше, и он мучительно искал тому объяснение. Он чувствовал, что для Веспер не менее, чем для него, отвратительна эта ситуация, во всяком случае, переживала она ее даже сильнее. Но тайна телефонного разговора,

которую Веспер по-прежнему отчаянно, почти в страхе оберегала, нависла над ними грозовой тучей, разрастающейся по мере того, как появлялись новые поводы для вопросов. Такой повод представился уже в тот же день за обедом. После завтрака, стоившего им обоим большого напряжения, Веспер сказала, что у нее разболелась голова и она не хочет выходить на солнце. Бонд взял книгу и отправился в долгую прогулку по пляжу. Возвращаясь, он решил за обедом выяснить, что же произошло. Как только они сели за стол, он, посмеявшись над собой, извинился за то, что напугал ее у телефонной кабинки, затем сменил тему разговора и принялся рассказывать, что видел во время своей прогулки. Но Веспер отвечала рассеянно и односложно. Она ковыряла вилкой в тарелке, избегала взгляда Бонда и беспокойно оглядывала террасу. Когда она оставила несколько его фраз без ответа, заметивший это Бонд погрузился в мрачное раздумье. Внезапно Веспер замерла. Ее вилка звякнула о край тарелки, подпрыгнула на столе и упала на пол.

Бонд поднял глаза. Веспер была белой, как полотно. На лице ее был ужас, она смотрела куда-то через плечо Бонда. Он обернулся и заметил мужчину, который садился за столик на другом конце

террасы, довольно далеко от них. Обыкновенный господин, в несколько темноватом костюме; по первому взгляду Бонд определил его как делового человека, совершающего поездку по побережью и наткнувшегося на это заведение случайно, в крайнем случае, благодаря дорожному справочнику.

— Что случилось, дорогая? — с тревогой спросил Бонд. Веспер не могла отвести взгляда от незнакомца.

— Это тот человек, из фургона, — сдавленным голосом проговорила она. — Тот, который за нами следил. Я знаю, что он.

Бонд еще раз оглянулся назад. Хозяин, стоя рядом с новым клиентом, принимал заказ. В этой сцене не было ничего странного. Хозяин и гость обменялись улыбками по поводу какой-то детали в меню; заказ был обсужден, и хозяин убрал меню со стола. Они обменялись еще несколькими фразами, вероятно, уже о вине, и хозяин удалился.

Незнакомец, похоже, почувствовал, что на него смотрят. Он повернулся и секунду разглядывал парочку без видимого интереса. Затем он взял с соседнего стула свою папку, достал газету и, поставив локти на стол, погрузился в чтение.

Когда он смотрел в их сторону, Бонд заметил,

что глаз у него прикрыт черной повязкой, маленькой, похожей на монокль. В остальном это был неприметный немолодой шатен с зачесанными назад волосами и — Бонд заметил, когда тот разговаривал с хозяином, — с белыми, очень крупными зубами.

Бонд повернулся к Веспер.

— Право, дорогая, у него безобидный вид. Вы уверены, что он — тот самый? Трудно предположить, что эта гостиница всегда будет только для нас.

Лицо Беспер было по-прежнему мертвенно бледным, пальцы судорожно сжимали край стола. Ему показалось, что она теряет сознание, он собрался встать, чтобы помочь ей, но Веспер жестом остановила его, торопливо поднесла к губам бокал с вином и сделала большой глоток. Бокал стучал о зубы, и ей пришлось держать его обеими руками.

Поставив бокал на стол, она грустно взглянула на Бонда.

— Я знаю, что это тот человек.

Он попытался убедить ее рассуждать здраво, но она не обратила на его слова внимания. Еще несколько раз бросив полный обреченности взгляд на незнакомца, она сказала, что у нее

невыносимо болит голова и что она останется у себя в комнате. Она вышла из-за стола и, не оборачиваясь, пошла в гостиницу.

Бонд надеялся, что она ошибается. Заказав кофе, он встал и незаметно прошел во двор. Черный фургон «пежо», стоявший там, тем не менее вполне мог быть именно тем фургоном, который они видели, но это могла быть и другая машина из миллиона подобных, ездящих по дорогам Франции. Бонд заглянул в кабину, но ничего необычного не увидел, попытался открыть заднюю дверцу, но она была заперта. Он запомнил номер, номер был парижский, зашел в туалет рядом с гостиницей, спустил воду и вернулся на террасу.

Незнакомец, занятый едой, казалось, не обратил на Бонда никакого внимания. Бонд сел на место Веспер, откуда мог видеть его столик.

Через некоторое время незнакомец попросил счет, расплатился и ушел. Бонд услышал, как заработал мотор, и «пежо» двинулся в сторону Руаяль-лез-О.

Хозяину, появившемуся на террасе. Бонд объяснил, что у мадам, к несчастью, случился легкий солнечный удар. Хозяин посочувствовал ей и заговорил о том, как небезобидна здешняя погода.

Бонд между делом поинтересовался недавним посетителем:

— Он мне напоминает одного знакомого, тот тоже потерял глаз и носит такую же повязку.

Хозяин ответил, что он его никогда раньше не видел.

— Ему очень понравилось, как у нас готовят, и он сказал, что, возможно, дня через два-три он будет возвращаться назад — у него какие-то дела, связанные с продажей часов, — и заедет к нам пообедать. Судя по акценту, он швейцарец. Ужасно быть без глаза. Весь день носить эту повязку! Впрочем, — хозяин покачал головой, — к ней можно привыкнуть.

— Действительно, все это очень грустно. Вам ведь тоже, — прибавил Бонд, кивнув на пустой рукав хозяина, — не повезло. А меня Бог миловал.

Они поговорили немного о войне, и Бонд встал из-за стола.

— Да, не забыть бы заплатить, — сказал Бонд. — Сегодня рано утром мадам звонила по телефону в Париж. Кажется, на Елисейские поля?

— Благодарю вас, месье, все в порядке. Мне звонили утром из города со станции и сказали, что один из моих клиентов просил соединить с Парижем, но номер не отвечал. Телефонистка

спрашивала, не нужно ли повторить вызов. Простите, месье, но у меня это вылетело из головы. Может быть, месье спросит у мадам? Только, по-моему, телефонистка назвала какой-то другой коммутатор...

26. «Теперь все будет хорошо»

Следующие два дня были похожи на предыдущий. На четвертый день рано утром Веспер вызвала такси и уехала в Руаяль. Ей нужно было купить лекарства.

Вечером она очень старалась быть веселой. Много пила, и когда они поднялись к себе, она увела его в свою комнату. Она была необыкновенно страстной в этот вечер. Но потом уткнулась в подушку и горько заплакала. Отчаявшись ее успокоить, Бонд ушел к себе. Он почти не спал. Рано утром он слышал, как Веспер тихо вышла из своей комнаты. Снизу до него донесся знакомый звук, он не сомневался, что она вошла в телефонную кабину. Чуть позже дверь в комнату Веспер осторожно закрылась. Он понял, что номер в Париже вновь не ответил. Это было в субботу.

В воскресенье человек с черной повязкой вновь появился в гостинице. Бонд первым заметил его машину. К этому времени он уже рассказал Веспер все, что услышал о нем от хозяина гостиницы, умолчав только (чтобы не волновать ее), что он, может быть, заедет еще раз.

Бонд также позвонил Матису и попросил его получить сведения о черном «пежо». Машина, оказалось, была взята напрокат две недели назад в дорогой фирме. Клиент предъявил швейцарский паспорт на имя Адольфа Геттлера и указал номер счета в одном из банков в Цюрихе.

Матис запросил швейцарскую полицию. Да, в указанном банке есть счет на его имя. Счетом почти не пользуются. Герр Геттлер, кажется, связан с часовой промышленностью. Если против него выдвинуты обвинения, можно за ним понаблюдать.

Бонд размышлял. Закончив обедать, он поднялся к ней. Обе двери в комнату Веспер были заперты. Когда ему удалось открыть дверь, он увидел, что она сидит перед окном и не отрываясь смотрит на улицу.

— Веспер, — заговорил он, удерживая ее холодные руки, — так не может больше продолжаться. Мы мучаемся, мучаем друг друга, и есть только один способ остановиться. Или вы скажете, что все это значит, или мы уезжаем. Немедленно.

Она молчала, руки ее были холодны.

— Милая, — сказал он, — почему вы не ответите мне? Вы помните, что утром в первый день я попросил вас выйти за меня замуж? Может быть,

мы начнем все заново с этого момента? Откуда этот чудовищный кошмар, который медленно убивает нас?

— Вы хотите, чтобы я стала вашей женой?

Он кивнул.

— Господи! Господи! — Она повернулась к нему и уткнулась ему в грудь.

Он прижимал ее к себе.

— Скажи, любимая моя, — просил он. — Скажи, что причиняет тебе боль.

Она немного успокоилась и перестала плакать.

— Оставь меня ненадолго, — попросила она странным голосом, как человек, решивший покориться судьбе. — Дай мне подумать. — Она обняла его, поцеловала и сказала, глядя с нежностью: — Милый, я пытаюсь сделать все, чтобы нам было хорошо. Прошу тебя, верь. Но я в безвыходном положении...

— Теперь уйди, — сказала она. — Мне нужно подумать.

Этот вечер был почти таким же радостным и нежным, как первый. Веспер была возбужденной, смеялась, хотя иногда ее смех звучал неестественно, но Бонд решил, что стиснет зубы и будет ждать. Лишь под конец ужина промелькнувшее в разговоре неосторожное слово заставило ее

вздрогнуть.

Она погладила его руку.

— Не будем сейчас об этом. Забудь на вечер о том, что было. Это уже в прошлом. Завтра утрем и скажу тебе все.

— Налей мне еще шампанского, — попросила она, неожиданно усмехнувшись. — Я хочу много шампанского. Ты пьешь больше, чем я, это несправедливо.

Они выпили всю бутылку. Веспер встала, чуть покачиваясь.

— Похоже, я пьяна, — сказала она, — это ужасно! Пожалуйста, Джеймс, не стыдись меня. Я так хочу быть веселой. И я веселая.

Она подошла к нему и потрепала его волосы.

— Приходи скорее. В этот вечер мне очень хочется тебя. — Она поцеловала его и исчезла.

Они медленно, нежно, переполняемые страстью, которой Бонд уже не ждал, долго любили друг друга. Стена отчуждения, казалось, рухнула; слова, которые они произносили, вновь стали легкими и искренними.

— Скоро утро, — прошептала Веспер, когда Бонд ненадолго заснул в ее объятиях.

Когда он все-таки открыл глаза, встал и, поцеловав в последний раз, пожелал Веспер спокойного

сна, она протянула руку к лампе и включила свет.

— Посмотри на меня, — сказала она, — и дай мне посмотреть на тебя.

Он опустился рядом с ней на колени.

Веспер вглядывалась в его лицо так, будто увидела его впервые. Потом она обвила рукой его шею. Ее голубые глаза блестели от слез, когда она нежно наклонила его голову к себе и осторожно поцеловала в губы.

— Спокойной ночи, любимый мой, — сказала она и выключила свет.

— Спи спокойно, милая, — пожелал он. — Теперь все будет хорошо.

Он тихо прикрыл дверь и с тяжелым сердцем вошел в свою комнату.

27. Прощание

Утром хозяин гостиницы принес ему письмо. Он ворвался в комнату к Бонду, держа конверт перед собой так, будто он жег ему пальцы.

— Случилось несчастье! Мадам...

Бонд вскочил, ринулся в ванную комнату, но дверь к Веспер была заперта. Он бросился назад, выбежал в коридор, где чуть не сбил с ног испуганную горничную.

Дверь в комнату Веспер была открыта настежь. Сквозь ставни пробивался солнечный свет. Бонд увидел сначала черные волосы на белой подушке, затем, под покрывалом, застывшую, как изваяние, Веспер.

Он упал на колени и откинул покрывало.

Она спала. Казалось, она спала. Ее глаза были закрыты. Ничто не изменилось в выражении ее милого лица. Она вся была такой, какой должна была быть, и все же без движения, без пульса, без дыхания. Да, она не дышала.

Чуть позже в комнату зашел хозяин и, тронув Бонда за плечо, кивнул на пустой стакан на ночном столике, где лежала книга, которую она

читала, сигареты, спички и те женские мелочи, которые теперь были похожи скорее на символы: зеркальце, губная помада, платок. На дне стакана белел засохший осадок. На полу валялся пустой флакончик из-под снотворного, тот самый, который Бонд заметил в первый вечер.

Бонд поднял его, потряс. Хозяин гостиницы протянул ему письмо, Бонд взял его.

— Пожалуйста, позвоните комиссару полиции, — сказал Бонд. — Если потребуюсь ему, я у себя в комнате.

Бонд, не оборачиваясь, медленно пошел к себе. Он сел на край кровати и посмотрел в окно на спокойное море. Затем долго смотрел на конверт. На нем размашистыми буквами было написано короткое «Для Него».

Внезапно Бонда поразила мысль, что Веспер, должно быть, специально попросила разбудить ее пораньше, чтобы не он первым нашел ее мертвой.

Бонд глубоко вздохнул и распечатал письмо.

Он прочитал его быстро, затаив дыхание. Трудно дались ему только первые строки.

"Мой дорогой Джеймс (так начиналось письмо).

Я люблю тебя всем сердцем, и сейчас, когда ты

читаешь эти строки, надеюсь, ты еще любишь меня. Так что прощай, мой милый, любимый, пока мы еще любим друг друга. Прощай, мой дорогой.

Я — агент МВД. Да, двойной агент, и работала на русских. Они завербовали меня через год после окончания войны. Я была любовницей одного поляка из британских военно-воздушных сил. Когда я встретила тебя, я его еще любила. Ты можешь узнать, кто он. Он был дважды награжден орденом «За боевые заслуги». После войны М. подготовил его для заброски в Польшу. Русские его взяли, и под пытками он многое рассказал, в том числе и обо мне. Они нашли меня и сказали, что сохранят ему жизнь, если я буду на них работать. Он об этом ничего не знал, но ему разрешили мне писать. Письма от него приходили 15-го числа каждого месяца. Я скоро поняла, что попала в замкнутый круг. Я не могла представить, что однажды пятнадцатого числа не получу от него письма. Это было все равно, как если я убила бы его собственной рукой. Я старалась давать им как можно меньше сведений. Ты можешь мне верить. Потом они занялись тобой. Это я сказала им, что в Руаяль посылают тебя. Вот почему они знали о тебе еще до твоего приезда и успели установить микрофоны. Они подозревали Намбера,

но о твоем задании, кроме того, что оно как-то связано с ним, они ничего не знали. Я ничего им не говорила. Потом они требовали, чтобы я не стояла позади тебя в казино и сделала так, чтобы ни Лейтер, ни Матис не заняли это место. Вот почему их человеку чуть не удалось застрелить тебя. Потом потребовалось, чтобы я сыграла то похищение. Ты наверняка удивлялся, почему у них все так легко получилось в ночном клубе. Потому что я работала на русских.

Но когда я узнала, что они сделали с тобой, хотя это были не они, а предатель Намбер (к тому времени он уже стал для них предателем), я решила, что с меня довольно. Я уже любила тебя. Они хотели, чтобы я, пока ты лежал в клинике, выяснила у тебя какие-то сведения, но я отказалась. Они контролировали меня через Париж. Я должна была дважды в день звонить туда. Я не звонила. Они мне угрожали. Сказали, что мой друг в Польше должен будет умереть. Возможно, они боялись, что я могу заговорить, по крайней мере, я так думаю. Мне передали последнее предупреждение — если я откажусь работать на них, мной займется СМЕРШ. Я не испугалась. Я любила тебя. А потом я увидела в «Сплендиде» человека с черной повязкой и выяснила, что он

интересовался мною. Это было накануне того, как мы приехали сюда. Я надеялась, что смогу спрятаться от него. Я любила тебя, я хотела быть с тобой, а потом я бы попыталась через Гавр уехать в Латинскую Америку. Я хотела иметь от тебя ребенка и начать другую жизнь. Но нас нашли. От них невозможно убежать.

Я знала, что, если я все расскажу тебе, это будет конец нашей любви. И я поняла, что у меня нет выбора: или я буду ждать, пока меня убьет СМЕРШ, и тогда, возможно, тебя убьют вместе со мной, или я умру сама.

Помочь тебе я почти ничем не могу. Я знаю очень немного. Номер в Париже — коммутатор Энвалид 55—20. В Лондоне все передавалось через связника — продавца в газетном киоске на Чаринг-кросс, 450.

В самом начале нашего знакомства ты рассказывал мне о человеке, который сказал, что его закрутил мировой водоворот. Это единственное, что меня извиняет. Это и еще любовь к человеку, которому я пыталась спасти жизнь.

Уже утро, я устала, а ты рядом — за этими двумя дверьми. Но я должна быть мужественной. Ты мог бы спасти мне жизнь, но я не смогла бы больше вынести твой взгляд, любимый.

Любимый мой... любимый".

В глазах у него стояли слезы; смахнув их, он взял себя в руки. Лицо его было спокойно и безучастно, когда он, одевшись, спустился к телефону.

Дожидаясь, когда дадут Лондон, он хладнокровно выстраивал в одну линию факты из письма Веспер. Все становилось на свои места. Те вопросительные знаки, которые его инстинкт расставлял последние четыре недели, а разум отметал, были теперь понятны, как указатели на дороге.

Сейчас он видел в ней только агента противника. Их любовь и его боль были отброшены на второй план. Когда-нибудь потом, быть может, он извлечет их из памяти, попытается бесстрастно разобраться в своих чувствах и спрятать их поглубже, туда, где хранятся и постепенно исчезают другие сентиментальные воспоминания. Сейчас он мог думать только о предательстве Веспер и о том, чем это предательство обернется. Как профессионал, он думал только о последствиях: горели «крыши», служившие годами, коды наверняка раскрыты; центр S, который должен был раскрывать секреты Советского Союза, выдавал ему свои собственные...

Бонд сжал зубы. Внезапно в памяти всплыли

слова Матиса:

«Вокруг нас много черных мишеней». И еще раньше: «А СМЕРШ?... Мне не нравится, что эти люди спокойно разгуливают по Франции, как хотят, и убивают всех, кто, как им кажется, предал их режим». Как быстро подтвердились эти слова! И как быстро рассыпались его собственные софизмы!

Пока он, Бонд, играл в индейцев (выражение Намбера показалось Бонду очень точным), настоящий противник спокойно, хладнокровно, без всякого героизма работал рядом с ним.

Он сжал кулаки, ногти впились в ладони. Он был в холодном поту от стыда. Ну что ж, еще не поздно! Для него есть подходящая цель, она совсем рядом. Он займется СМЕРШ и будет охотиться на него, пока не затравит этого зверя. Без СМЕРШ, этого орудия смерти и мести, МВД будет самой обычной организацией обычной разведки, той, не хуже и не лучше, чем любая разведка других стран.

В этом была вся суть русской машины. Ее двигателем был страх, при котором человеку безопаснее идти вперед, чем отступить. Иди на врага, и его пуля, может быть, пролетит мимо. Отступи, сделай шаг в сторону — и пуля не

пощадит. Теперь его цель — рука с кнутом и пистолетом. Разведка пусть остается за мальчиками с белыми воротничками. Пусть они посылают и ловят агентов. Он же займется теми, чьего удара в спину боятся люди. Страхом, который делает их агентами. Зазвонил телефон. Бонд снял трубку. На проводе было «звено», офицер наружной связи, единственный человек в Лондоне, с которым разрешалось связываться по телефону из-за границы при крайней необходимости. — 007 у телефона. Говорю по открытой линии. Срочная информация. Вы меня слышите? Немедленно передайте: «3030 был двойным агентом, работающим на красных». Да, черт возьми, я сказал «был». Она сдохла.